Виктор Петров

Город на Сунгари

ВИКТОР ПЕТРОВ

ГОРОД НА СУНГАРИ

Виктор Петров
"Город на Сунгари"
Очерки и рассказы.

Victor Petrov
The City On Sungari
Collection of essays and stories.

В книге помещено 74 фотоиллюстрации.
Оформление обложки В. Петрова.

1-е издание, 1984 г.

2-е дополненное издание, 1987 г.

Издание
Русско-Американского исторического общества
Вашингтон, Д. К.

МОЕЙ ЖЕНЕ ЛИЗЕ

ПОСВЯЩАЮ ЭТОТ ТРУД
О НАШЕМ РОДНОМ ГОРОДЕ

ГОРОД НА СУНГАРИ

1. ПЕРВЫЕ ГОДЫ

Многие дальневосточники, в настоящее время разбросанные по разным странам русского рассеяния, с чувством ностальгии вспоминают свои молодые годы, проведенные в Харбине и, вообще, в Китае. Не мало среди бывших харбинцев тех, кто родился в Харбине или приехал туда ребенком и помнит блаженные времена ”Счастливой Хорватии” — периода времени на Китайской Восточной железной дороге, когда ее управляющим был генерал Димитрий Леонидович Хорват, а помощником управляющего по административной части — генерал Афанасьев.

Не все, вероятно, знают, что в 1978 году (16 мая) исполнилось 80 лет со дня основания города Харбина, бывшего в начале своего существования центром русской колониальной политики в Маньчжурии.

Основание города Харбина и последовавший затем его феноменальный рост, и громадное, первенствующее значение в северовосточных провинциях Китая были прямым результатом сооружения грандиозной русской железной дороги на территории Маньчжурии. Эта вновь построенная железная дорога, пересекавшая всю Маньчжурию с запада на восток, с ответвлением от Харбина на юг, до Порт-Артура, стала называться Китайской Восточной железной дорогой.

Строительство железной дороги, называвшейся сокращенно КВЖД, было начато в 1897 году, на основании Русско-Китайского соглашения 1896 года. Закулисное маневрирование и дипломатическая игра, предшествовавшие подписанию договора достаточно известны рядовому читателю, так же как и имена главных действующих лиц этих международных интриг: С. Витте — со стороны России и Ли Хун-чжана — со стороны Китая. Лицам, интересующимся подробностями переговоров с деталями заключенного договора, можно порекомендовать просмотреть очерки автора этой статьи, печатавшиеся в газете ”Новое Русское Слово”, в 1974-75 гг. (”Китайская Восточная...”; ”Выход России к Желтому Морю”; ”Постройка КВЖД”; ”Боксерское восстание в Китае”).

Постройка КВЖД началась в 1897 году, одновременно в нескольких направлениях: из Владивостока — в западном направлении на маньчжурскую границу и дальше, к пересечению

трассы строящейся железной дороги с рекой Сунгари, в центре Северной Маньчжурии; и из Читы — на восток, для встречи со строителями, идущими из Владивостока. В то же самое время началась постройка железнодорожного пути от реки Сунгари на восток и запад, навстречу строителям из Владивостока и Читы.

На том стратегическом месте, где трасса железной дороги пересекала могучую реку Сунгари, появился поселок, названный Сунгари. Позже название поселка переменили на Харбин.

Начиная с 1898 года, когда от реки Сунгари строители пошли на юг, начав постройку южной ветки КВЖД в сторону Порт-Артура, Харбин стал центром железнодорожного строительства в Маньчжурии.

Этот год (1898-ой) принято считать официальной датой основания города Харбина. 16 мая 1898 года в восьми верстах от берега реки Сунгари был возведен первый барак строителей железной дороги. Вокруг этого первого барака быстро выросло небольшое селение, которое позже стало называться ”Старым Харбином”. Географ В. А. Анучин в своей книге ”Географическое описание Маньчжурии” (1948 г.), отмечая год основания Харбина — 1898-ой — указывает другое место, где был заложен первый барак строителей. Он пишет: ”Здесь, в теперешнем ”Мостовом поселке”, 16 мая 1898 г. был заложен инженером Шидловским барак. Эту дату и приходится принять за дату основания города Харбина”. Свои сведения он заимствовал из харбинского издания ”Промышленность Северной Маньчжурии” (издание КВЖД, Харбин, 1928 г.).

Несколько позже, на возвышенной части, ближе к реке, вырос новый поселок, который стал называться ”Новым Городом”.

Это был странный город — чисто русский город, с русскими постройками, русским колоритом, но на китайской земле. Город Харбин, построенный на стыке железных дорог и широкой, величественной реки Сунгари, в самом центре богатой, черноземной маньчжурской равнины, стал расти со сказочной быстротой. В Харбин на постройку железной дороги хлынули тысячи русских людей. Как обычно, туда же кинулись дельцы самых разнообразных толков и разного пошиба в надежде быстро разбогатеть на новооткрытых девственных землях Маньчжурии и в ее деловом и административном центре — Харбине.

Особенно быстро богатели люди, занимавшиеся подрядами

на строящуюся железную дорогу, продуктами лесной промышленности, главным образом поставками шпал на железную дорогу.

В январе 1904 года вспыхнула Русско-Японская война и Харбин оказался центром прифронтового тыла, с концентрацией интендантских учреждений в молодом городе. Это способствовало дальнейшему обогащению харбинских коммерсантов. В магазины, рестораны, кабачки, ну и, конечно, кафе-шантаны прифронтового города полились потоки денег. Город оказался переполненным военными — волнами пополнений, льющимися из России через Харбин на фронт и теми, которые обслуживали тыловые учреждения.

Много блестящих офицеров, прославившихся на войне, побывали в Харбине в это время. Были там герои генералы: Мищенко, Ренненкампф и другие. Посетил Харбин и главнокомандующий генерал Куропаткин, так же как и сменивший его генерал Линевич. Молодой офицер, капитан Генерального Штаба А. И Деникин приехал добровольцем в Маньчжурию. Некоторое время он провел на должности начальника штаба 3-й Заамурской бригады, расквартированной на станции Ханьдаохэцзы. Тыловая работа его не удовлетворяла и он, в конце концов, добился назначения на фронт. Бывал в Харбине и российский военный агент в Китае Л. Корнилов. Оба эти офицера позже, в генеральских чинах, прославились на полях сражений в Первую Мировую Войну, а затем во время Гражданской войны, на Юге России.

Окончилась война и Харбин превратился в тихий, сонный, провинциальный город. Это был типичный русский город, может быть, типа уездного города, но на китайской территории, в так называемой "полосе отчуждения", в которой была русская администрация, русский суд и полиция, а также русские охранные войска. Русское население в Маньчжурии, да и вообще в Китае пользовалось правами экстерриториальности, как и вообще все подданные и граждане великих держав.

Несмотря на исключительную важность русского колониального эксперимента в Маньчжурии, мало кому из русских в прежней дореволюционной России было известно, как жили русские на этом замечательном русском островке среди безбрежного китайского моря. Да и теперь в русском Зарубежье очень немногие представляют себе условия жизни в русской "полосе отчуждения" Китайской Восточной железной дороги.

Только после захвата Маньчжурии японцами в 1932 году положение русских изменилось. Им пришлось испытать на

себе произвол японской военщины. Но... годы от 1932 до 1945 были последними годами пребывания русских в Маньчжурии. За ними пришли "освободители" — советская армия, и русская глава в истории Маньчжурии закончилась страшной последней страницей увоза многих тысяч русских людей в советские концлагеря, по окончании Второй мировой войны.

А до этого там была другая жизнь... благословенная, о которой до сих пор с грустью вспоминают бывшие харбинцы. И об этой жизни, мало знакомой большинству жителей Русского Зарубежья, хочется поведать пишущему эти строки.

Тридцать пять лет, со времени основания Харбина в 1898 году, русские жители Маньчжурии жили там тихой, спокойной, нормальной, неторопливой жизнью, жили "как у Христа за пазухой"... росли, учились, женились, обзаводились семьями...

Некоторые перемены произошли с большевистским переворотом в России 7 ноября (25 октября) 1917 года. Эти политические события, бурно захватившие всю Россию, только частично всколыхнули Маньчжурию. Довольно нерешительная попытка захватить власть в "полосе отчуждения КВЖД" и передать бразды правления советам рабочих и солдатских депутатов была в корне пресечена решительными действиями генерала Хорвата. По инициативе генерала Хорвата Харбин и вся "полоса отчуждения" были заняты китайскими войсками в декабре 1917 года, а советы изгнаны из Китая.

Рядовой русский житель Харбина существенных перемен в своем материальном благополучии не почувствовал. Наиболее существенной была потеря русскими прав экстерриториальности с постепенным переходом полиции, суда, городского управления в руки китайской администрации. Русские жители, много лет прожившие в Маньчжурии, неожиданно из русских подданных перешли на положение эмигрантов.

Принимая во внимание размеры города Харбина и его население, можно, вероятно, сказать, что по своему укладу, порядкам, русским обычаям и темпу жизни Харбин до 1917 года мог быть типичным русским уездным городом. После 1917 года, когда в Харбин нахлынули десятки тысяч беженцев из Сибири, в результате крушения омского правительства Колчака, Харбин заметно вырос в культурном отношении и, вероятно, мог теперь сравняться с любым губернским городом в России.

Как же жили русские люди в этом русском городе на китайской земле и каков был Харбин в блаженные дореволюционные времена?

Выше уже было отмечено, что Харбин сказочно вырос на стратегическом пункте, где скрещивалась ново-построенная Китайская Восточная железная дорога и величавая, многоводная река Сунгари, несущая свои обильные желто-илистые воды на встречу с могучим Амуром.

Харбин вырос со сказочной быстротой. Его рост, вероятно, можно сравнить с бурным ростом американских городов "Дикого Запада" на американском континенте. Размах роста Харбина был чисто американский и в этом Харбин разнился от русских городов. В деньгах в Харбине недостатка не было. Этот новый для России колониальный опыт разжигал воображение, и в Харбин стали стремиться со всех концов необъятной России специалисты: инженеры, строители, хлынули коммерсанты, ищущие быстрой наживы, разные подрядчики, дельцы всякого сорта и пошиба, а также и простой люд — рабочие-строители.

Закончилась Русско-японская война и железная дорога в Маньчжурии пополнилась сотнями новых служащих и рабочих, демобилизовавшихся воинов действующей армии. Бывшие солдаты, ефрейторы и унтер-офицеры стали теперь кондукторами, стрелочниками, дорожными мастерами и путевыми сторожами. Еще позже ряды служащих пополнились бывшими чинами Заамурской пограничной стражи по окончании ими срока действительной службы в рядах Императорской армии.

С началом постройки железнодорожного пути в Маньчжурии на всех железнодорожных станциях и, прежде всего, в Харбине началась энергичная постройка хороших, добротных зданий кирпичной кладки. В Харбине, одним из первых, был сооружен громадный комплекс здания управления железной дороги и других зданий администрации дороги. Для служащих железной дороги строились прекрасные, теплые одноэтажные особняки с толстыми кирпичными стенами, что являлось необходимой защитой от суровых маньчжурских зим. Для мелких служащих и рабочих строились здания в две, три и больше квартир. Никто не был обижен. Каждый служащий и рабочий КВЖД был обеспечен казенной квартирой.

Недалеко от здания управления дороги на Большом проспекте появилось красивое строение Железнодорожного собрания, с прекрасным залом и сценой. Это собрание в былые времена было центром культурной активности Харбина.

В том же районе вскоре выросли корпуса больших зданий коммерческих училищ — мужского и женского — вначале единственного среднего учебного заведения в городе. Харбин

быстро обстраивался и принимал вид опрятного, чистого города с широкими улицами, окаймленными рядами деревьев.

Первый поселок железнодорожных строителей, названный Старым Харбином, остался где-то в стороне. Жизнь сосредоточилась в новой части города, на ее возвышенном секторе, получившем название "Новый Город". Это название так и осталось за этим районом на все время пребывания русских в Харбине.

Сразу же с перенесением городских построек на новое место, в Новом Городе, в самом его центре началось сооружение красавца-собора. Темный, ажурный собор, построенный из бревен, был сооружен в стиле древних вологодских храмов. Часто его называли "шоколадным" собором из-за темного цвета его бревенчатых стен. При закладке фундамента собора в нем была помещена мемориальная доска с надписью:

"Во имя Отца и Сына и Святаго Духа основася сия церковь в честь и память иже во святых Отца нашего Николая Архиепископа Мирликийского Чудотворца, в 6-й год Царствования Благочестивейшего Самодержавнейшего Великого Государя нашего ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА и в 25-й год царствования Гуанг Сюй в Китае, разрешением протопресвитера военнаго и морскаго духовенства Александра Алексеевича Желобовскаго при министре финансов Сергее Юлиевиче Витте, при председателе Станиславе Ипполитовиче Кербедзе и главном инженере строителе Александре Иосифовиче Юговиче, в лето от сотворения мира 7407, от Рождества же по плоти Бога Слова 1899 года октября 1 дня в железнодорожном поселке Сунгари, архитектором Алексеем Клементиевичем Левтеевым, по освящении священниками Охранной Стражи Александром Петровым Журавским и Стефаном Михайловым Белинским".

2. ПОСЛЕ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

Первые 19 лет существования Харбина жизнь в городе шла тихо, спокойно, размеренно, кроме случаев исключительных, экстраординарных событий, которые вдруг нарушали размеренный распорядок жизни. Таким большим событием, конеч-

но, была кровопролитная Русско-японская война 1904-5 гг., когда в Харбин нахлынули массы людей. Кончилась война. Отхлынул пришлый элемент, и жизнь опять вошла в свою нормальную колею. А жили люди в нормальное время в Маньчжурии неплохо. Железнодорожные служащие, от начальников служб до последних стрелочников и сторожей, пользовались такими привилегиями, которые даже не снились служащим российских железных дорог. Кроме приличных окладов жалования им полагалась казенная квартира, размеры которой зависели от занимаемого положения, часто в отдельном доме, с казенным отоплением. Первые двадцать лет существования КВЖД этим отоплением были дрова, раз в месяц отпускавшиеся с дровяного склада, расположенного на берегу речки Модягоу в Харбине. Линейные служащие на станциях и разъездах железной дороги получали свои дрова, которые привозились им с крупных деповских станций в товарных вагонах и доставлялись во двор каждого служащего. Медицинская помощь служащим была бесплатная. Больных помещали в Центральную больницу в Харбине, лечили, давали лекарства, и все это бесплатно. Такие же участковые больницы находились на больших деповских станциях. Каждый служащий дороги и члены его семьи пользовались бесплатным проездом по железной дороге. Мало того, раз в четыре года служащему полагался долгий отпуск, и ему (с семьей) предоставлялся бесплатный проезд по железным дорогам в любой пункт Российской империи. Где и когда служащие любого предприятия пользовались тогда или теперь такими привилегиями?

Служащие управления дороги занимались в своих канцеляриях только шесть часов в день. Рабочий день кончался рано, и в 3-4 часа дня они уже мирно обедали у себя дома. В свободное время занимались визитами друг к другу, питьем пива в тенистых беседках в саду, а вечерами — непременный преферанс. Нужно отметить, что в эти первые годы особенных культурных развлечений в Харбине не было, кроме разве любительских театральных постановок.

Средний обыватель, конторщик какого-нибудь отдела в управлении дороги, мог иметь прислугу, обыкновенно китайца-повара. Всех китайцев-поваров звали ”бойка” — производное от английского ”бой”. Большинство железнодорожных служащих в Харбине жило в уютном, тенистом Новом Городе, кроме разве рабочих депо и механических мастерских.

Кроме этой административной части города с ее резиден-

циями, носящей название "Новый Город", сильно разросся другой район, расположенный в низине между Новым Городом и рекой Сунгари. Эта часть города называлась "Пристань". Это был торговый центр города с его бесчисленными магазинами по Китайской улице. В то время как чиновный Новый Город почивал в своем степенном спокойствии, живая, энергичная, шумливая "Пристань" кипела, бурлила жизнью с ее магазинчиками, иллюзионами, ресторанами, кабачками и кафе-шантанами.

Прошло пять лет со времени окончания Русско-Японской войны, и жизнь Харбина была вновь нарушена, на этот раз посещением страшной азиатской гостьи — чумы! Это была суровая, холодная зима 1910-11 гг. Харбин застыл от ужаса и полной беспомощности. Число жертв чумы среди китайского населения было потрясающим. Смертность среди заболевших чумой была стопроцентная. Было несколько жертв и среди русских. Умерших не хоронили, а сжигали на кострах. Только с наступлением теплых весенних дней эпидемия чумы сама по себе прекратилась. Позже эпидемия чумы повторилась, если память не изменяет, зимой 1920 года, а кроме того, на памяти пишущего эти строки, Харбин в летнее время испытал также две эпидемии холеры.

Молодой город Харбин мог также гордиться своим героем, О. П. Панкратовым. Харбинец О. П. Панкратов на заре этого столетия совершил небывалое в те времена кругосветное путешествие на велосипеде. В свое путешествие он выехал из Харбина 10 июля 1911 года и после невероятных приключений и мытарств свою миссию кругосветного путешествия закончил в два года и вернулся в Харбин 28 июля 1913 года.

В те времена объехать на велосипеде вокруг света было делом нелегким, принимая во внимание почти полное отсутствие дорог. Свой путь из Харбина спортсмен направил на запад, через Сибирь, вдоль Великого Сибирского Пути. По дороге он подвергся нападению сибирских крестьян, обстрелявших его из охотничьих ружей.

В своем кругосветном путешествии он посетил в Европе: Германию, Австро-Венгрию, Швейцарию, Италию, Балканские страны, Турцию, Францию, Испанию, Португалию и Англию. Затем — переезд через Атлантический океан в Нью-Йорк, откуда по ужасным, немощенным американским дорогам добрался до Сан-Франциско. Опять — океан, на этот раз Тихий — в Японию, оттуда в столицу Китая — Пекин и, наконец, триумфальное возвращение в Харбин 28 июля 1913 года. Насе-

ление Харбина устроило О. П. Панкратову восторженную встречу, приняв его как героя.

Через год вспыхнула Первая Мировая война, и О. П. Панкратов сразу же покидает Харбин и уезжает добровольцем на войну. Закончив Гатчинскую авиационную школу и получив звание летчика, он, в чине добровольца унтер-офицера, назначается в авиационную часть на германском фронте. Два года совершает смелые полеты над территорией противника теперь уже произведенный в офицерский чин прапорщика О. П. Панкратов. За свои смелые полеты он был награжден всеми четырьмя степенями солдатского Георгиевского креста.

27 августа 1916 года военный летчик О. П. Панкратов, совершавший очередной полет вместе с французом-наблюдателем подпоручиком Анри Лораном на своем ''Вуазене'', был сбит двумя немецкими ''Альбатросами''. Оба, Панкратов и Лоран, были убиты. Таков был конец харбинского героя, спортсмена, кругосветного путешественника и военного летчика О. П. Панкратова.

Подошел юбилейный 1913-ый год, который остался в памяти нескончаемыми торжествами по случаю 300-летия царствования Дома Романовых. Город покрылся сплошным морем весело развивавшихся национальных трехцветных бело-сине-красных флагов. Главные улицы: Большой и Вокзальный проспекты в Новом Городе и Китайская улица на Пристани пестрели и горели яркими красками флагов. По улицам ходили бесчисленные патриотические манифестации и крестные ходы с хоругвями. В школах звонкие детские голоса — дисканты и альты — бесконечное количество раз пели знакомые слова торжественного национального гимна: ''Боже Царя храни, сильный, державный...'' В последний раз, помнится, этот национальный гимн исполнялся учениками на школьном празднике, во время Рождественских каникул, в конце 1916 года.

Кончились торжества по случаю 300-летнего юбилея Дома Романовых, наступил 1914-ый год, и с этим судьбоносным годом пришла ВОЙНА!

Харбин опустел, ушли на фронт заамурцы, чтобы уже больше не вернуться в Харбин, опустели ряды мужской молодежи, но, тем не менее, Харбин продолжал жить так же, как он жил все 15 лет своего существования. Железная дорога продолжала работать безотказно, хотя и с некоторой привычной прохладцей. Все делалось в Харбине не торопясь.

Харбин, как и вся Маньчжурия в те времена ''счастливой

Хорватии", как шутливо называли время администрации генерала Д. Л. Хорват, все еще жили по старинке, неторопливо. Поезда ходили не торопясь, так, как вообще проходила вся неторопливая жизнь этого первого русского колониального предприятия. Поездные бригады не торопились и не старались точно следовать расписанию поездов. Нередко главный кондуктор задерживался в вокзальном буфете 1-го класса за стаканом чая и разговорами с буфетчиком-грузином. Многие буфетчики в станционных буфетах почему-то были грузины, и каждый из них славился какой-то своей особенной буфетной специальностью. Буфетчик на станции Эрцендзяндзы, например, славился своими чудесными блинчатыми, мясными пирожками.

Опоздания поездов на час или на два на пути от станции Маньчжурия или Пограничная до Харбина были обычным явлением. Неторопливых пассажиров-железнодорожников это не поражало, и они не протестовали. Это был их обычный, неторопливый уклад жизни.

Большим событием во время войны, вызвавшим необычайное возбуждение в городе, был приезд члена Императорской фамилии в Харбин. Если память не изменяет, это был Великий Князь Георгий Михайлович, посетивший Харбин в зимнее время. В студеную зимнюю стужу, перед заходом солнца, на Вокзальный проспект были выведены войска и выстроены шпалерами вдоль пути от вокзала к собору, где почетного гостя ждало духовенство. Туда же были приведены учащиеся всех учебных заведений города, включая нас, малышей из приготовительных классов. По обеим сторонам Вокзального проспекта были расставлены плошки, зажженные с наступлением темноты. Плошки явились единственным освещением для процессии от вокзала до Св. Николаевского собора.

Холод в тот зимний вечер был ужасный. Дети стали мерзнуть, хныкать. Вдруг вдали, со стороны вокзала, раздалось приглушенное "Ура", все громче и громче, ближе и ближе. В кромешной ночной мгле ничего не видно, кроме слабого мерцания плошек, освещавших лица учеников и солдат, а дальше только угадывались тени тысяч людей, позади них. Рядом вдруг грянуло мощное "Ура"... мимо пронеслась коляска с какими-то людьми... Один из них, очевидно, был Великий Князь. Коляска скрылась вдали и все умолкло. Так мы и не разглядели Великого Князя, которого ожидали несколько часов. Да и он, конечно, никого не видел, только слышал мощное "Ура!"

К 1917-му году Харбин стал уже крупным центром Маньчжурии, и не только как центр управления железной дороги, но и коммерческий центр Северной Маньчжурии. Город расстроился, разросся, похорошел и позеленел. Хотя торговая жизнь города и концентрировалась на "Пристани", но самый большой универсальный магазин города, "Чурин и Ко.", находился в Новом Городе, на углу Большого проспекта и Новоторговой улицы, на расстоянии двух или трех кварталов от собора. Тут же рядом был большой книжный и писчебумажный магазин Щелокова и известная в городе кондитерская Зазунова. Ниже по Новоторговой улице, по направлению к Пристани, находилась крупная немецкая фирма, "Симменс-Шуккерт", рядом с гостиницей и иллюзионом "Ориант". В иллюзионе беспрерывно шли популярные душещипательные фильмы с участием знаменитой артистки Веры Холодной или приключенческие фильмы с захватывающими названиями, вроде "Сашка-семинарист".

Нужно отметить, что образование в Харбине было поставлено высоко и придерживалось высоких стандартов, установленных министерством народного просвещения в России. Высших учебных заведений в дореволюционное время в Харбине не было, но средние школы считались отличными. Исключительной репутацией пользовались Коммерческие училища, с их директором Борзовым. Учебная программа училищ велась по правилам министерства народного просвещения. Исключением было то, что, кроме обычных иностранных языков, там также преподавался китайский язык.

Коммерческие училища содержались на средства железной дороги и их преподавательский персонал пользовался всеми правами и привилегиями служащих железной дороги.

Другим крупным учебным заведением в ведении железной дороги была прогимназия, позже преобразованная в полную восьмиклассную железнодорожную гимназию с двумя приготовительными классами. Эта гимназия стала называться гимназией имени генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата. Преподавание в ней также велось по программе министерских гимназий. Из иностранных языков в ней было обязательное изучение немецкого, английского и латинского языков.

Были в Харбине и частные гимназии. В Новом Городе, в Московских торговых рядах на Соборной площади находилась мужская гимназия Рофаста. На Вокзальном проспекте, недалеко от собора находилась частная женская гимназия Оксаковской, с очень строгими правилами поведения для учениц. Эта гимназия, с ее строгой директрисой Оксаков-

ской и с не менее строгими классными дамами-надзирательницами, до некоторой степени имела атмосферу институтов благородных девиц.

Были гимназии и на Пристани. Там отпрыски коммерческого мира и богемы поступали учиться в мужскую гимназию Андерса и женскую гимназию Генерозовой. Описание учебных заведений того времени можно закончить 4-классным высшеначальным училищем и 2-классной Соборной школой. В этой последней школе, кроме предметов обычно преподававшихся в приготовительных и первых двух классах гимназий, малыши также изучали французский и церковно-славянский языки.

Жизнь в этом необыкновенном русском городе на китайской земле шла неторопливо, степенно и зажиточно. Русские были хозяевами в "полосе отчуждения" и поэтому даже не стремились изучать язык страны, в которой они жили. Как парадокс, приходится отметить, что китайцам-торговцам, ремесленникам, прислуге и рабочим приходилось изучать русский язык. Безграмотные китайцы ужасно коверкали и уродовали русские слова, говорили на каком-то ломаном русском языке. Слова они произносили на китайский манер, но, как ни странно, все русские их прекрасно понимали.

Русские тоже запоминали несколько общеупотребительных китайских слов, но страшно их коверкали и, как правило, произносили их на русский манер, чем приводили в ужас специалистов-китаеведов. И опять-таки китайцы прекрасно понимали эти исковерканные, так называемые китайские слова, вроде "маманди" или "кокойда"...

Наступил судьбоносный 17-ый год и с ним "великая бескровная" революция. В городе стали развеваться красные полотнища. Школьники с прежним энтузиазмом стали исполнять вместо "Боже Царя храни" теми же звонкими голосами новые слова нового гимна "Марсельезы": "Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног".

Шли недели, месяцы... революционный угар стал испаряться, сошел на нет. Появился скептицизм, и в то время как мы, все школьники, послушно и старательно голосили "Отречемся от старого мира", мой друг Миша, насмешливо и так же громко, к моему ужасу пел в хоре в тон нашим словам, но... "Отречемся от старого мыла и не будем мы в баню ходить..."

Революция принесла радикальные перемены в налаженный распорядок жизни в Харбине.

3. РЕВОЛЮЦИЯ... ПЕРЕМЕНЫ.

Был конец февраля 1917 года. До Харбина неожиданно докатились из Петрограда сенсационные вести — революция... свержение царской власти... свобода...

Город был охвачен радостным революционным угаром... На площадях — многолюдные манифестации с пламенными красными флагами и пением ”Марсельезы”. Позже начались предвыборные кампании кандидатов в Учредительное собрание. По городу были развешены громадные крикливые плакаты, требовавшие голосовать за кандидата ”Номер 1... 2... 4”. Откровенно говоря, публика мало разбиралась в этой загадочной номенклатуре, но жадно слушала каждого оратора, яростно защищавшего позицию своей партии. Самым популярным был кандидат партии ”Номер 4”, только потому, что шофером грузовика, на котором разъезжали агитаторы за №4, был негр, самый настоящий негр, единственный во всем городе и неизвестно откуда взявшийся... может быть, он был одним из артистов местного городского цирка!

Публика собиралась толпами, чтобы поглазеть на негра, чем, конечно, пользовались ораторы, агитировавшие за партию №4. Нормальная жизнь города была нарушена. Харбин жадно прислушивался к сообщениям из центра — из революционного Петрограда. Стали доноситься тревожные сведения о развале армии, об отказах солдат воевать... о частых беспорядках в Петрограде. Все это, конечно, отразилось и на жизни в Харбине. Революционный угар охватил и воинские части в Харбине. Заамурцы, оставшиеся в Харбине и не ушедшие на фронт, поддались пропаганде, подорвавшей дисциплину. Солдаты стали ходить по городу без фуражек и поясов, отказались отдавать честь офицерам...

Прошло около восьми месяцев со времени февральской революции. Вдруг в конце октября телеграф принес неожиданное, тревожное сообщение о большевистском контр-революционном перевороте в Петрограде и Москве, положившем конец демократической революции февраля. Это сообщение было подобно ушату холодной воды, облившей харбинцев. Жители Харбина забеспокоились, особенно, когда распропагандированные солдаты, а также рабочие механических мастерских организовали советы и пытались объявить советскую власть в Харбине. Как ни странно, к большевикам

в Харбине присоединился офицер царского времени, Алексей Николаевич Луцкий, всю войну пробывший в воинских частях, расквартированных в Харбине. Луцкий был избран в харбинский совет солдатских и рабочих депутатов. Мало того, советское правительство официально сместило генерала Хорвата с поста управляющего КВЖД в декабре 1917 года и на его пост наметило Луцкого. Эта попытка советов, как известно, потерпела фиаско. Несколько позже Луцкий оказывается в Приморье членом Военного совета и крупным деятелем красного партизанского движения. В апреле 1920 года Луцкий, вместе с С. Лазо и В. М. Сибирцевым, были арестованы во Владивостоке японцами. Всех троих постигла страшная смерть. Японцы вывезли их в мае месяце на станцию Муравьев-Амурский и сожгли всех трех живьем в паровозной топке. Такова была страшная участь бывшего харбинца Луцкого и двух других: все трое — в прошлом офицеры российской императорской армии.

Управляющий КВЖД генерал Хорват отказался подчиниться советскому правительству и, для того, чтобы спасти полосу отчуждения от советской власти, решился на отчаянный шаг. Он договорился с китайской администрацией маньчжурских провинций и в декабре 1917 года вызвал в Харбин китайские войска, которым и передана была охрана железной дороги и всей полосы отчуждения КВЖД, на которой находился Харбин и все русские поселки Маньчжурии.

Маньчжурия, вернее "полоса отчуждения", была этим актом потеряна для России, но в то же время спасена от большевистской власти. Генерал Хорват, безусловно, руководился в своем решении патриотическими чувствами. Он считал вызов китайских войск для охраны КВЖД чисто временной мерой для сохранения работоспособности железной дороги, а также и для охраны русских служащих и населения. Ему даже и в ум не могла придти мысль, что большевики в России удержатся у власти и что железная дорога будет потеряна для России.

Хотя китайцы и ввели свои войска в полосу отчуждения в декабре 1917 года, фактически они приняли всю полноту власти там только в 1920 году, после падения власти Колчака в Сибири. Но это произошло потом.

События после октября 1917 года завертелись с калейдоскопической быстротой. Власть большевиков распространилась на всю Сибирь и Дальний Восток. И вдруг... неожиданное выступление японцев во Владивостоке 4-5 апреля 1918 года... поток эшелонов чехословацкого легиона, двигавших-

ся по Великому Сибирскому пути, вдруг остановился. Чехословаки стали захватывать города вдоль транс-сибирской магистрали. К ним присоединились русские добровольцы. В Харбине быстро сформировался конный отряд полковника Орлова. До этого на станции Маньчжурия, на границе с Забайкальем, засел есаул (позже атаман) Семенов со своими забайкальскими казаками. Если не ошибаюсь, Семенов был первым, начавшим борьбу против большевиков на Дальнем Востоке.

Не буду касаться в этом очерке эпопеи гражданской войны в Сибири, в которую был вовлечен и Харбин. Об этом надо писать (и писались) не статьи, а книги. Можно отметить только, что в Харбине стали формироваться русские антибольшевистские отряды. Через город Харбин из Владивостока на запад, в Сибирь, покатились эшелоны международных союзных войск. Кого только харбинцы не перевидали в те дни... Шли бесконечные поезда японцев; шли красочные американцы в своих "бойскаутских" шляпах; шли англичане и итальянцы; проходил прославленный французский "Иностранный легион", и даже шли китайцы. Прошел как-то на запад вновь сформированный польский легион в своих оригинальных четырехугольных фуражках, и бесконечно двигались чехословаки, волнами, то на запад, то опять на восток.

Конец 19-го года принес разгром белого движения в Сибири. Катастрофа в Сибири привела к наплыву в Маньчжурию остатков разбитой белой армии и тысяч гражданских беженцев. Харбин оказался переполненным. Беженцев некуда было помещать. Городской Совет обратился с воззванием к старожилам, коренным жителям Харбина, с просьбой предоставить хотя бы одну комнату в каждом доме для новоприбывших.

Что и говорить, не легко пришлось беженцам вначале, но как-то постепенно все рассосались, разместились. Получилось парадоксальное положение: страшная катастрофа в Сибири, бросившая десятки тысяч беженцев на восток, в пределы Маньчжурии, оказалась благодетельной для Харбина. Харбин стазу ожил и вырос. Русское население его увеличилось до двухсот тысяч человек. Этот прирост населения, в большинстве представителей интеллигенции, поднял культурный уровень этого русского города на китайской земле на необычайную высоту.

В город нахлынули спасшиеся от красного террора профессора крупнейших российских университетов, знаменитые адвокаты, журналисты, в новых учителях оказался переиз-

быток... Коммерсанты, мелкие торговцы, ремесленники — все они пополнили ряды русского населения Харбина, нарушив степенный, сонный покой чиновного города. Прибыло также и много священнослужителей, включая несколько архиереев.

Город сразу ожил. Новоприбывшие стали понемногу устраиваться. Стали расширяться пригороды, в которых началась усиленная постройка новых домов, скорее дачного типа, так называемых саманных и фаршированных построек. Саманные — строились из глинянных необожженных кирпичей, а фаршированные — сколачивались из двух стен из тонких досок, между которыми насыпались опилки. Такие дома строились быстро и были недорогими, но страшно холодными зимой.

Беженская масса расселилась, главным образом по пригородам, в таких домах. Эти пригороды окружали Харбин со всех сторон. Особенно памятны бывшим харбинцам, теперь рассеянным по всему миру, пригороды: Модягоу, Гондатьевка, Саманный городок, Чинхэ, Корпусной городок, Госпитальный городок и даже... Нахаловка. Над Нахаловкой добродушно посмеивались — "чего-чего там нет: водопровода нет, мостовых нет, тротуаров нет..."

Уникальный русский беженский город вырос необычайно, и в короткий срок. Однако администрация края уже перешла в руки китайских властей. Главной потерей в положении русских была потеря ими прав экстерриториальности. Русские теперь подчинялись китайской администрации и были подсудны китайскому суду.

Китайцы, неожиданно унаследовавшие русскую администрацию в полосе отчуждения, не совсем уверенно проявляли свою власть. Вначале они проявили эту свою новоприобретенную власть в том, что переменили порядок движения автомобилей и извозчиков на улицах города с правой стороны на левую. Для большего эффекта на каждом углу были повешены вывески на русском языке с безграмотной надписью: "Все ходить по левой стороне".

В основном никаких существенных перемен не произошло. Даже названия улиц остались прежние, на русском языке. Все перемены произошли позже и постепенно. Со временем русский городской совет прекратил свое существование и городская администрация стала китайской; было отобрано судоходство от КВЖД; так же была отобрана и телефонная администрация.

Что особенно поразительно, это то, что город феноменаль-

но вырос в культурном отношении. С необыкновенной энергией русские эмигранты стали открывать новые школы для нужд увеличившегося населения, началось строительство новых храмов на доброхотные пожертвования недавних беженцев. Главным стимулом к усилившейся культурной деятельности было чувство неожиданной полной свободы и отсутствие страха перед красным террором.

Харбин, в сущности, сделался единственным свободным русским городом на всем земном шаре, в котором жизнь шла прежним, старым, русским, размеренным порядком. Как и в прежней России, рано утром глубокий торжественный звук соборного колокола призывал молящихся к обедне. Вечером также люди истово крестились, услышав размеренные звуки колокола, призывавшего их ко всенощной. А на Пасху весь день с соборной колокольни раздавался беспорядочный, неумолкаемый трезвон всех колоколов. Это был узаконенный порядок для мальчишек — раз в году забраться на колокольню и звонить во все свое удовольствие.

Ничего подобного нигде на Западе среди русской эмиграции не отмечалось. Там русские были эмигрантами, иностранцами. Были там большие русские колонии, организации, церкви, но, тем не менее, они были пришлым элементом.

В Маньчжурии же русские были хозяевами до революции, и такими же, хотя и не хозяевами, но доминирующей экономической силой, они остались и после революции. Настоящие теперь хозяева в Харбине — китайцы — были в меньшинстве. В Харбине их было немного. Это были главным образом мелкие торговцы, лавочники и ремесленники и, конечно, новая администрация. Вообще же, главная масса китайцев продолжала ютиться в своих хибарках, "фанзах", в китайском пригороде, называвшемся Фудзядянь.

4. КУЛЬТУРНЫЙ РАСЦВЕТ

Вся декада двадцатых годов была декадой необычайного культурного расцвета Харбина. В городе появились новые газеты и журналы. Некоторые из них, правда, оказались недолговечными и быстро свертывались, прекращали существование; другие выжили и существовали до самого конца

пребывания русской колонии в Харбине. До революции в Харбине было две газеты: "Харбинский Вестник", редактировавшийся П. Тишенко, впоследствии городским головой города, и "Новости Жизни" Чернявского. Первая газета была рупором официального Харбина, тогда как газета Чернявского была газетой довольно либерального толка и, в сущности, была органом печати коммерческого мира.

После краха белого движения в Сибири, с наплывом беженцев, в Харбин прибыло и много крупных журналистов. Начали издаваться новые газеты и журналы. Прежде всего, старый "Харбинский Вестник" переменил окраску, перешел в новые руки и стал называться "Вестником Маньчжурии". "Новости Жизни" продолжали печататься еще много лет. В то же время появились совершенно новые газеты, поставленные на новые, деловые рельсы и быстро завоевавшие популярность а, следовательно, и клиентуру.

Самой успешной и популярной стала газета "Заря", владельцем которой был столичный, петербургский, журналист Лембич. Он оказался человеком больших деловых способностей, поставил издание газеты на солидный финансовый фундамент, и "Заря" стала преуспевать. Лембич стал расширять свою издательскую деятельность.

В конце двадцатых годов он уже издавал новую газету "Наша Заря" в городе Тяньцзине, а вскоре появилась и еще одна газета этого же издательства "Шанхайская Заря" в Шанхае. Со временем, когда в Шанхай покатилась волна русских из Харбина, "Шанхайская Заря" превратилась в наиболее влиятельную русскую газету Дальнего Востока.

Довольно популярной в Харбине была другая газета, "Рупор", редактором-издателем которой был амурский журналист Кауфман. И наконец появилась небольшая дешевая газетка "Копейка", редактор-издатель которой, тоже бывший петербургский журналист, Чиликин, старался бить на дешевый эффект и крикливые сенсации. Открывались и другие газеты и, просуществовав некоторое время, закрывались. В таком же положении находилось и издание журналов. Из нескольких журналов, начавших издаваться в первые годы эмиграции, удержался один. Это был "Рубеж", принадлежавший Кауфману. Журнал выжил первые критические годы и продолжал издаваться почти до конца существования русской колонии в Маньчжурии.

В эти же первые годы зарубежного существования эмиграции в Маньчжурии, Харбин испытал необычайный расцвет в театральном мире, в связи с наплывом в край крупных ар-

тистических сил из России. Появились театры драмы, оперы и оперетты. Поднялся уровень симфонического оркестра. За отсутствием постоянного театрального здания, постановки устраивались преимущественно на прекрасной сцене Железнодорожного собрания в Новом Городе, а потом и в Коммерческом собрании на Пристани. Оперные спектакли устраивались регулярно во время зимнего сезона. Наиболее памятными были выступления артистов всероссийской известности, Мозжухина и Липковской. Их выступления, однако, были весьма кратковременными, и они вскоре покинули Харбин. Несколько позже слух любителей оперной музыки услаждал новый талант, Лемешев.

Все это происходило давно, очень давно, но, если память мне не изменяет, оперный сезон обыкновенно начинался оперой "Аида". За ней следовали другие, не менее популярные оперы: "Тоска", "Мадам Баттерфляй" (Чио-Чио-Сан) и, конечно, "Кармен". Из Русских опер, помнится, регулярно ставились "Евгений Онегин" и "Пиковая Дама". Изредка, не каждый сезон, ставились "Князь Игорь" и "Садко". Этот список постановок, конечно, не полный.

Харбинская оперетта всегда привлекала полный театр зрителей, наслаждавшихся постановками бесконечно популярной "Баядерки" и других. Мальчишки на улицах напевали или насвистывали арии из "Сильвы" на все лады.

Весьма популярными были концерты симфонического оркестра в Железнодорожном собрании.

Все это безусловно повысило музыкальную грамотность харбинцев. Появилась надобность в формальном музыкальном образовании харбинской молодежи, стремившейся к музыкальной карьере. Это повело к основанию в Харбине первой Высшей музыкальной школы. Основатели школы как-то постеснялись назвать школу на чужой земле консерваторией и решили дать ей более скромное название — "Высшая музыкальная школа". Опять-таки, если мне память не изменяет, в этой школе в свои юные годы обучался Юлий Бриннер, впоследствии известный артист экрана в Голливуде.

Крупными именами в музыкальном мире Харбина были пианистки О. А. Колчина и Аптекарева. О. А. Колчина позже перебралась в Шанхай, где принимала участие в музыкальном оформлении шанхайской оперетты. Перед Второй мировой войной она, с мужем И. А. Колчиным, переехала в Сан-Франциско. Дальнейшая судьба Аптекаревой мне не известна.

Нельзя не отметить весьма популярного места развлече-

ния в Харбине — цирка Изако, находившегося в постоянном помещении, а не в брезентовой палатке, как это принято в Америке. Цирк каждый вечер был переполнен публикой. Подавались там обычные цирковые аттракционы, конечно, с "мировыми" именами. Были там езда на лошадях, клоуны, балерины, атлеты, акробаты на трапециях... В финале на арену выходил парад борцов, с именами вроде "Красная маска", "Черная маска" и другие... звучало громогласное: "Парад-але!" и тому подобное, и затем, конечно, незабываемые цирковые запахи свежих опилок, конских конюшен и клеток для диких животных.

С наплывом культурных сил Харбин стал университетским городом. Наплыв профессоров, беженцев из России, сделал возможным основание в Харбине высших учебных заведений. С прекращением связи и контакта с Россией, находившейся теперь под властью большевиков, харбинской молодежи, по окончании средних школ, некуда было деваться, кроме разве отъезда за границу. Но многие не могли себе это позволить в эмигрантских условиях. Для этого нужны были средства, которых у средней эмигрантской семьи не было. Заработки были небольшие, позволявшие, может быть, безбедно существовать, но ехать за границу могли немногие. Уезжали только единицы из состоятельных семей коммерческого мира или высших служащих железной дороги для продолжения образования в высших учебных заведениях Чехословакии, Бельгии или Франции. Открылась возможность отъезда студенческих групп в Америку. В 1921-22 гг. из Харбина сумело уехать несколько студенческих групп в США, но отъезд студентов вскоре прекратился. В Америке был проведен закон, ограничивавший иммиграцию.

Вполне естественным поэтому оказалось открытие высших учебных заведений в Харбине, выраставших в первые годы, как грибы после дождя — благо в профессорском составе недостатка не было. В самом начале открылась Высшая медицинская школа, затем Техникум, вскоре ставший Политехническим институтом, а потом и Институт ориентальных и коммерческих наук, а также и отдельный Юридический факультет, в сущности исполнявший функции университета. В Институте ориентальных и коммерческих наук находилось два факультета: ориентальный и коммерческий. На Юридическом факультете были факультеты: юридический, экономический и восточный. Таким образом, два высших учебных заведения оказались сразу же конкурентами с однозначными восточными факультетами. Институт ориентальных

и коммерческих наук возглавлялся доцентом Маракулиным. Известный юрист, профессор Головачев, читал в нем курсы по общей теории права, Государственному праву и другим дисциплинам. Там же читал лекции известный китаевед Шкуркин.

Юридический факультет, обычно именовавшийся сокращенно "Юрфак", постепенно стал наиболее крупным высшим учебным заведением, с целым рядом известных, заслуженных профессоров. Возглавлялся он профессором Рязановским. На Юрфаке читали лекции профессора Устрялов, Гинс, Тельберг, Никифоров, Чепурковский и ряд других.

Высшая медицинская школа долго не существовала и вскоре закрылась, кажется, года через два после ее основания, да иначе и быть не могло. В эмигрантских условиях она существовать не могла. Выпускать докторов только с теоретическими познаниями, пусть отличными, школа не могла, не имея необходимого оборудования и не имея возможности предоставлять практические занятия будущим врачам.

Политехнический институт, так же как и Юрфак и Институт ориентальных и коммерческих наук процветали. Из всех высших учебных заведений только Политехнический институт находился в своем собственном помещении, в здании бывшего Российского генерального консульства. В других двух высших учебных заведениях лекции читались по вечерам на Юрфаке — в здании Коммерческого училища, а в Институте ориентальных и коммерческих наук — сначала в здании гимназии Оксаковской, а позже — в другом помещении.

Несмотря на многие недостатки, главным образом в области помещений, не совсем подходящих для высших школ, и оборудования, все три школы предоставляли студентам прекрасное законченное высшее образование. Выпускники Политехнического института — инженеры-механики и инжереры-строители, впоследствии разъехавшиеся по другим странам русского рассеяния, добились там признания и ответственных должностей. То же можно сказать и о воспитанниках других двух высших учебных заведений. Некоторые из них позже добились высших ученых степеней заграницей и получили профессорские кафедры в заграничных университетах, включая ряд университетов в Америке.

Харбинская студенческая молодежь задавала тон городской жизни своим молодым задором, энтузиазмом, неподдельным весельем и корпоративной спайкой. Они прилежно слушали лекции, учились, сдавали свои семестровые и годовые зачеты, но в то же самое время отдавали дань требова-

ниям молодости. Студенческие пирушки, вечеринки, эскапады оживляли жизнь города. Традиционный Татьянин день, 12/25 января, когда-то праздник Московского университета и вообще всего российского студенчества, стал ежегодным событием в Харбине. Устраивались торжественные акты, блестящие студенческие балы, уличные гуляния по морозу на заснеженных харбинских улицах... были вечеринки и пирушки. Студенты веселились до утра, и с ними веселился весь город. Везде и всюду слышалось пение захватывающей студенческой песни-гимна, "Гаудеамус игитур".

Церковная жизнь Харбина также значительно расширилась. Прежний дореволюционный состав духовенства возглавлялся маньчжурским благочинным соборным настоятелем протоиереем о. Леонтием Пекарским. Вместе с ним в Св. Николаевском соборе служили священники о. Константин Цивилев и о. Михаил Тригубов с диаконом о. Порфирием Петровым. На Пристани, в Иверской церкви служили священник о. Брадучан и диакон о. Сурмели, а в Софийском храме настоятелем был священник о. Чистяков. Из храмов дореволюционного времени в Харбине находился красавец-собор в центре Нового Города, построенный в древнем вологодском стиле. На Пристани, как указано было выше, были Софийская церковь в торговой части города и Иверская церковь в бывшем расположении казарм Пограничной стражи. Был также храм в Старом Харбине, с настоятелем, священником о. Саватеевым.

Дореволюционное харбинское духовенство сильно пополнилось новой духовной силой, с прибытием в Харбин массы священнослужителей, многие из которых были с высшим богословским образованием. Харбин, прежде не имевший архиерейской кафедры и принадлежавший к епархии архиепископа Приморского и Камчатского Евсевия, стал теперь резиденцией трех иерархов церкви, возглавлявшихся архиепископом Мефодием, в прошлом архиепископом Оренбургским и Тургайским. Кроме него, в Харбин прибыл архиепископ Мелетий и викарный епископ Камчатский Нестор. Молодой епископ Нестор быстро выдвинулся своей энергичной деятельностью и благотворительной работой. Он создал в Харбине Дом милосердия и приют для детей-сирот.

Наличие иерархов в Харбине позволило Заграничному Синоду русской православной церкви создать в Маньчжурии отдельную, самостоятельную митрополию, возглавлявшуюся архиепископом Мефодием, ставшим митрополитом Харбинским и Маньчжурским. Одновременно высшие заграничные

церковные власти повысили в сане и главу Российской Духовной Миссии в Пекине архиепископа Иннокентия, ставшего митрополитом Пекинским и Китайским.

Много блестящих богословов пребывало в эти годы в Харбине. Из священнослужителей на память приходят энергичный протоиерей Рождественский, настоятель храма в Модягоу, конечно протоиерей Пекарский, с 1906 года настоятель Св. Николаевского собора. Очень известным был популярный миссионер, златоуст, протоиерей Демидов, вскоре уехавший в Америку. Его место епархиального миссионера занял соборный священнослужитель, протоиерей о. Аристарх Пономарев, кстати окончивший Юридический факультет в Харбине. Теперешний глава Заграничного Синода Православной Церкви митрополит Филарет тоже получил высшее образование в Харбине. Он — воспитанник Харбинского Политехнического института. Другой харбинец, одноклассник пишущего эти строки по реальному училищу, Вася Львов, теперь епископ Нафанаил в Западной Европе. Известны были и другие священники — Сторожев, Викторов и целый ряд других.

С наплывом эмиграции было построено много новых храмов во всех пригородах города, включая церковь на другом берегу реки Сунгари, в Затоне. Был основан мужской монастырь в Новом Модягоу.

Кроме православных церквей, в городе также был большой католический костел на Большом проспекте. Несколько дальше была лютеранская кирка. На Пристани была синагога. Старообрядцы также имели свой храм, а, кроме того, был целый ряд молитвенных домов различных сект: методистов, баптистов, молокан и других.

Говоря о системе образования в Харбине, сильно увеличившееся с наплывом эмигрантов население потребовало открытия новых добавочных школ, главным образом средних. Имевшиеся прежде Коммерческие училища, гимназия имени генерала Хорват и частные мужские и женские гимназии оказались недостаточными. Появились новые — сначала реальное училище, потом другие средние школы, включая Украинскую гимназию. Частная гимназия Рофаста сменила свое название и стала называться гимназией Дризуля.

Предприимчивая русская эмиграция не только сумела открыть в Харбине массу мелких предприятий — булочные, кондитерские, кафе, рестораны, ломбарды, различные магазины, но также и крупные фабричные предприятия. С самого начала было открыто несколько маслодельных заводов, табачные фабрики. На память приходят крупнейшие из них:

маслобойный завод Бородина, водочный завод Герасима Антипас, паровая и вальцевая мельница Бузанова, табачная фабрика Лопато и целый ряд других. По словам иностранных обозревателей, первые мукомольные мельницы в Китае были построены русскими в Маньчжурии. Значительно позже, пользуясь русским опытом, китайцы стали строить подобные же мельницы и заводы в других районах Китая. Чудо русского инженерного искусства — ажурный железнодорожный мост через реку Сунгари в Харбине, привлек внимание итальянских инженеров, строителей мостов на юге Китая. Итальянцы приезжали в Харбин поучиться русскому инженерному искусству мостового строительства.

5. НОРМАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Вполне естественно, что нормальная жизнь в нормальных условиях давала возможность харбинцам увлекаться различными видами спорта. Популярны были бега и скачки на харбинском ипподроме в Модягоу. Многие преуспевающие коммерсанты заводили свои собственные конюшни. Иногда они сами участвовали в так называемых "джентльменских" бегах, когда владельцы конюшен сами, в качалках, участвовали в состязаниях.

На Пристани был стадион, где происходили всевозможные состязания по легкой атлетике. Весьма популярны были велосипедные гонки. В Вашингтоне в настоящее время проживает Г. Титов, в свое время бывший одной из харбинских "звезд" велосипедного спорта.

Нельзя, конечно, не отметить и водного спорта на просторах желтоводной реки Сунгари. Члены Харбинского яхт-клуба принимали участие в разнообразных состязаниях: плавании, парусных и весельных гонках и других. Летом река просто кишела большим количеством весельных лодок. Безработная молодежь, особенно студенческая, подрабатывала, перевозя публику на противоположный берег реки, главным образом на Солнечный остров — популярное место воскресного отдыха. Переезд на лодке стоил мизерную плату в пятачок с человека. А грести через быструю реку было не легко. Зимой на замерзшей реке занимались

зимним спортом — катались с высокого берега на санках вниз на замерзшую реку. Тут же, на Сунгари, в праздник Крещения, во время водосвятия, некоторые смельчаки окунались в ледяную воду проруби, несмотря на трескучий Крещенский мороз.

В городе, особенно на Пристани, было обилие ресторанов, кафе и просто "забегаловок". Среди студенческой молодежи популярными были винные погребки Рогозинского — на Пристани и в Новом Городе. Вино подавалось местное, красное, маньчжурское из местного дикого винограда, имевшегося в изобилии в тайге и на склонах сопок восточной Маньчжурии. Славились в Харбине "филипповские" пирожки, продававшиеся на Пристани в кафе, принадлежавшем семье всероссийской известности. Да и вообще, пирожки продавались всюду — в ресторанах, кафе, даже в небольших ресторанчиках для купальщиков на Солнечном острове.

Приезжая публика, состоятельная, особенно иностранцы, останавливались в первоклассных гостиницах: "Модерн"—на Пристани, "Ориант" — на Новоторговой улице в Новом Городе, или в "Гранд-отеле", возле вокзала.

Литературная деятельность в городе сосредоточилась в кружке поэтов и писателей, в харбинской "Чураевке". Членами кружка были молодые начинающие писатели и особенно поэты. Многие годы жил в Харбине известный писатель Н. А. Байков. Сильно обогатился харбинский литературный мир приездом из ДВР в 1921 году писателей: Гусева-Оренбургского и Петрова-Скитальца. Оба писателя, однако, долго в Харбине не задержались. Гусев-Оренбургский сумел вскоре выехать в Японию, а оттула перебрался в Нью-Йорк, в США. Петров-Скиталец помыкался некоторое время в Харбине, а потом его стала заедать "тоска по родине" и он, незаметно, никому не сказав ни слова, уехал в 1934 году в Советский Союз. Из харбинских поэтов самыми известными были: Арсений Несмелов и Алексей Ачаир. Их произведения регулярно печатались на страницах газет и журналов. Молодежь училась у них. Навсегда запомнились в памяти бывших дальневосточников прочувствованные слова Алексея Ачиара:

"За то, что нас Родина выгнала,
Мы по свету ее разнесли..."

Всю благословенную, безмятежную, мирную жизнь харбинцев невозможно описать в одном очерке. Можно было бы пи-

сать, что, как и в былые времена в России, уже много лет после исчезновения на Родине нормальной жизни, харбинская девушка, "гимназисточка в беленьком фартучке", с букетом синих фиалок или нежно-белых ландышей, встречалась у магазина Чурина в Новом Городе или на Китайской улице, на Пристани, с тонким, стройным, подтянутым гимназистом и долго гуляла с ним, может быть в первый раз стыдливо держась рука за руку, как это бывало когда-то на Светланской улице во Владивостоке или на Мичуринской — в Никольск-Уссурийском.

А где-нибудь в пригороде, может быть в Модягоу, вечером, когда вас ошеломлял одуряющий аромат цветущей сирени, вы вдруг слышали чарующие звуки пианино, раздающиеся из открытого окна скромного "фаршированного" домика. И потом, разве можно забыть поездки на "линию", на одну из небольших станций железной дороги на западе, может быть, в сказочную, курортную Чжалантунь, про которую когда-то напевали: "О, Чжалантунь, какая панорама; о, Чжалантунь, какая красота!" Или посещение горного Барима, с его ледяными, кристально-чистыми ручьями, изобиловавшими форелью, и затем — незабываемые виды горных отрогов гигантского, величественного Большого Хингана.

Мысленно можно перенестись, в мгновение ока, и на восточную линию дороги, с ее маленькими, чистыми, аккуратными станциями: Эрцендэяндзы, Сяолин, Маоэршань — популярными летними дачными местами, где к каждому приходящему пассажирскому поезду китайские дети, "китайчата", выносили на продажу маленькие плетеные корзиночки из зеленых прутьев, наполненные спелой, алой дикой малиной или красными речными раками. Там же, в широких лощинах или на пригорках, можно было идти по нескончаемым, необозримым лугам, полным ярких оранжевых диких лилий, "саранок", а в более влажных, низких прохладных местах можно было натолкнуться на поле волшебно-синих ирисов. Обо всем этом и многом еще в Маньчжурии надо писать книги, так же как и об уникальном животном мире, ее гигантских диких кабанах, стройных изящных косулях и царственных тиграх. Точно так же можно писать много о маньчжурской охоте — летом и зимой и, конечно, о весенних и осенних перелетах уток и гусей или увлекательной охоте на красочных фазанов осенью.

До сих пор нами почти ничего на было сказано о главной кормилице русских в Маньчжурии — Китайской Востойной железной дороге, или КВЖД. Как ни странно, но кардиналь-

ные перемены, происшедшие в администрации железной дороги с переходом в общее, паритетное, владение дорогой китайцами и советским правительством в 1924 году, очень мало отразились на жизни русских, и эмиграции в частности. Эмигранты поустраивались по частным фирмам или даже стали открывать свои собственные торговые предприятия или мастерские. В городе открылось бесчисленное количество маленьких магазинчиков, мастерских белья, ресторанов, вернее, общедоступных столовых. Молодежь стала работать шоферами на машинах-такси или на автобусах. Все они непосредственно от железной дороги не зависели, но косвенно, конечно, их благополучие зависело от привилегированных служащих управления дороги, получавших приличные оклады жалования. Мелкие торговые предприятия работали, главным образом, на них, и эти служащие были источником материального благополучия владельцев предприятий с их служащими.

А перемена на железной дороге произошла коренная, осенью 1924 года. Советское правительство подписало соглашение с китайской администрацией края, на основании прежних договоров царского правительства, о переходе управления железной дорогой в руки обоих государств на паритетных, то есть половинных, началах. Как правление (высший контрольный орган железной дороги), так и управление (техническая администрация) были поделены на равное число членов от обоих государств. Председателем правления стал китаец, его помощником — советский гражданин. На равных началах был разделен состав членов правления. В управлении дороги управляющим был назначен советский гражданин, а его помощником — китаец.

Вопрос о паритете всех рядовых служащих железной дороги оказался более сложным. Всем русским служащим было предложено взять советские паспорта или покинуть работу. Большого выбора не было, и многие остались на работе, приняв советское гражданство. У китайцев же не оказалось достаточного контингента опытных железнодорожных служащих. Выход, однако, был найден. Те русские, которые не пожелали принять советское подданство и подлежали увольнению, подали заявления о принятии их в китайское подданство и, сделавшись китайскими подданными, остались на работе как китайцы.

В результате штат служащих остался почти тот же самый, кроме того, что половина русских служащих сделалась советскими служащими дороги, а другая половина — китайски-

ми. Больших перемен в обращении друг с другом не произошло. Отношения между служащими оставались корректными и холодно-официальными.

Уместно будет здесь отметить, что первый управляющий дорогой генерал Хорват потерял свой пост еще в 1920 году. На его место был назначен, по настоянию союзного технического контроля, инженер Остроумов, который сразу навел дисциплину и порядок на дороге. Поезда стали ходить точно, по расписанию. Малейшее опоздание поезда влекло за собой крепкий разгон поездным бригадам, начальникам станций и диспетчерам! Остроумов ввел на железной дороге новые, "американские" порядки. Управлял он своей вотчиной, не в пример генералу Хорвату, суровой, железной рукой. За малейшую ошибку служащих, он сторого взыскивал и нередко увольнял со службы.

Остроумов носился по всему зданию управления дороги, заглядывая во все уголки, устраивал разнос за найденные непорядки; вихрем носился по линии железной дороги в специальном служебном вагоне, почти всегда прицепленном к товарному поезду... разносил начальников станций, дежурных по станции и стрелочников, бегал по задним дворам служащих, сараям, свинарникам и делал нагоняй, если находил грязь. Сразу везде по линии железной дороги все подчистилось. Не только перроны станций, но и дворы служащих были приведены в порядок, посыпаны опрятным красным песком. Остроумов был грозой... увольнял людей без сожаления, но... поезда стали ходить точно по расписанию — и не только пассажирские, но и товарные.

Как-то проходя по зданию харбинского вокзала, как всегда с большой группой начальствующих лиц, Остроумов заметил у входа на перрон сторожа, видимо, изрядно выпившего.

Короткий вопрос:

— Кто такой?

— Я сторожишка, маленькая шишка! — забормотал забулдыга.

— Уволить! — раздался короткий, строгий приказ.

Перроны всех станций украсились цветочными клумбами, а перед харбинским вокзалом, где прежде была огромная, неопрятная площадь, мощенная булыжником, он приказал устроить небольшой садик-сквер с цветочными клумбами. Вокзал сразу похорошел. Нет никакого сомнения, что улучшений было сделано много во время правления Остроумова.

Остроумов пробыл на своем посту недолго и был смещен

в результате китайско-советского соглашения 1924 года и заменен советским управляющим. Прибывшие советские администраторы пытались вводить свои советские порядки на дороге, но, по большей части, им это не удавалось из-за противодействия китайских властей. Многим бывшим харбинцам памятен характерный случай, вызвавший конфликт между советскими и китайскими служащими дороги. Советчики решили удалить из зала харбинского вокзала весьма почитаемую икону Св. Николая Чудотворца, стоявшую в углу в красивом киоте. Китайцы запротестовали. Они заявили, что Св. Николай — "Его хорошая старика", и настояли, чтобы икона осталась на вокзале. Так и пробыла икона Св. Николая Чудотворца в зале ожидания харбинского вокзала до самого финала русской эмиграции в Харбине. Трогательно было видеть, как старые китайские крестьяне приходили на вокзал, покупали свечку и ставили ее перед иконой "Хорошая старика".

Конечно, русские жили не только в Харбине, но и по станциям и поселкам всей полосы отчуждения... не только служили на железной дороге, но многие процветали, имели свои собственные предприятия. Были на "линии" и крупные предприниматели. На восточной линии были известны крупные Мулинские угольные копи. Там же, на востоке, находились большие лесные концессии известных лесопромышленников Скидельского и Ковальского. Ближе к Харбину, в поселке Ашихе, находился большой сахарный завод; на станции Шитоуфэцзы были известны обширные плантации клубники.

На западной линии самые крупные промышленники были на станциях Маньчжурия и Хайлар. Здесь были известны имена Ганиных, Сапелкиных и других. В этих монгольских степях скупался скот и производилась заготовка мяса и мехов, а недалеко от станции Маньчжурия, на большом озере Далай-Нор, был разбросан целый ряд русских поселков-рыбалок. Взглянув на карту озера Далай-Нор можно видеть целый ряд русских названий поселков, особенно на западном берегу озера, таких как: Катаев, Злобин, Сапелкин, Борисов, Тамашин, Горбунов, Гантимуров. На восточном берегу Далай-Нора и по реке Аршун-гол можно было найти рыболовные и заготовительные поселки: Борисов, Соловьев, Шильников, Михеев. Все это было результатом делового русского предпринимательства.

Конечно, нужно отметить существование целого района русских забайкальских казаков, ушедших в Маньчжурию от большевиков. Поселились они на большой равнине, недалеко

от русской границы, и основали там хутора и целый ряд селений, похожих на казачьи станицы в Забайкалье. Этот район, удаленный от железной дороги, назывался Трехречьем. Добираться до Трехречья можно было с трудом из Хайлара по проселочным дорогам. Трехреченцы быстро расстроились, появились большие селения... построили церкви, школы... Жили они старой традиционной русской жизнью. Деревни расположены были в лесостепной, низменной местности, в бассейне рек Ган, Дербул и Хаул, с весьма богатыми черноземными почвами. Названия деревень были большей частью русские: Драгоценка, Покровка, Одинокий, Черноус, Св. Ключ, Щучье, Усть-Кули и другие.

6. НАЧАЛО КОНЦА

Восемь лет еще, после перемен 1924 года, Харбин жил привольной жизнью. Открытой вражды, вначале, между двумя лагерями — белым и красным — не было. Постепенное разделение и вражда пришли позже.

Магазины торговали, люди веселились, справляли именины, праздники, уезжали летом на дачи — попросту говоря, продолжали жить хорошей, нормальной русской жизнью. По-прежнему хорошо справляли традиционные церковные праздники — Рождество и Пасху. Неопытная молодежь, после непременных многочисленных визитов, напивалась до потери сознания и головной боли на следующий день.

Коренная перемена в жизни Харбина произошла в 1932 году, то-есть на 35-ом году существования города. Северная Маньчжурия была занята японскими войсками, и наступило владычество японской военщины, под разными вывесками и соусами, главным образом, под видом независимого государства Маньчжуго. Это японское доминирование установилось на последующие 13 лет. Наступили невыносимые условия жизни. Русские стали массами покидать насиженные места и уезжать на юг, главным образом в Шанхай, под защиту иностранных концессий.

С продажей советами своих прав на железную дорогу, Харбин покинула в 1935 году вторая большая группа харбинцев. Это была массовая эвакуация советских служащих дороги,

"на родину", которой многие из них, родившиеся в Харбине, никогда не видели. Некоторые из бывших советских служащих, для которых нужда в советском паспорте прекратилась, формально отказывались от советского подданства и переходили на положение эмигрантов.

Харбин потерял большую часть своего русского населения в этих двух исходах. Осталась в Харбине третья группа людей, которые не пожелали уезжать в Россию и не решались ехать в Шанхай. По каким-то своим причинам, они решили остаться в Харбине, вероятно оптимистически думая, что, как всегда, все перемелется и ничего с ними не случится. Этим людям пришлось испытать на себе все ужасы японской оккупации, а в 1945 году их постигла еще более страшная участь. В Маньчжурию, в августе 1945 года, вторглись "освободители", советские войска. Из Харбина непрерывным потоком, в бесчисленных эшелонах стало вывозиться русское население в советские концлагеря. Русский Харбин опустел, но не совсем. Было вывезено взрослое мужское население, но все же остались еще тысячи русских. Прежнему русскому Харбину пришел конец. Опустели и русские поселки вдоль железной дороги, а также и Трехречье, точно через Маньчжурию прошли страшные орды Чингизхана или Тамерлана. Те, все же еще тысячи, главным образом женщин и детей, которых не тронула рука советской Немезиды, как-то продолжали жить, молодежь училась и даже получила высшее образование во вновь фукционирующем Политехническом институте. Постепенно оставшаяся молодежь выросла, возмужала и стала стремиться куда-то выбираться. Ехать в Советский Союз было мало желающих. Выбирались заграницу, особенно в Австралию. От русского Харбина теперь почти ничего не осталось. От былого двухсоттысячного русского населения осталось не больше сорока человек (по сведениям 1982 года). Русскому Харбину пришел конец.

С отъездом русских в Шанхай (а там их набралось до сорока тысяч), культурная деятельность в Харбине заглохла. Русский культурный центр Дальнего Востока переместился в "Желтый Вавилон" — Шанхай, и тот, как прежде Харбин, благодаря русской многотысячной массе, культурно возрос. О Шанхае и шанхайском периоде русской эмиграции в Китае можно писать много и это можно сделать только в отдельном очерке.

Харбинцы и вообще дальневосточники, разбросанные теперь по всему свету, с грустью и ностальгией вспоминают о своей жизни в Харбине в дни своей юности. Случайно мне в руки попало стихотворение поэтессы, бывшей харбинки, Еле-

ны Никобадзе, в котором она ярко передает свои чувства, так остро переживаемые харбинцами.

Мне хочется закончить свой очерк о городе на Сунгари — Харбине — словами этой поэтессы. Она пишет так:

Сопок грядой огороженный
Город маньчжурских степей,
Сколько тропинок исхожено
Мимо твоих тополей!

Город с глазами раскосыми
В дальней китайской стране,
Нынче по свету разбросанным
Часто он снится во сне.

И как хорошо она пишет дальше:

Там, где в полях гаоляновых
Шепчется ночью луна,
Ходит тропинкой фазаньею
Юности нашей весна.

И потом:

В городе том, на окраине
Видит она огонек,
В дверь постучит, но хозяин ей
Чуждый сойдет на порог.

Там еще вязы высокие
Рядом у фанзы росли
И по весне синеокие
Скромно фиалки цвели.

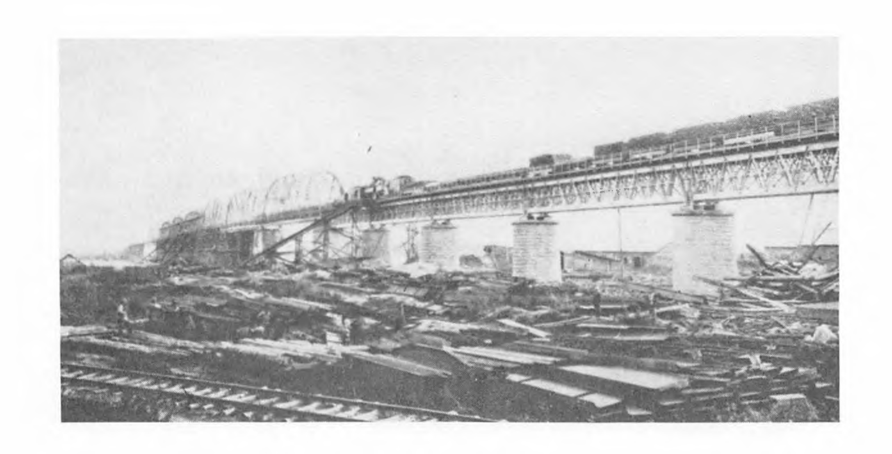
И как замечательны последние слова этого стихотворения, которыми я заканчиваю этот очерк:

Улицы милого города,
Сопок за далью гряда
Все, что нам с юности дорого
Нам не забыть никогда.

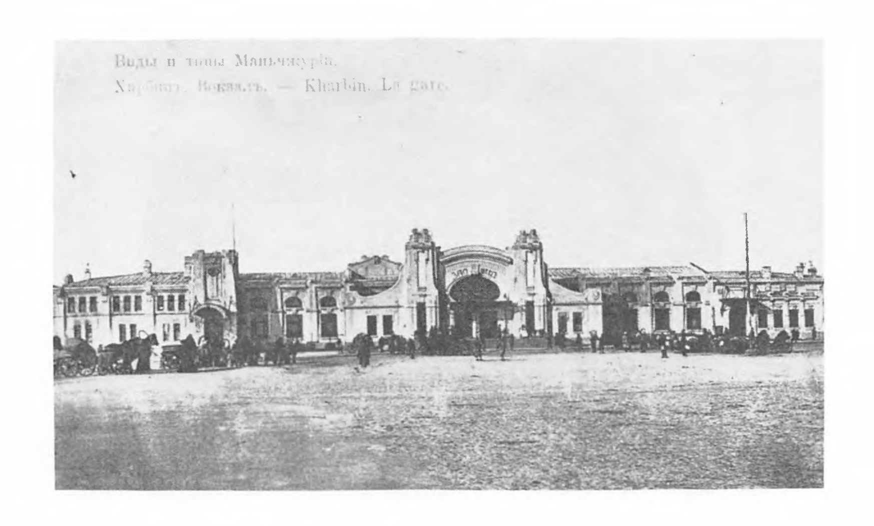
Александрия, Виргиния
Август 1978 г.

Строитель КВЖД инж. Югович
Снимок из коллекции Б. Г. Рейнгардта

Постройка железнодорожного моста
через реку Сунгари в Харбине

Вокзал в Харбине на рубеже 20-го столетия

Персонал Мариинской общины отправляется
из Петербурга в Харбин

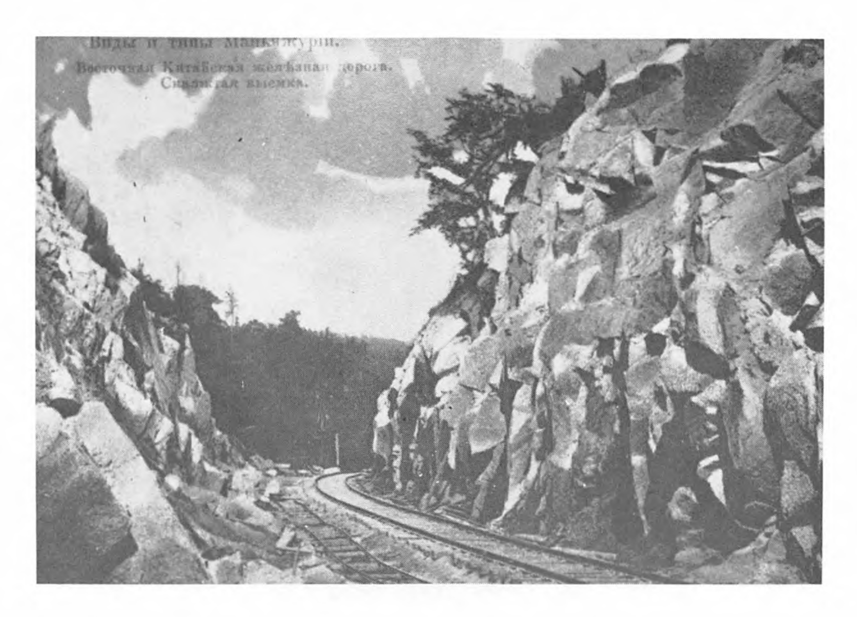
Постройка Сунгарийского железнодорожного
моста в Харбине
Из коллекции Б. Г. Рейнгардта

Жилища, "фанзы" русских строителей КВЖД
в Старом Харбине

Отдых инженеров-строителей: игра в городки
Из коллекции Б. Г. Рейнгардта

Участок железнодорожного пути в горах Хингана
на Китайской Восточной железной дороге
Из коллекции М. К. Ковальчук-Коваль

Иверская часовня в ограде собора в Харбине
построена в 1933 году — разрушена вместе с
собором китайскими коммунистами в 1966 г.
Из коллекции И. К. Ковальчук-Коваль

Свято-Николаевский кафедральный собор
Фото В. И. Сулимовского

Зимний вид

Харбинские храмы

Благовещенский храм на Пристани

Покровская церковь
на Старом кладбище

Церковь в Затоне

Иверская церковь

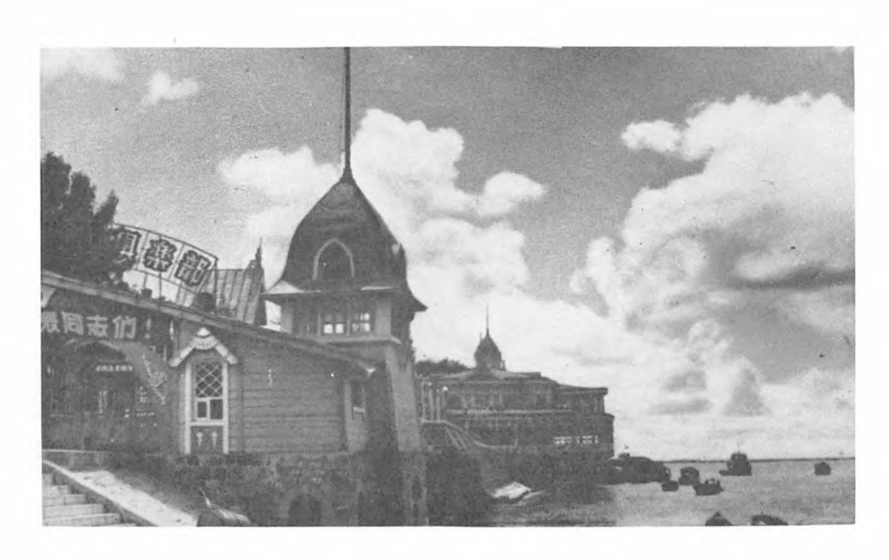
Харбин зимой

Икона Св. Николая Чудотворца
на вокзале в Харбине

Универсальный магазин "И. Я. Чурин и Ко."
Из коллекции И. Г. Ковальчук-Коваль

Яхт-клуб на реке Сунгари в Харбине
Из коллекции И. К. Ковальчук-Коваль

Станция Имяньпо на восточной линии КВЖД
в начале столетия
Из коллекции Б. Г. Рейнгардта

Вокзал

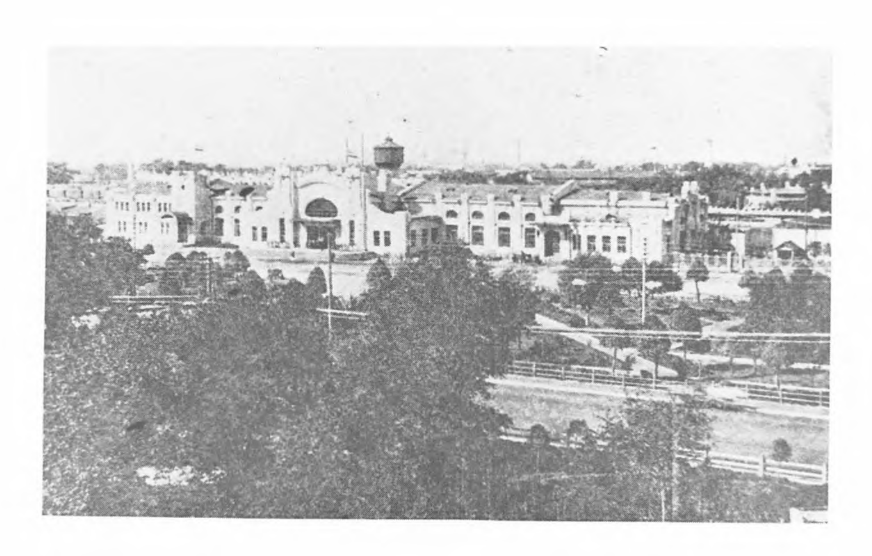
Китайский базар

Мост на концессии Ковальского
около станции Имяньпо, после наводнения

Мост через реку Майхэ на 3-ей версте концессии,
около Имяньпо
Из коллекции Б. Г. Рейнгарда

Харбинский вокзал — тридцатые годы

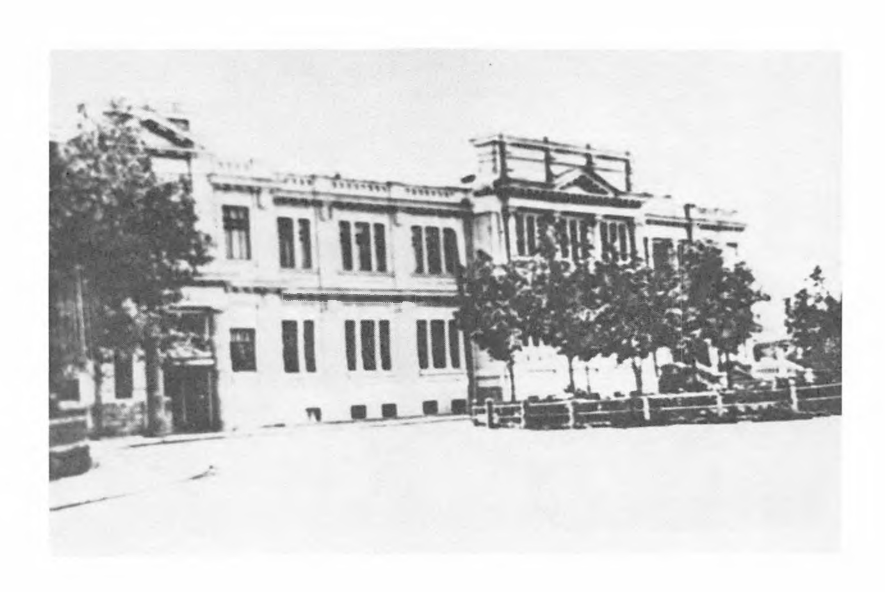
Харбин. Высшеначальное училище
на углу Артиллерийской и Пекарной ул.

Крестный ход из харбинских храмов на Иордань
р. Сунгари, 1931 г.

Группа учеников Харбинского Коммерческого Училища
Из коллекции Е. В. Мак

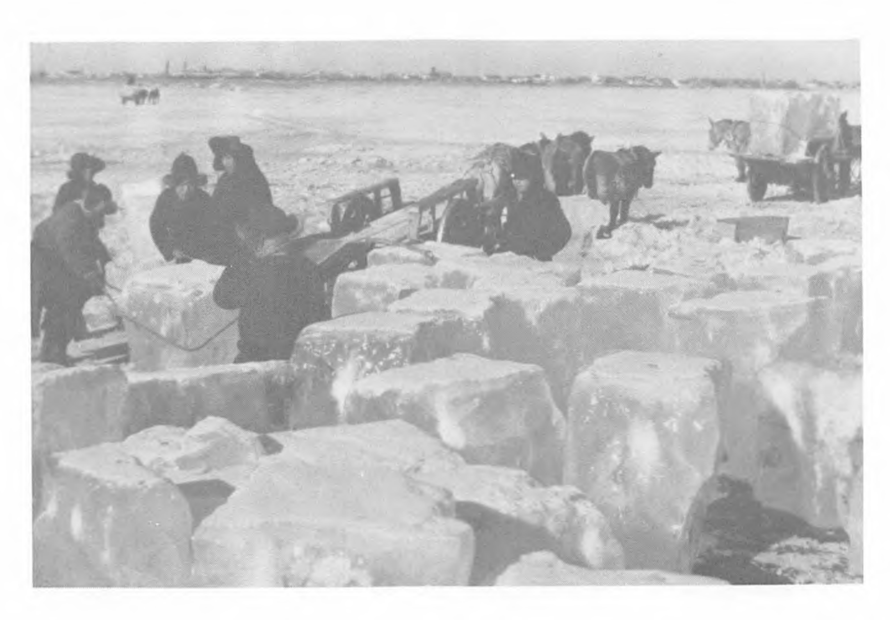
Железнодорожное собрание в Харбине

Улица в Модягоу зимой
Из коллекции М. Турковой

Зимний вид Харбина
фото В. И. Сулимовского

Заготовка льда на Сунгари
для харбинских ледников
фото В. И. Сулимовского

Катание на "Толкай-толкай" по замерзшей Сунгари

На берегу реки Сунгари
Из коллекции Н. С. Машаровой

Пассажирский поезд
в начале столетия
Из коллекции Т. Стаюхиной

Летнее купание на реке Сунгари
Из коллекции В. А. Вагина

Лодки на Сунгари
Из коллекции Т. Стаюхиной

Харбин во время наводнения 1932 г.

Пригород Харбина — Чинхэ

Затон
Из коллекции М. Турковой

Китайская улица
Из коллекции М. Турковой

Виды Харбина во время наводнения
Из коллекции М. Турковой

50 ЛЕТ СПУСТЯ

Пятьдесят три года тому назад, в 1930 году, я покинул Харбин навсегда. За все эти годы большие перемены произошли в этой столице Северной Маньчжурии. Покидал я Харбин в годы его расцвета, в только что закончившуюся золотую декаду двадцатых годов. Это было время культурного расцвета русского города на китайской земле.

Мы знаем теперь, что русского Харбина больше нет. Первые удары разгрома городу были нанесены японской оккупацией, захватившей Северную Маньчжурию в 1932 году. Фатальный удар существованию русского Харбина нанесли советские войска, занявшие город в 1945 году, и последний удар городу нанесли китайцы. От двухсоттысячного русского населения Харбина теперь, по некоторым сведениям, осталось 35 человек, людей весьма пожилого возраста, вернее стариков, проживающих там в условиях полуголодного существования.

Все эти стадии фатального разгрома русского Харбина мне лично не пришлось испытать, потому что я покинул Харбин в те годы, когда он блистал, жил полной жизнью; высшие учебные заведения были полны студенческой молодежи. В морозные зимние вечера Татьянина дня весь город оглушался звуками бравурной студенческой песни "Гаудеамус игитур". Мы ходили на оперные постановки, спектакли драмы, оперетты, симфонические концерты. Все это было в Харбине и никогда больше не будет.

Прошли годы, десятилетия жизни в благословенной Аме-

рике, приютившей нас. И вот 53 года спустя мне, в мае месяце 1983 года, удалось побывать как в Харбине, так и в Шанхае, в котором я прожил семь лет, после отъезда из Харбина.

Моя мечта побывать в Харбине, наконец, сбывается. Конечно понятно, с каким трепетом я ожидаю встречи с этим городом, в котором я родился и прожил первые 23 года моей жизни. Из Пекина вылетаем на самолете ”Трайдент”, английской постройки, но с летчиками-китайцами. Обслуживание, в основном, такое же, как и во время полета на китайском самолете из Токио в Пекин. Все два или три часа полета до Харбина мы так и держали в руках картонные кружки или стаканчики, которые нам подавались с какой-то фруктовой водой. Никто их от нас не забирал. Если кто и пытался вернуть их стюардессе, она нас просто игнорировала.

Подлетая к Харбину, смотрю в иллюминатор, силюсь разглядеть родной город с птичьего полета, но ничего не видно. Только поля, на которых начинает появляться зелень. Начало мая — в Харбине еще холодно.

Так, среди полей, где-то миль за двадцать от Харбина, наш самолет плавно опускается на дорожку харбинского аэродрома. Останавливается где-то далеко, посреди аэродрома, не подруливает к зданию аэропорта. Пассажирам приходится спускаться по шаткой лестнице вниз, и потом по всему большому полю тащить свои вещи в здание аэропорта. Здание новое, постройки 1980 года, как теперь принято называть, ”модерное”. Внутри просторно, чисто, но, как и везде в Китае, уборные ужасно грязные, запущенные. Выходим наружу к стоянке автобусов. Там стоит только один автобус для нас. Других нет. Каменные ступеньки, ведущие вниз к стоянке автобусов оббитые, с отломанными кусками. Ничто здесь не чинится. И это — новое здание, которому еще и трех лет нет!

В Китае никто заранее не знает, куда, в какую гостиницу вас повезут, и только когда автобус тронулся, наш молодой, жизнерадостный местный гид объявил, что нас везут в Международный отель, находящийся в центре города. Въезжаем в пределы города, и наш симпатичный гид-китаец говорит, что мы едем по главной, центральной улице города.

Всматриваюсь в здания, чтобы узнать улицу, но здания все новые. Наконец въезжаем в старую часть города, и я вдруг узнаю здания бывших коммерческих училищ, железнодорожного собрания, управления дороги. Мы теперь, я знаю, на Большом проспекте.

Подъезжаем к отелю на Соборной площади. Сразу же обращаю внимание на то, что на площади нет Свято-Николаевского собора. Его разобрали, снесли в годы так называемой ”культурной революции”. Мы когда-то любовались и гордились своим уникальным, ”шоколадным”, бревенчатым собором, построенным в древнем вологодском стиле. Собора нет, и на его месте какая-то громадная, несуразная клумба с цветами. В клумбе больше сорной травы, чем цветов. Правда, еще весна и цветы не успели разростись.

С выбором гостиницы мне повезло. Мне, по прибытии в Харбин, в первую очередь хотелось побывать у того дома, где я родился и прожил свои детские и юные годы. Если б нас поместили в один из новых отелей, где-нибудь на окраине города, то, конечно, было бы трудно добраться до центра города, чтобы побывать у своего дома.

Но мне, как я сказал, повезло. Нас поместили в Международном отеле на бывшей Соборной площади, и первое, что я увидел, сходя с автобуса, это дом, в котором я родился и прожил первые шестнадцать лет своей жизни.

Напротив, через площадь, вижу большой пассаж, массивное двухэтажное здание, носившее прежде название, ”Московские ряды”.

Мой родной дом и ”Московские ряды” как-то сразу переносят меня на многие годы назад, к годам счастливой юности. Если б здесь стоял еще собор, то можно было бы сказать, что ничего в Харбине не изменилось, но, к сожалению, изменения произошли, и большие, такие, что от нашего старого русского Харбина почти ничего не осталось.

Приехали мы в Харбин еще рано и поэтому, немного освежившись, сразу же, на автобусе, отправились в путешествие, осматривать город. Наш жизнерадостный, веселый, молодой гид показывает город, объясняет. Он прекрасно говорит по-английски. Но... все его объяснения касаются сегодняшнего Харбина. Он ничего не знает о старом, русском Харбине. Показывает новые здания, административные учреждения, все то, что было создано в новом, коммунистическом Китае. Когда он узнал, что я родился в Харбине и прожил здесь 23 года, он был страшно поражен и все время меня спрашивал о городе и жизни в нем пятьдесят лет тому назад. Все время поражался, что я, через пятьдесят лет, все еще помню старые названия улиц и дома, правда теперь немногочисленные, оставшиеся здесь от русского периода в истории Харбина.

Из Нового Города едем по Вокзальному проспекту на Пристань, через так называемый ”конный виадук”, по Диа-

гональной улице выезжаем на Китайскую улицу, когда-то коммерческий центр города, едем до самого берега реки Сунгари. Жадно смотрю на широкие просторы реки. Река обмелела. Прямо у берега, от Китайской улицы и до Сунгарийского железнодорожного моста тянется громадная отмель, как видно, теперь постоянная. Возможно, что в сезон мусонных дождей, обычно начинающихся в середине июля, уровень воды в реке повышается, и, вероятно, мель покрывается водой.

Напротив, у другого берега реки Сунгари, ясно виден, хорошо знакомый харбинцам Солнечный остров. Он так и называется теперь. По набережной Сунгари, по направлению к Яхт-клубу тянется довольно большой сад — называемый теперь — "Парк Сталина". Этого сада в мое время на берегу Сунгари не было.

Возвращаемся обратно в отель по бывшей Водопроводной улице. Наш гид заметил, что в городе имеется здание бывшей русской церкви. И действительно, мы увидели купола Софийского храма, правда, без крестов. Остановили автобус, и, конечно, в первую очередь я сделал несколько снимков церкви. Снимать очень трудно, потому что вокруг храма нагромождены новые высокие здания, и Софийский храм пришлось снимать через какую-то щель между зданиями. В храм войти нельзя. Он забит досками.

Время в Харбине у нас было весьма ограниченное, всего только три дня, и я, конечно, старался использовать это время максимально, чтобы найти какие-то следы былого этого города.

На следующий день, когда нашу группу повезли в какую-то официальную экскурсию по осмотру объектов легкой индустрии, то есть достижений современного Китая, я отпросился и сказал, что буду сам, единолично, осматривать, вернее, искать остатки прежнего Харбина. На улицах нанять такси нельзя. Можно только заказать по телефону из отеля. Наш гид, по моей просьбе, заказал для меня такси. Я объяснил ему, что прежде всего хочу поехать на кладбище, посмотреть, что от него осталось, а потом поехать в часть города, прежде называвшуюся Модягоу. Там, в конце Церковной улицы, в том месте, где начинается Надеждинская улица, когда-то наша семья жила в маленьком домике, после того, как отец вышел в отставку и мы должны были покинуть дом у собора.

Шофер такси оказался молодым, симпатичным и смышленным китайцем. Он, как и все в Харбине, не говорил ни по-английски, ни по-русски. Объясняться с ним можно было

только по-китайски. Нужно отметить, что теперь в Харбине нет тех районов, которые были нам известны в наши молодые годы. Там теперь нет Нового Города, Пристани, Модягоу, Старого Харбина и всевозможных городков: Корпусного, Госпитального, Саманного, Гондатьевки, Алексеевки и т. д. Все это слилось в один монолитный город, называемый Харбин. И город теперь разделяется на новые районы: северный, южный, западный и т. д. Всего, если не ошибаюсь, семь районов. Поэтому, когда я говорил, что хочу поехать в Модягоу, то никто не знал, что это за часть города.

Поехал я на такси прежде всего на кладбище. Я знал, что кладбище китайцами уничтожено и что все памятники увезены и были использованы для всяких строительных работ. На месте кладбища теперь раскинут обширный парк. Им нужно было устроить парк обязательно на месте кладбища, чтобы уничтожить все следы русского прошлого Харбина. Парк можно было устроить где угодно, места там было достаточно — до кладбища, после кладбища, но они решили простонапросто уничтожить кладбище.

Подъезжая к этому бывшему кладбищу, я был поражен, когда издали увидел каменные ворота кладбища с надвратной колокольней. Конечно, колоколов нет, и ворота теперь являются воротами в парк. И сразу же за воротами вижу стоит кладбищенский храм. Он — на замке, видимо, пустой. Мне помнилось, что могилы отца и бабушки были влево от храма, недалеко. Иду туда. Мысленно стараюсь вспомнить точное место, но, конечно, его узнать нельзя. Там теперь кустарник, деревья, трава. Вдали видны скамьи.

На обратном пути останавливаюсь на Большом проспекте, у Старого кладбища. Там, вижу, стоит небольшая церковь с православным крестом. Прежде это была украинская православная церковь. Месяцев шесть тому назад церковь была передана местной китайско-русской православной общине. Эта церковь, как принято теперь называть, "действующая". Рядом другая, новая церковь, как оказалось, протестанская. Захожу туда. Она открыта. Познакомился с пастором и старостой. Им было очень интересно познакомиться со свежим человеком из Америки. По-английски не говорят. Объясняемся по-китайски. Справился, когда октрыта православная церковь. Оказывается, только по воскресеньям. В протестанской церкви, как я узнал, триста прихожан.

Теперь едем в Модягоу. К счастью, мой молодой шофер слышал от бабушки, что был район под названием "Ма-цзя-

гоу”. Конечно, Церковной улицы не знает. Спрашиваю, а церковь есть? Оказывается, есть.

— Вези к церкви! — говорю ему. — А там разберемся!

И действительно, Модяговская Алексеевская церковь стоит, не разрушена. Она так же сейчас загромождена новыми большими зданиями. Сфотографировать ее всю невозможно. Снимаю сначала верхнюю часть ее, а потом — нижнюю.

Теперь отсюда можно ориентироваться. Церковь стоит на бывшей Церковной улице, которая теперь, понятно, имеет новое, китайское название. Говорю шоферу, чтобы вез меня в конец Церковной улицы. Там начинается Надеждинская улица Нового Модягоу. Приезжаем на угол, где находился наш дом, когда-то стоявший в глубине зеленого сада черемуховых деревьев. Места я не узнаю. Участок огорожен высоким деревянным забором. Нашего дома нет. Деревья вырублены, а на участке несколько грязных, приземистых лачуг. Улица — не узнаваемая: узкая, грязная, немощенная, а по сторонам — такие же низкие, приземистые лачуги. Когда-то здесь были чистенькие, веселые, белостенные русские домики, все утопавшие в зелени садов. Ничего этого не осталось...

На обратном пути в отель проезжаем мимо бывшего универсального магазина ”И. Я. Чурин”. Он теперь государственный универмаг номер один. Я указываю шоферу на магазин и говорю ему: ”универмаг”, а он весело кивает головой и говорит: ”Чурин”.

Я был страшно поражен, что он знает старое название. Очевидно, в обиходе это название сохранилось. Вся моя полудневная поездка на машине обошлась мне на американские деньги в два с половиной доллара.

Вторую половину дня исходил Новый Город пешком. Прежде всего сфотографировал свой прежний дом на Соборной площади. Потом пошел к магазину Чурина. Магазин выглядит неплохо, витрины полны товаров, но тротуары у магазина в ужасном состоянии — местами выбиты, изношены и очевидно никогда не чинены. Идешь и смотришь под ноги, как бы не подвернулась нога. Когда-то в былые времена у магазина Чурина стояли длинные скамьи, а позади них — густые кусты, отделявшие скамьи от улицы. На скамьях под вечер сидели люди, молодежь, парочки. По тротуару фланировали толпы людей — себя показать и на других посмотреть. Теперь там ничего нет — ни скамеек, ни кустов, только разбитый, с выбоинами, цементный тротуар.

За магазином Чурина — ряд магазинов, не тех, как раньше,

роскошных, с блестящими, богатыми витринами, а маленьких закопченных магазинчиков. Прошел по Новоторговой улице по направлению к Пристани. Налево все еще стоит бывший кинотеатр "Гигант". Справа — кинотеатр "Ориант". Оба они все еще функционирующие кинотеатры, в которых показывают китайские фильмы. Дальше по правой стороне дохожу до бывшего здания немецкой фирмы "Сименс-Шуккерт".

Возвращаюсь на Большой проспект и решаю пройти его пешком от Старого кладбища, мимо Соборной площади, в конец проспекта до бывших коммерческих училищ. Как я уже отметил, на Старом кладбище теперь действующая православная церковь, но кладбища нет. На его месте — несколько многоквартирных домов. На другой стороне улицы когда-то был большой польский католический костел. Его я не нашел. Очевидно снесли. Не нашел я и лютеранской кирхи.

Недалеко от магазина Чурина — вход вниз, в подземный катакомбный город. Построен он под землей как убежище на случай войны. Там теперь магазины и есть даже отель.

Прогулка по Большому проспекту оставляет самое тяжелое, гнетущее впечатление. Он совершенно неузнаваем. Когда-то по Большому проспекту, окаймленному тенистыми деревьями, были ряды опрятных, чистеньких, прочных особняков, типа коттеджей, в которых жили железнодорожные служащие, большей частью занимавшие крупные должности. Эти особняки стояли в глуби садов — вязов и тополей. Ничего этого теперь нет. Сады вырублены. Дома-коттеджи снесены. На их месте новые, казарменного типа дома, в два-три этажа. Ничего от старого русского Харбина на Большом проспекте не осталось, кроме больших зданий, в которых когда-то находились правительственные и железнодорожные учреждения. Из этих старых зданий видел дом, в котором прежде находился штаб Охранных войск КВЖД. Там теперь квартиры рабочих. В каждой комнатке ютится семья. Там они живут, там готовят пищу на маленьких печурках. Заглянул внутрь — стены закопченные, некрашеные. Над окнами висит стиранное белье.

Дальше, по правой стороне улицы все еще стоит большое здание управления железной дороги. Перед ним — громадная статуя Мао Цзе-дуна на высоком постаменте.

Никаких цветочных клумб в городе не видел. Когда-то известный управляющий КВЖД Остроумов украсил весь Новый Город садиками с цветочными клумбами. Все это теперь исчезло. По левой стороне узнаю здание Железнодо-

рожного собрания, когда-то весьма импозантного, с красивым подъездом, широкой лестницей. Сейчас здание как будто осело, постарело. Никаких цветочных клумб впереди, которые его украшали, а вместо них у входа куча, вернее, гора мусора. Мусор, как видно, не убирается. Я видел такие же горы мусора перед новыми, только что построенными многоквартирными домами. Строители строят дома, а потом переходят на постройку новых домов, а мусор оставляют, видимо, для рабочих других предприятий. Еще дальше, по правой стороне улицы дохожу до здания бывших коммерческих училищ. Здесь в мое время был также Юридический факультет, на котором я когда-то учился. Лекции на факультете читались по вечерам. Сейчас здесь, видимо, какая-то школа. Я видел много детей, школьников, перед зданиями.

Закончил я свой полный день в Харбине посещением Национального музея, расположенного в Московских рядах. Здесь прежде был Музей общества изучения Маньчжурского Края, а теперь это Национальный музей. Музей небольшой, нечто вроде современных краеведческих музеев. В нем различные отделы, чучела диких животных. Очень эффектно показано чучело громадного маньчжурского тигра и также огромного дикого кабана. Много интересных экспонатов археологических находок, в частности скелет недавно найденного в Маньчжурии динозавра.

Само здание Московских рядов снаружи выглядит совсем неплохо. Видимо, недавно покрашено желтой краской. Но вид помещения внутри — не поддается описанию. Потемневшие, обшарпанные стены, с которых висит, лупится краска. Покрашены стены, можно думать, были в последний раз во времена русской администрации в городе. Оконные рамы также давно не крашены. Краска отошла. Местами упала. Крючки и задвижки на окнах старые, русские, висят на одном гвоздике или винтике. Пол покрыт плитками. Некоторые износились, выбились. Вместо новых плиток, выбитые места замазаны белой замазкой!

Следующий день опять был посвящен детальному осмотру города. Рано утром я, вместе с нашей группой, поехал на Пристань, а оттуда на катере мы отправились на Солнечный остров для осмотра там санатория для выздоравливающих больных. Нужно сказать, что Солнечный остров теперь выглядит благоустроенным. Хорошая мощеная набережная, с которой вниз к реке ведет широкая лестница. От набережной к центру острова идет главная улица острова, с которой мы поворачиваем направо, в боковую улицу, где находится са-

наторий. Здание санатория построено в пятидесятых годах и, конечно, роскошью не блещет, но в общем содержится чисто, хотя все там весьма спартанского вида. Нужно сказать, что санаторий хорошо оснащен медицинским оборудованием. В отдельных палатах можно видеть много людей, обслуживающих пациентов. Среди них: доктора, медсестры, массажисты и другие. Гимнастическая комната также полна всяческими аппаратами. Директор санатория принял нас очень тепло, в приемной комнате был подан чай. Он приветствовал нас как первую американскую группу, приехавшую в Харбин в этом году. Особенно тепло приветствовал меня, долго жал руки, когда ему сказали, что я родился в Харбине и вернулся повидать свой родной город.

Днем я опять оторвался от группы и пошел пешком гулять по городу. Решил пойти на Пристань — довольно длинный путь от Соборной площади в Новом Городе. Я бы сказал, что единственное отрадное впечатление у меня осталось от Вокзального проспекта. На нем остались большие хорошие здания, построенные еще русскими. Правда, между ними, там и здесь, появились новые дома, но они большие и впечатления не портят. Конечно, первое, что вы видите, начиная свой путь по Вокзальному проспекту, это слева на площади — Московские ряды. За ними — несколько больших, новых зданий. Затем — по правой стороне виден комплекс старых зданий Русско-Азиатского банка, а за ним там же, на правой стороне — известное здание Правления КВЖД. Напротив него я был поражен, увидев старый дом бывшего чаеторговца Чистякова, с его оригинальным куполом.

Затем — вокзал, который оставляет тягостное впечатление. Вместо прежнего одного вокзального здания там теперь два здания с крытым переходом, соединяющим их. Известный остроумовский сквер-садик с цветочными клумбами перед вокзалом, исчез. Там теперь голая площадь, заполненная автобусами и людьми. Город, в котором в наше время проживало 200 тысяч русских, теперь населен двумя миллионами человек — китайцев. На улицах везде толпы китайцев, и ни одного европейского лица.

От вокзала иду на Пристань, поднимаюсь на виадук, все тот же, постройки 1926 года, когда с появлением в городе автомобилей прежний, узкий "конный виадук" был заменен новым, более широким, для автотранспорта.

Диагональная улица, ведущая к Китайской улице — совершенно неузнаваема. На ней новоиспеченные дома в три-че-

тыре этажа — квартиры для рабочих. Дома однотипные, казарменного образца.

Мне кажется, что единственная улица, на которой еще можно заметить остатки русского архитектурного влияния, это — Китайская улица, в прежние времена главный коммерческий центр Пристани. Все магазины на Китайской улице остались с тех времен, когда они были русскими. Теперь — это китайские магазины с китайскими вывесками, но здания все же остались — старинные здания в русском стиле. Проходя по улице, заметил, что несмотря на полувековой промежуток времени, прошедший со времени моего отъезда из Харбина, я сразу же узнал здание, в котором прежде был японский магазин "Мацуура". Тут же недалеко был магазин Бента. На правой стороне улицы все еще стоит гостиница, прежде бывшая гостиницей де-люкс, под названием "Модерн". Эта гостиница все еще "действующая", но только для китайцев. Для иностранных туристов построены новые гостиницы на окраинах города. Зашел в фойе гостиницы. Вид тот же самый, что и прежде. Чистая, большая комната с высоким потолком, а по углам китайская достопримечательность — плевательницы.

Вернувшись в свой отель, решил пройти в памятный мне скверик между Московскими рядами и Таможенной улицей. Этот скверик мне памятен потому, что здесь в начале Первой Мировой войны был грязный, пыльный пустырь. Однажды было решено провести праздник древонасаждения. Нас, малышей, привели туда из Соборной школы, дали каждому по деревцу — посадить в заранее приготовленное место. Так в один день пустырь был засажен школьниками деревьями. Через несколько лет этот скверик превратился в роскошный парк. Мне на этот раз хотелось посмотреть на парк, в создании которого я принимал участие почти семьдесят лет тому назад. Можно себе представить мое разочарование, когда я увидел, что все деревья парка вырублены и на месте парка появились десятки неприглядных и неопрятных хижин.

На этом два дня моего пребывания в Харбине закончились. На следующий день, вечером, нам предстояло выехать ночным скорым поездом в город Далянь (в прошлом Дайрен-Дальний).

Забыл отметить, что нашу группу свозили в харбинский зоопарк, где мы, конечно, больше всего времени провели у клеток огромных маньчжурских тигров.

Говоря о том, что старый, русский Харбин теперь находится в стадии запустения, с тротуарами, полными выбоин, с го-

рами мусора, с грязными базарами, я должен отметить, однако, что все улицы города теперь асфальтированы. Нет больше улиц, мощенных булыжником, как было прежде.

Если старый город русской постройки в состоянии запустения, то теперь появились на окраинах города предместья-сателлиты, с новыми фабриками и заводами, с широкими бульварами, окаймленными деревьями, и рядами новых пяти- и шестиэтажных, многоквартирных домов. Получается парадокс. Старый "русский" Харбин запущен, деревья вырублены, сады исчезли, а в новых пригородах проводятся широкие бульвары, проводится озеленение, строятся дома и фабрики.

Так как на следующий день мы уезжали поездом поздно вечером, то мы смогли еще всей группой поездить по городу и посмотреть кое-что из нового Харбина. В первую очередь нас повезли на гигантскую фабрику льняного полотна, на которой работает семь тысяч человек, главным образом молодые женщины.

Мне хотелось еще раз съездить на Китайскую улицу, сделать несколько снимков, прежде чем отправиться на вокзал для путешествия в Далянь. Начал моросить дождь, что меня совсем не устраивало. Со мной поехало еще человек пять из нашей группы и китаец-гид, который заказал для нас автобус. Снимки пришлось делать под дождем.

Между прочим, гид сказал, что на Мостовой улице продается хлеб "русского типа". Мы, конечно, заинтересовались, пошли туда. Маленькая лавчонка, прямо на тротуаре. Гид указал на горы хлеба на прилавке. "Этот хлеб, — говорит он, — называется по-китайски "сайка".

Мы сразу же купили несколько саек и со вкусом отведали их. Это действительно были наши русские, харбинские сайки. Как видно, на китайском языке теперь появилось новое слово "сайка". На этом наш осмотр Харбина был закончен.

Грустно стало покидать мой родной город Харбин, город счастливой юности, грустно потому, что этот прежде чисто русский город, теперь стал китайским, население которого, в большинстве молодежь, понятия не имеет о том, что когда-то тут жили тысячи русских, что тут были десятки русских церквей, школы, университеты. Все русское уничтожено, забыто.

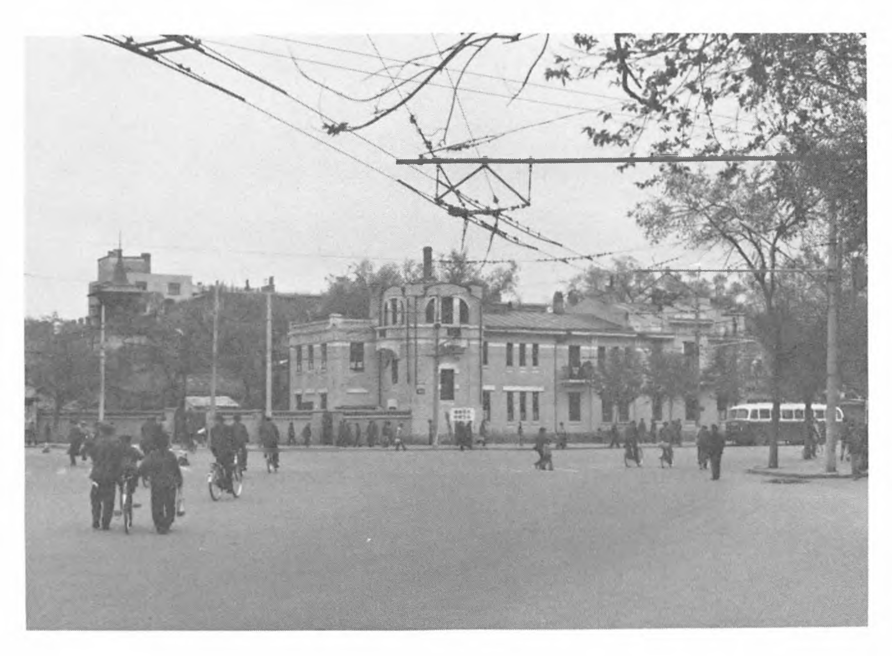
И действительно, пророчески писал в 1938 году харбинский поэт Арсений Несмелов:

Милый город, горд и строен,
Будет день такой,
Что не вспомнят, что построен
Русской ты рукой.

Вашингтон,
16 сентября 1983 г.

Клумба на месте разрушенного
Свято-Николаевского собора

Церковный дом на Соборной площади

Московские тороговые ряды в Харбине

Дом Джибелло-Сокко в Новом Городе

Большой проспект

Новый вокзал в Харбине (1983)

Бывшая резиденция управляющего КВЖД
Б. Остроумова

Здание Управления КВЖД на Большом
проспекте

Торговый дом И. Я. Чурин и Ко.,
теперь четырехэтажное здание

Харбинское коммерческое училище

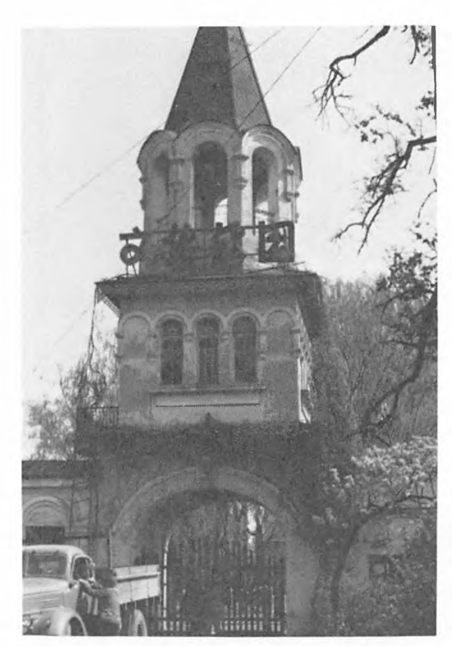
Железнодорожное собрание

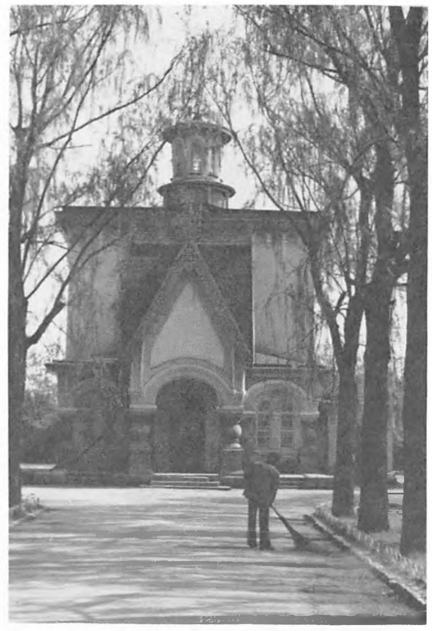
Кинотеатр "Ориант" в Новом Городе

Кинотеатр "Гигант"

Ворота на Новое кладбище
с надвратной колокольней

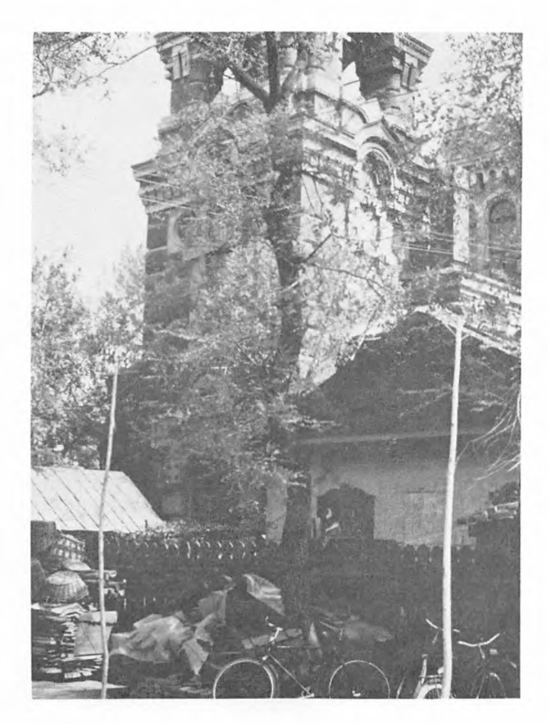

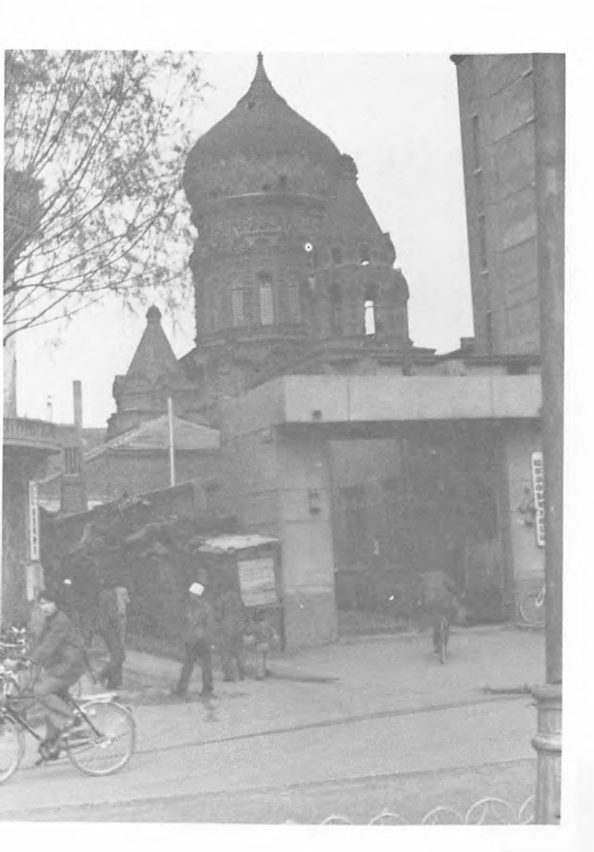
Церковь на Новом кладбище
(закрыта)

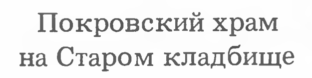
Так выглядит Новое кладбище теперь

Свято-Алексеевская церковь
в Модягоу

Св. Софийский храм
на Пристани

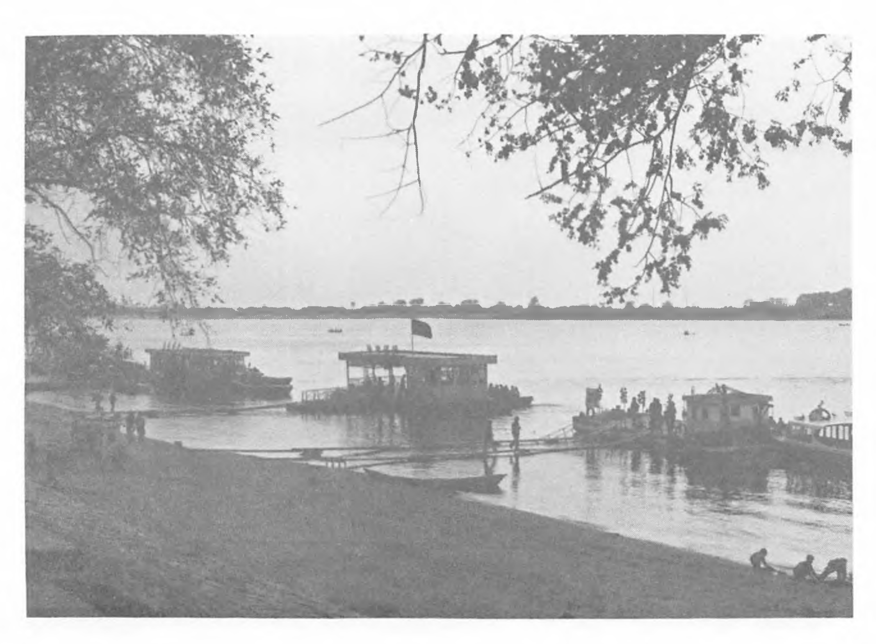

Покровский храм
на Старом кладбище

Мост через речку Модяговку
на Старохарбинском шоссе

Пристань на Сунгари

Автор на набережной Сунгари

Пристань на Сунгари

Дом Каспэ на Китайской улице

Вход в гостиницу "Модерн"
на Китайской улице

Яхт-клуб

Набережная на Солнечном острове

На углу Китайской и Мостовой улиц
на Пристани

Старые торговые ряды на Пристани.
Позади виден купол Софийского храма

РАССКАЗЫ

ПИКАЧИ

1

День за днем, год за годом, и каждый год в природе происходит одна и та же трансформация. Долгая и суровая маньчжурская зима уступает место веселой и чудесной весне. Снег быстро растаял, растворился, уступил место дружным усилиям солнца и теплого ветра, и не прошло много времени, как жаркое, иногда даже слишком жаркое лето вступило в свои права. Старожилы начинают готовиться к весне и лету заранее, даже когда на дворе все еще нагромождены гигантские снежные сугробы. А когда немного потеплеет, начинают подготавливать сонные ульи пчел. На Благовещение, когда на пригорках уже появились проталины на снегу, выставляют ульи на пасеки, и пчелы, почувствовав теплое дыхание солнца, начинают медленно, робко и не совсем уверенно вылетать на разведку.

С первыми летними днями сразу как-то ожили леса и горы, непроходимые маньчжурские трущобы и глубокие ущелья в непролазных отрогах Большого Хингана или Чжангуайцайлиня... странная, малознакомая жизнь в тех густых, почти неисследованных местах...

Громадные тигры, значительно превосходящие и размерами и свирепостью своих бенгальских собратьев, царственно чувствовавшие свое превосходство над всеми другими представителями животного мира и свободно бродившие по своим владениям в густой маньчжурской тайге, вдруг как-то съежились, сжались, стали уходить все дальше и дальше вглубь тайги, подальше от железной дороги, насколько можно дальше от нового и странного двуногого животного; стройные косули также постарались уйти вглубь лесов — только чтобы не попадаться на глаза человеку, странному, жестокому человеку, от которого, как от зачумленного, все живое старалось скрыться, бежать как можно дальше.

Два года прошло с тех пор, как японские войска внезапно выступили и заняли громадную территорию страны, прежде называвшуюся Маньчжурией, а после оккупации японцами переименованной в Маньчжуго.

Цепкие руки непрошенных пришельцев еще не успели схватить мертвой хваткой эту огромную страну. Все, что они могли захватить на первое время — это всю длину железной дороги, перерезавшей страну с одного конца до другого, и, конечно, заняли все большие города и пограничные селения. Они, однако, не были полностью уверены в том, что они стали хозяевами страны, не были уверены в своей силе... и даже, насколько можно было судить по их поведению и поступкам, они со страхом оглядывались, где бы они ни были, ежеминутно и ежечасно ожидая неожиданного удара ножом в спину или со стороны многочисленных отрядов китайских националистов, которых иногда называли партизанами, внезапно появлявшихся в самых неожиданных местах, как грибы после хорошего дождя, или же от русского "медведя", который сумрачно смотрел на поведение японцев в Маньчжурии и не знал, как вести себя, не особенно-то полагаясь на свои собственные силы там. С трех сторон навис Советский Союз над Маньчжурией, но трудно было сказать, кто кого боялся больше. Так же как советы могли ринуться на Маньчжурию со всех сторон, с таким же успехом японцы могли атаковать русский Дальний Восток и перерезать Великий Сибирский путь в нескольких местах, таким образом отрезая Дальний Восток от центра. Недаром советы стали лихорадочно строить новую, недоброй памяти, Байкало-Амурскую магистраль, которая, однако, так никогда и не была закончена.

Глухие леса загадочно окружают и почти поглощают небольшие железнодорожные станции и поселки; гарнизоны оккупантов никогда не чувствуют себя там в безопасности. Там и здесь с закатом солнца темные тени выползают из своих лесных логовищ, бесшумно передвигаются по хорошо знакомым им тропам, просачиваются в деревни и поселки, собирают ценную информацию относительно передвижений и расположения японских войск и затем — наносят японцам удар, обычно по ночам, атакуя их с такой яростью, что ничто на их пути не остается живым.

Это были отряды китайских патриотов, которые в нормальные дни в продолжение всей зимы проживали в городах и селеньях, обычно занимаясь своей мирной профессией, а с наступлением теплого лета исчезали в лесах и горах, соединялись в небольшие, чрезвычайно подвижные отряды, быстро после очередного набега растворявшиеся в горах или дремучей тайге, подобно легкой дымке в воздухе.

Все, что японцам оставалось делать и что они часто дела-

ли — это отправлять карательные экспедиции в те города и селения, в которых их гарнизоны были уничтожены. Ничто живое не могло сопротивляться японцам в их ярости, подвергаясь жестокой расправе огнем и мечом. Конечно, большей частью страдало ни в чем неповинное мирное население — крестьяне и рабочие, никакого отношения к партизанам не имевшие. Очень часто карательная экспедиция, отправившаяся в леса преследовать отряд партизан, не имея возможности нагнать своих противников, попросту уничтожала население какого-нибудь удаленного селения или деревушки и, как доказательство "уничтожения" всего партизанского отряда, приносила обратно, в штаб головы убитых "партизан" — варварское доказательство "успешно" проведенной экспедиции.

Обе стороны не давали пощады друг другу. Если японцы были жестоки, зверски жестоки по отношению к неукротимому населению Маньчжурии, то и партизаны были не менее жестоки к своим врагам, захватчикам их страны.

2

Петр, молодой русский конторщик, служивший в конторе начальника небольшой станции Уцзимихэ, взглянул на стенные часы, висевшие над столом начальника станции Самсонова. Время было кончать работу, но ему как-то не хотелось идти домой. Живая один в большом доме, он всегда чувствовал себя особенно одиноким, когда приходил домой со службы. Его семья уехала в столицу Манчьжурии — Харбин. Семья была большая и на редкость дружная — десять человек. Все свои летние вакации они обычно проводили на своей даче, на станции Уцзимихэ, находившейся от Харбина приблизительно на расстоянии ста километров. Нужно отдать им справедливость, свое дачное время они проводили исключительно весело и дружно.

Все лето слышны были их молодые голоса или в большом доме, или в парке, или на берегу небольшой горной речки, которая в жаркие летние дни без дождей превращалась в небольшой ручеек. Купанье, катанье на велосипедах, солнечные ванны и пикники — чудесные летние удовольствия и развлечения были в программе каждого летнего дня. Очень часто молодежь устраивала большие экскурсии вглубь девственного леса по самым разнообразным поводам — собирать

ягоду, охотиться, ловить рыбу — рыбная ловля была особенно привлекательна в затерянных в лесу, уединенных горных речках и глубоких, холодных озерах.

Эта, еще мало исследованная и молодая, страна имеет все, чтобы удовлетворить вкусы кого бы то ни было. Опытные охотники могут отправиться в глушь лесов и тайги в поисках свирепого маньчжурского тигра или медведя, а то и гигантского кабана, но, конечно, этот род охоты рекомендуется только профессиональным охотникам. Стройные, горные косули, масса дичи — живописные фазаны, утки, гуси и много всякой другой птицы, все это было источником неисчислимых наслаждений охотника-любителя, тогда как бесчисленные безымянные горные речки и озера буквально кишели всеми разновидностями рыбного царства — рай для энтузиаста рыболова.

Казалось бы — настоящий рай, в котором можно только желать жить, но... к сожалению, за последнее время жизнь там стала омрачаться действиями человека, главным образом направленными на уничтожение другого человека.

Петр остался жить на этой небольшой станции после отъезда братьев и сестер потому, что у него было желание поступить на работу на железную дорогу, накопить деньжат и потом отправиться в город, чтобы продолжать образование в Институте ориентальных и коммерческих наук. Петр учился в институте на восточном отделении, специализируясь на цивилизации Китая и его языке. Получить работу на станции было легче, чем в Харбине, который был забит безработной молодежью. Единственное большое предприятие, где еще можно было как-то устраиваться, была железная дорога, но штаты всех отделов дороги были настолько раздуты и переполнены, что получить там работу без протекции было просто немыслимо.

Петр, поэтому, решил попытаться устроиться на линии, и ему посчастливилось — он поступил на должность временного конторщика при конторе начальника станции. Работа ему нравилась, заработок был неплохим, а самое главное — у него был замечательный патрон — начальник станции Самсонов.

Самсонов был ярым охотником и довольно часто в те недавние идиллические времена он передавал бразды правления своему опытному и весьма дельному старшему помощнику Колычеву, а сам отправлялся на охоту с Петром, который был не меньшим любителем поохотиться. Все это, конечно, делалось в обычное рабочее время.

Жизнь текла тихо и неторопливо, может быть, даже однооб-

разно и скучновато на таких маленьких станциях, в особенности для городского жителя, но зато станционные аборигены на свою жизнь не жаловались — они всегда находили что-то новое и интересное, не говоря уже о бесконечных рыболовных и охотничьих похождениях, всегда полных интереса и впечатления. Что самое главное — никто там не торопился, никто не подгонял на работе... все шло, подвигалось вперед без перебоев, может быть, не так быстро, но зато спокойно, без нервотрепки... Железная дорога работала без отказа... как хорошо смазанная машина, требующая только небольшого рутинного присмотра. Все делалось без спешки, удовлетворительно для общего дела, а главное — все были довольны условиями работы и своей жизнью.

3

— Что, собираетесь домой? — спросила Петра молоденькая телеграфистка Капочка, веселая, белокурая, кудрявая, голубоглазая, страшно смешливая девушка. Все ей смешно — покажи палец, она расхохочется. Одетая в простое ситцевое платье, с широкой развевающейся юбкой, простые черные туфли на низком каблуке, она казалась совсем молоденькой гимназисткой, может быть пятого класса. Да она и действительно была молода до неприличия. Только этой весной она окончила гимназию и поступила телеграфисткой на железную дорогу. Назначили ее на станцию Уцзимихэ, где она быстро сошлась с веселой, шумной семьей Ивановых, к которым принадлежал и Петр. Видно было, что она была неравнодушна к Петру, да и он сам тоже исподтишка вздыхал по ней, но из-за природной застенчивости боялся показать ей это. Она, пожалуй, была смелее, более энергичной и напористой. Частенько Капочка наведывалась к Петру в контору, чтобы поболтать с ним, пошутить с ним, а часто и подразнить его. Самсонов только посмеивался — жизнь идет своим чередом!

— Пора складываться, да шабаш! — как всегда, с шумом, со смехом, ворвалась в контору Капочка.

— Да, уже время... Да и чувствую, что проголодался. Время обедать...

Петр сложил свои бумаги, уложил документы в сейфы, потянулся за фуражкой и только собрался надеть ее на голову, как вдруг... резкий винтовочный выстрел, раздавшийся совсем близко, почти рядом, заставил его застыть на месте... второй выстрел... третий... еще и еще. Выстрелы загрохотали поч-

ти без перерыва, точно резкое щелкание бича... послышались звуки поющих пролетающих пуль... очевидно, стреляли не только с вокзального перрона, но и откуда-то издали — по зданию станции.

Где-то рядом заревели дикими голосами; грохот беспрерывных выстрелов, хлопанье дверей — вся эта какофония звуков налетела на тихую станцию, точно грозный неожиданный тайфун — гроза китайских морей...

Дзинь... со звоном разлетелось вдребезги оконное стекло, рассыпавшееся по подоконнику... Петр с Капочкой отпрянули назад и прильнули к стене.

— Что это?.. — с трудом пролепетал перепуганный Петр, с большим усилием стараясь контролировать свой голос.

Самсонов, имевший больше самообладания, чем молодой Петр, осторожно подошел к окну и выглянул наружу...

— Похоже на то, что партизаны атакуют станцию... — сказал он, — идет бой со станционной охраной.

На станции Уцзимихэ не было регулярного японского гарнизона. Японское командование отрядило на охрану станции небольшую воинскую часть в два взвода китайских "маньчжугоских" войск, выразивших желание служить японцам за несколько долларов в месяц, хотя, откровенно говоря, служили они своим господам не с особенно большим энтузиазмом.

На перроне станции стрельба разгорелась с еще большим ожесточением. "Дзинь... дзинь...", опять посыпались оконные стекла в помещении станции. Капочка в момент юркнула в свою телеграфную комнату и сразу же — под тяжелый дубовый стол, на котором стоял телеграфный аппарат. Петр не стал ждать приглашения и кинулся туда же. Перепуганная Капочка тесно прижалась к нему и положила свою голову с копной белокурых волос на грудь Петра. Он тихо обнял ее, как ребенка, и застыл в блаженстве, забыв и партизан, и пули, и грохот разбитого стекла.

— Не беспокойтесь, Капочка, все будет хорошо, — тихо шептал он, поглаживая ее волосы. Она только теснее прижималась к нему. Он осмелел и осторожно, точно боясь ее обеспокоить, прикоснулся губами к ее волосам. Капочка пошевелилась, повернула лицо к нему и подставила губы... Так, под телеграфным столом, под свист пуль и грохот разбивающегося стекла зародилась молодая любовь!..

Бой между охраной станции и партизанами продолжался недолго. Там и здесь, на станционной платформе можно было видеть трупы солдат, разбросанных в самых причудли-

ливых позах, сраженных огнем партизан. Самсонов с ужасом смотрел на убитых. Он подозвал Петра.

— Смотрите, Петр, что творится!

Петр, а за ним Капочка, острожно вышли из телеграфной конторки и так же осторожно выглянули наружу.

В дальнем углу перрона столпилась группа захваченных в плен солдат, сгрудившихся там под дулами винтовок молодых, довольно свирепого вида партизан. Стрельба совершенно прекратилась. Во всех направлениях, куда только можно было кинуть взор, энергично рыскали группы партизан. Их вооружение было самое невероятное: старые винтовки, давно забракованные военными властями; простые деревянные пики или же мечи с широкими лезвиями, употреблявшиеся в прежние времена для казни преступников. Главным оружием этих разношерстных банд были не винтовки, а пики, и поэтому все партизаны в Маньчжурии были прозваны "пикачами".

Некоторые из ружей, которыми были вооружены "пикачи", были старые русские "берданки", применявшиеся чуть ли не в русско-турецкую войну. Поэтому нет ничего удивительного в том, что партизаны были несказанно обрадованы, когда им удалось захватить у побежденных маньчжугоских солдат несколько современных винтовок и даже один пулемет.

— Интересно, что будет дальше, — обрел наконец голос Петр.

— Не могут же они сидеть здесь без конца. Вот-вот японцы налетят на своем бронепоезде и тогда плохо им придется.

— Тише... — прошептал Самсонов, — кажется, идут сюда... легки на помине...

Да... теперь можно было явственно слышать шаги небольшой группы людей, направлявшихся по коридору в сторону кабинета начальника станции. Все трое как-то невольно притихли, стали серьезными, насторожились. В конце концов никто не знает, что на уме у этих партизан. Они могут решить отделаться от русских железнодорожников, нежелательных свидетелей, обычным для них путем — просто поставить их к "стенке" и расстрелять, или же наоборот — подружиться с ними, если они в хорошем настроении, особенно после захвата большого количества оружия, как это бывало с ними не раз. Все могло случиться в этой стране, в это время!

Двери широко распахнулись и в кабинет вошел, резко отмеривая шаги, громадный главарь отряда партизан, вооружен

женный двумя огромными "маузерами", что было нечто вроде визитной карточки главарей партизанских и хунхузских отрядов. Высокий, худощавый, он имел очень солидный вид, своими седеющими волосами и общим видом скорее напоминал учителя или бухгалтера, хотя взгляд его холодных стальных глаз выдавал в нем человека непреклонной воли и сильного характера, а плотно сжатые губы говорили, что этот китаец, главарь отряда, не дрогнет, если ему нужно будет применить суровые меры и даже жестокость. Такие люди не поколеблются убить человека, если это нужно для "дела", часто по самому малейшему поводу, а еще чаще даже совсем без всякого повода.

За главарем следовала небольшая группа его сподвижников, в большинстве молодежи не старше двадцати лет, почти все босые и вооруженные точно так же, как и их товарищи, орудовавшие на перроне.

— Кто здесь начальник станции?.. — спросил главарь, угрюмо оглядев трех русских и затем уставился тяжелым взглядом на старшего по возрасту Самсонова.

Самсонов слегка поклонился...

— Я начальник станции...

Партизан подошел ближе и положил руку на "маузер"...

— Никто не должен покидать станцию без моего распоряжения, — отдал он приказание, говоря очень медленно, точно подыскивая нужные слова, — ничто не должно передаваться с этой станции ни по телеграфу, ни по телефону... Никто за границами этой станции не должен знать, что происходит здесь... И вы, — он опять тяжело посмотрел на Самсонова, — вы будете ответственны за все, что произойдет здесь, если японские собаки узнают о нашем присутствии здесь... вы все поняли?..

Самсонов опять поклонился молча.

Партизан угрожающе посмотрел на Петра и Капочку и, резко повернувшись, быстро вышел из кабинета. Молодые партизаны заторопились следом за ним...

Трое русских, оказавшихся под "домашним арестом", подошли к окну. Им было хорошо видно, как группа партизан, только что вышедшая от них, направилась к пленным солдатам, стоявшим в дальнем углу перрона. Главарь отряда сердито бросил несколько вопросов, вынимая свой громадный пистолет из кобуры. Испуганные солдаты быстро залопотали что-то и указали на двух из их группы, очевидно, сержанта и капрала...

Главарь вскинул пистолет... прогремели два выстрела,

один за другим, и оба убитые свалились к его ногам. Перепуганные солдаты молча ожидали своей очереди, полагая, что и их ждет такая же участь.

Главарь, однако, всунул пистолет обратно в кобуру и задал солдатам еще несколько каких-то вопросов, на которые те, насколько можно было понять на расстоянии, ответили утвердительно — да и как можно было не соглашаться с грозным партизаном! Как выяснилось, глава ”пикачей” предложил им, для того, чтобы загладить свою вину, ”добровольно” вступить в его отряд и доказать на деле, что они ненавидят японцев. Получив согласие новоиспеченных ”пикачей”, он отдал приказание своим подчиненным, и группа солдат под командой одного из ”пикачей” отправилась куда-то в сторону, за здание вокзала.

— Какой ужас! — пролепетала Капочка, будучи совершенно неожиданной свидетельницей расправы главаря ”пикачей” с двумя маньчжугоскими солдатами. — Подумать только, что эти люди только что были живы. Так легко раздавить человека, точно это клоп какой-то...

— Да... — как-то неопределенно промычал и покачал головой Петр, — но что сделаешь?.. Они тоже, ведь, знали, что делали, когда поступали в эти отряды, служившие японцам...

Резко прозвучал звонок диспетчера... Самсонов подошел к аппарату.

— Станция Уцзимихэ... говорит Самсонов... — отрапортовал он.

— Хорошо, Уцзимихэ... будьте готовы принять поезд номер пятьдесят первый... поезд сейчас отходит от станции Имяньпо.

— Слушаюсь...

Самсонов повесил трубку и подошел к стенному телефону, соединяющему его со входными стрелками... покрутил ручку...

— Иван... открой семафор для 51-го... пусти поезд на главный путь...

Он повернулся к Петру и Капочке, которые все еще были в каком-то трансе после всего происшедшего, и сказал:

— Ну и поразится же бригада поезда, когда они приедут сюда и увидят станцию, захваченную пикачами. Интересно, пропустят ли партизаны этот поезд дальше, или же задержат его здесь до тех пор, пока они не покинут станции?..

4

Прошло немного времени, вероятно, не более тридцати минут, как вдруг на перроне стало заметно какое-то возбуждение. "Пикачи" услышали шум приближающегося поезда... бросились во всех направлениях, некоторые прочь от вокзала, другие, наоборот, внутрь вокзального здания. Поднялся неимоверный шум, галдеж; кидаются во все стороны, никто не знает, что делать.

Среди всего этого шума теперь можно было уже довольно ясно различить шум приближающегося поезда...

— Все под прикрытие! — раздался властный голос главаря "пикачей", появившегося на перроне... — все назад, быстро...

В момент перрон опустел, людей точно ветром снесло, точно на нем никого не было; все живое исчезло, точно сметенное с перрона гигантской метлой.

Подходивший к станции поезд сбавил ход...

Петр осторожно выглянул из окна наружу...

— Что за чертовщина! — изумился он. — Это же не пятьдесят первый!.. Смотрите... это японский бронепоезд... Они, значит, знали, что станция захвачена...

Самсонов, уже надевший форменную фуражку начальника станции с красным верхом, чтобы встретить поезд, тоже выглянул... В изумлении он даже присвистнул...

— Это здорово!.. Конечно, это японцы... в этом нет никакого сомнения... Ну, сейчас начнется представление... Каждый момент может начаться стрельба... Прячьтесь-ка, ребятки!

Петр подошел к двери кабинета и осторожно выглянул в коридор... Везде, за каждым выступом, за каждым углом помещения станции можно было видеть притаившихся "пикачей". Их напряженные свирепые лица осторожно и внимательно поджидали появления врага, подстерегая момент, когда японцы соскочат с поезда.

Бронепоезд медленно подошел к перрону и остановился. Ни звука ни с поезда, ни с вокзала. Обе стороны настороженно изучают обстановку... Впереди бронированного паровоза был бронированный вагон, вернее полувагон, вооруженный трехдюймовым орудием, угрожающе уставившим свое жерло по направлению к вокзалу. В том же направлении поглядывали стволы нескольких пулеметов. Позади поезда был еще один бронированный вагон, перед которым шло несколько простых красных товарных вагонов, через широко раскрытые двери которых можно было ясно различить низко прижавшихся к баррикадам из мешков, наполненных пес-

ком, японских солдат с красными околышами на их фуражках. Бронированный вагон в хвосте поезда был также с трехдюймовым орудием и пулеметами.

Сразу стало как-то тихо-тихо... Все остановилось, даже сам воздух застыл в ожидании чего-то ужасного в этот чудный, ясный, солнечный день. Полнейшую тишину воздуха вдруг нарушила влетевшая в разбитое окно вокзала пчела, с жужжанием толкавшаяся в оставшееся целым окно и старавшаяся найти выход наружу. Так же нетерпеливо билась в другое окно муха, которая, казалось, устроила невероятный шум в этой абсолютной тишине. В другое время эти звуки были бы совершенно незаметны.

Петр, с тревогой наблюдавший в окно что же будет дальше, даже как-будто перестал дышать; только изредка глотал воздух, со свистом поступавший в его легкие. Внезапно из головного бронированного вагона выскочил короткий, коренастый, на толстых ногах, японский офицер с громадной саблей в одной руке и с очень большим, неимоверно большим револьвером — в другой. И сабля, и револьвер казались чересчур большими и карикатурными по сравнению с его игрушечным ростом.

Офицер резко скомандовал что-то, махнул саблей... команда разрезала застывший воздух и в тот же момент из всех вагонов горохом посыпались десятки японских солдат, бросившихся штурмом на станцию...

Сидевшие в засаде партизаны встретили японцев смертельным градом пуль. Партизаны спокойно брали врагов на мушку, не торопясь спускали курок и каждый такой выстрел поражал японцев. Так же спокойно они перезаряжали винтовки и продолжали косить нападавших, еще и еще... Многие японцы свалились на перроне, скошенные партизанским огнем... Другие, не обращая внимания на своих павших товарищей, с яростными криками "Банзай" атаковали вокзал.

Первым подбежал к двери тот самый офицер, который, выскочив с поезда на перрон, подал сигнал к атаке. Он резко распахнул двери и только ринулся внутрь, как стоявший у двери молодой "пикач" взмахнул своим тяжелым мечом с широченным лезвием и одним взмахом отхватил голову офицера. Но он и сам не намного пережил свою жертву. Штык японского солдата пронзил грудь молодого "пикача" даже прежде, чем голова обезглавленного офицера упала на пол. Часы того солдата, который убил партизана, тоже оказались считанными. Другой партизан выскочил из-за двери с длинной пикой. Острый наконечник прошел сквозь

тело солдата и пригвоздил его к двери. В тот же момент очередь автомата в руках другого японского солдата скосила и этого "пикача".

Все это произошло перед глазами Петра, Капочки и Самсонова в течение каких-нибудь десяти секунд. Жизнь четверых была погашена в десять секунд только здесь, перед входом в здание вокзала, и, может быть, десятки других "пикачей" и японцев потеряли свои жизни дальше, на перроне.

Несмотря на свои довольно крупные потери, японцы, с фатализмом, присущим вероятно только их нации, продолжали "жать" партизан, причем довольно крупную поддержку им давали пулеметные команды бронепоезда. Когда партизаны были отброшены в открытое поле за вокзалом, тогда открыли по ним огонь трехдюймовки бронепоезда, поднявшие невероятный грохот на станции.

Наконец последние партизаны были или изгнаны из здания станции или убиты. Те из партизан, которые сидели в засаде позади здания вокзала, а также в кустарнике позади, получили приказ своего главаря отступить к небольшим холмам за станционными постройками, так как, очевидно, тягаться с японцами, вооруженными новейшим оружием, им было не под силу, со своими устаревшими "берданками" и пиками. Было бы дико атаковать бронепоезд с его орудиями и пулеметами и тому подобным оружием.

Главарь, однако, был человек упрямый.

Укрывшись в холмах, под прикрытием тенистых деревьев, остатки партизанского отряда подсчитали свои силы, перегруппировались. Главарь привел отряд опять в какой-то воинский вид. Прошло несколько минут, и вдруг "пикачи" с дикими криками выскочили из-под прикрытия и бросились в контр-атаку на японцев, теперь занявших позиции на перроне станции и в самом вокзале. Нападавшие яростно размахивали своими длинными пиками. На ходу, как можно было видеть, они поспешно засовывали в рот маленькие красные бумажки, на которых, как выяснилось, были написаны молитвы или заклинания. Эти бумажки с "заговором" раздавались партизанам их ламами (китайские священники) с весьма сложным ритуалом и гарантией, что каждый боец, получивший такое заклинание, проглотив бумажку делался заговоренным и ему больше не угрожали ни штыки, ни пули...

Очевидно эти заклинания партизанам не помогли, и все их молитвы на красных бумажках оказались бесполезными против свинцового дождя винтовок и пулеметов японских сол-

дат. Партизаны, атаковавшие японцев, косились пулеметным огнем, как трава.

Наконец небольшая часть отряда, очень небольшая часть того, что они имели в начале битвы, повернула назад и, попрежнему неся потери, бросилась бежать обратно, под прикрытие леса.

Сражение было закончено...

Пораженные ужасом при виде разыгравшихся перед их глазами кровавых схваток и, в особенности, только что виденным кр эвопролитным сражением в поле, за станцией, русские служащие, наконец, смогли покинуть помещение станции и разойтись по домам.

5

Солнце только что опустилось; с реки потянуло вечерней прохладой, и стало быстро темнеть, когда Петр вернулся домой. Подошел к двери, нажал ручку, заперто... Постучал в дверь... ответа нет...

— Эй, Лю Ци-мо!.. Где ты?.. Открой двери!..

Молчание.

— Куда ты девался, Лю Ци-мо? — загрохотал он кулаками в двери, вызывая своего китайского помощника, бывшего в доме на положении "прислуги за все". Старый китаец-кули исполнял в то же время обязанности садовника, работника, сторожа и даже повара...

Позади, в сарае, одна из дверей медленно открылась и оттуда высунулась голова испуганного Лю.

— Я здесь, хозяин, — медленно, сс страхом оглядываясь по сторонам, прошамкал на ломаном языке старик кули.

— Ничего, Лю, — успокоительно сказал ему Петр, — бояться теперь нечего... выходи... все кончилось... давай-ка поесть что-нибудь, я голоден...

На следующий день было воскресенье, и Петру не нужно было идти в контору. Вместо этого он пошел на свое любимое место на берегу речушки, пробегавшей через парк. Рано утром он сходил на станцию проводить Капочку. Она поехала на большую станцию Имяньпо, решила сходить в церковь на воскресную службу. Быстренько, в телеграфной комнате, втихомолку обменялись молчаливыми поцелуями, и Капочка, быстро, бегом, выпорхнула на перрон. Все у нее делалось стремительно. Она не ходила, а бегала, или еще луч-

ше сказать, порхала в своих платьях с широкими, развевающимися юбками.

— Скоро вернусь, не скучай, Петька, — крикнула она со ступеньки вагона, когда поезд резво тронул с места и быстро застрекотал на стыках рельсов. Капочка всегда звала Петра — "Петькой", когда хотела быть особенно ласковой. Это имя было проще и не таким формальным, как Петр или Петя. Скрылся поезд за поворотом, только дымок паровоза еще долго стелился низко, лениво подымаясь над домом дорожного мастера, стоявшего у входных стрелок. Как всегда, когда Петр чувствовал приступы одиночества, он шел в парк и там у реки сидел задумчиво часами, думал о многом, а главное, мечтал.

Там на берегу — тихо и так спокойно... Ни звука не долетает до него... только беспрерывный, неумолкаемый шепот спокойно пробегавших вод речки был единственным звуком, нашептывавшим ему так много... навевавшим так много дум и уносившим его в думах далеко-далеко...

В парке тихо... слишком тихо... Петр, как зачарованный, любит сидеть здесь и думать... и мечтать! Думать о доме в большом городе... о матери и отце, о всей их большой семье, о братьях и сестрах. Младшие уже, вероятно, стали ходить в школу — время было уже позднее, лето на исходе... вот-вот и осень предъявит свои права. Мама, как всегда, занята по хозяйству; у нее такая большая семья, ведь за каждым надо присмотреть, покормить, послать в школу...

Какое-то грустное настроение охватило его сердце... Живя все время дома, привыкнув к дому, да еще в такой шумливой веселой семье, он как-то особенно сильно почувствовал здесь свое одиночество... затосковал по дому... вспомнил, как хорошо бывало здесь летом, когда дом был полон молодежи... игры, все виды спорта, прогулки в лес, купанье в реке, пикники — все это заполняло дни во время летних каникул... Да что об этом теперь думать! Он сам хотел работать, зарабатывать деньги, копить их на учение... Поэтому ему и нужно было остаться здесь... Страшно в этот момент захотелось быть дома, в Харбине, особенно после того, как он оказался невольным свидетелем вчерашнего боя. Он никак не мог забыть отдельных эпизодов вчерашнего дня... Перед ним, как живой, стоял японский офицер, которому партизан отхватил голову... как тот партизан сам был заколот штыком... как японский солдат был пригвожден пикой к двери вокзала... а затем, эта кошмарная атака почти

безоружных "пикачей", бросившихся на японцев, на верную смерть.

Ему казалось диким пойти завтра утром в контору, продолжать работать за своим столом, точно ничего не случилось, точно не были убиты десятки людей — продолжать рутинную работу.

— Нет, я лучше брошу работу и уеду в Харбин... — подумал он. Но потом его мысли вернулись к Капочке и ему стало тепло на сердце. Скорее бы она вернулась!

6

Все утро в воскресенье, до полудня, японцы были заняты "чисткой" станции от остатков партизан и их "сообщников" — то-есть с обычной японской тщательностью они арестовали всех китайцев, которых они смогли найти около станции, будь то купец, кули или крестьянин — и, если у них было малейшее подозрение в том, что арестованный в какой-то мере был замешан в помощи или сочувствовал "пикачам", то несчастная жертва подвергалась строгому допросу "с пристрастием", то-есть, попросту страшнейшим азиатским пыткам, о которых лучше не упоминать. Только китайские служащие железной дороги избежали этой судьбы, хотя и они тоже испробовали пинков, кулаков и пощечин.

В полдень грозный бронепоезд покинул станцию...

Станция и поселок при ней выглядели совершенно опустошенными, так как в окружности нескольких километров не было видно ни одного китайца. Единственными живыми существами были русские служащие станции и несколько китайских стрелочников и сторожей. Да и те не чувствовали себя в большой безопасности, не зная, что может ожидать теперь их станция. Остатки разбитого партизанского отряда отошли вглубь девственного леса и диких сопок, но могли вернуться в любое время.

Поездов так и не было. Капочка застряла в Имяньпо, ожидая какого-нибудь попутного товарного поезда. День уже склонялся к вечеру, когда к Самсонову, уныло стоявшему на перроне станции подошел китаец-стрелочник и с колебанием, оглянувшись по сторонам, чтобы никто не подслушал, тихо прошептал:

— Партизаны вернутся на станцию сегодня вечером...

Самсонов взглянул на него. Сообщенная весть его нисколько не встревожила, несмотря на таинственный тон его

подчиненного. Станция переходила из рук в руки очень часто в те неспокойные времена. Во время гражданских войн в Китае станция занималась попеременно то войсками маршала Чжан Цзо-лина, то маршала У Пей-фу — бывших в то время главными соперниками на главенство в стране, у которых, к тому же было еще не менее десятка более мелких соперников. Со времени вторжения японцев, ему приходилось наблюдать смену власти то лояльных китайских войск, то японских карательных отрядов, то маньчжугоских коллаборантов, а то и партизан, бывших неизвестно на чьей стороне. Конечно, каждый раз при смене власти всегда была опасность если не быть убитым, то, по меньшей мере, получить ранение.

В этих бесконечных стычках шальная пуля могла сразить внезапно; осколок снаряда, меч партизана — все эти опасности чуть ли не ежедневно грозили русским железнодорожникам, не говоря уже о том, что в любой момент любая из сторон могла казнить совершенно невиновного по подозрению в шпионаже в пользу их противников или даже без всякого подозрения — так просто, по капризу начальника. Так уж завелось, однако, что железнодорожники были какими-то заговоренными. Враждующие противники старались не трогать их, чтобы не нарушать налаженной жизни и работы железной дороги, которая нужна была каждой из сторон и водить поезда по которой могли только опытные русские железнодорожники. Таким образом, русские служащие дороги оказалась неожиданными зрителями китайской драмы. Перед их глазами разыгрывались бои, стреляли, убивали кого-то расстреливали; одни уходили, другие приходили, а русские железнодорожники мирно делали свое дело, поезда ходили нормально, за некоторыми исключениями. Словно все это происходило как в огромном театре, на большой сцене. Уходили исполнители, и зрители возвращались к своим обязанностям до следующего акта представления.

Привыкнув ко всем этим переменам и опасностям, Самсонов был несколько поражен таинственным видом стрелочника и его страхами.

— В чем дело, Ван? Ты чего боишься? Уж не испугался ли ты партизан? Они тебе ничего плохого не сделают. Ведь партизаны же твои друзья — это китайские патриоты. Они дерутся только против японцев и изменников!

Ван покачал головой.

— Я не боюсь, начальник. Но... — он опять оглянулся, — у меня есть младший братка Ли... Он партизан... И он только что приходил ко мне, хотел повидаться со мной, а также...

проверить, не остались ли здесь еще японские солдаты... и он сказал мне, что "старшинка" партизан сердит, очень сердит на русских... Он говорит, что русские позвали японцев на станцию, когда партизаны были здесь...

— Но это же неправда, Ван. За все время, пока партизаны были здесь, никто не подходил к телеграфному аппарату, никто не говорил по телефону... я отдал строгий приказ на этот счет... по распоряжению того же "старшинки"... Я думаю, что японцы просто почувствовали, что партизаны здесь, или же у них есть свои шпионы, а может быть, они просто совершали свой обычный объезд, патрулировали этот участок пути, что они делают довольно регулярно. Так что, как видишь, мы не имели никакого отношения к прибытию сюда японцев. Ты лучше пойди и скажи это своему брату. Попроси его отправиться обратно к партизанам и сказать "старшинке" не винить нас за то, что произошло здесь вчера.

Ван покачал головой опять...

— Поздно теперь, начальник. Ли уже ушел обратно... Ли сказал, что партизаны придут сегодня вечером... они убьют всех русских... Ли говорит, начальник хороший человек... пусть начальник сейчас уезжает до вечера, а то будет поздно...

— Что ты болтаешь, Ван, — встревожился Самсонов, — ты что, серьезно говоришь?

Но он уже видел, что здесь нет необходимости переспрашивать Вана об этом. Весь вид как-то осунувшегося китайца говорил, что он был более чем серьезен. А кроме того, доказывать партизанам свою невиновность, очевидно, было поздно, да и рисковано. Он знал слишком хорошо, что разъяренные партизаны не будут попусту тратить времени в попытках выявить виновных. Все же, что он знал, это то, что партизаны возвращаются сюда сегодня вечером и что они грозятся убить всех русских на станции. Факт остается неоспоримым, что партизаны злы и сильно злы, потеряв большую часть своего отряда здесь на станции, своих лучших бойцов и что они винят в этом русских служащих станции. Значит, надо было действовать быстро и решительно. Выбор оставался один — немедленно эвакуировать весь русский персонал станции, если еще не поздно...

Самсонов повернулся, чтобы еще что-то спросить у Вана, а того и след простыл. Он боялся, чтобы не увидели, как он предупреждал начальника.

— Николай! — крикнул начальник станции одному из своих помощников, дежуривших на станции. — У нас осталось мало времени на всякие объяснения. Сегодня сюда опять при-

дут партизаны и они грозятся убить всех русских на станции. Не спрашивай почему. Я сейчас вызову диспетчера в Харбине и потребую немедленно выслать к нам паровоз с парой теплушек, чтобы забрать нас всех отсюда. Наш спасательный поезд может появиться здесь очень скоро, может быть, через какие-нибудь полчаса, самое большее — через час. Беги-ка сейчас по домам, забегай в каждый дом и скажи всем — служащим и их семьям — немедленно же собраться здесь на перроне; скажи им не брать ничего с собой, чтобы не тратить времени, пусть заберут только по смене белья, двери домов чтоб позапирали на замок. Времени осталось так мало, что мы не сможем взять с собой что-либо, за исключением наших жизней... может быть, если успеем...

— Иван! — подозвал он подошедшего стрелочника. — Беги по второму ряду домов и предупреди всех, чтобы немедленно собирались на перроне, пока Николай бежит по первому ряду... Ну беги, да поскорее!..

Он вернулся в свой кабинет, немедленно же вызвал диспетчера в Харбине по диспетчерскому аппарату и, торопливо объяснив ему создавшееся щекотливое положение, попросил его послать на выручку паровоз и теплушку или две.

Диспетчер, старый железнодорожный служака, в момент понял обстановку. За долгие годы службы на дороге (он остался служить на дороге после Русско-Японской войны) ему пришлось повидать многое на этой линии, многое и самому испытать... В те тревожные времена ему не раз приходилось выручать железнодорожников и их семьи, застрявшие на маленьких станциях в подобных же положениях, и он знал без напрасной траты слов, как нужно было действовать в этих случаях.

— Ничего, Григорий Иванович, не волнуйтесь... — спокойно и уверенно ответил диспетчер. — Я немедленно же отдаю распоряжение отправить на вашу станцию паровоз и две теплушки. Паровоз сейчас стоит на станции Маоэршань, в трех перегонах от вас. Поезд будет у вас приблизительно... через сорок — сорок пять минут... Поторопите служащих, чтобы они приготовились на перроне к тому времени. И главное, скажите им — не волноваться. Вся опасность минует через день-два. Эти партизаны, так же как и бывшие до них хунхузы, все время передвигаются с места на место. Они не любят долго находиться на одном и том же месте, чтоб их не уследили японцы, и я уверен, что через пару дней они исчезнут в лесах и вы их больше не увидите. И тогда вам можно будет вернуться обратно... Может быть, новый отряд появит-

ся в ваших местах, и вы, в этом нет никакого сомнения, будете с ними в самых лучших отношениях... Ну, хорошо, Григорий Иванович... я сейчас звоню на станцию Маоэршань, затребую паровоз... счастливо оставаться и счастливо эвакуироваться... Вашу станцию временно закроем...

— Большое спасибо!..

7

Прошло несколько минут и на перроне стала собираться группа русских служащих с их семьями. Николай с Иваном добросовестно выполнили поручение, и не только добросовестно, но и с необычайной быстротой. Не успели они предупредить обитателей последних домов, как служащие, жившие в первых домах, стали уже собираться на перроне. Сказывалась выучка и многолетний опыт.

— Что случилось, Григорий Иванович? — встревоженно спросил Самсонова его старший помощник, первым прибежавший на станцию. Крупный, тяжелый, средних лет, он считался хорошим служакой и знающим свое дело. Самсонов мог всегда, в любое время, с легким сердцем положиться на него.

— Почему нам нужно уезжать? Что-нибудь опасное? И потом, как же насчет коров и собак?..

— Не подохнут!.. — нетерпеливо отмахнулся Самсонов. — Выпустите их на свободу и пусть переходят на подножный корм. Мы вернемся обратно через день или два и переловим всех коров.

Он наскоро, в нескольких словах, объяснил помощнику Колычеву все события дня. Не прошло много времени, как они уже оба быстро и умело взялись руководить подготовкой персонала станции к эвакуации. Служащих на этой небольшой станции было немного, всего какой-нибудь десяток домов. Здесь нужно было успокаивать встревоженных ребятишек, там нужно было утешить заплаканных женщин. В то же время надо поторапливать запоздавших... Все были более или менее напуганы событиями вчерашнего дня, оказавшись неожиданными свидетелями разыгравшегося кровопролитного боя между японцами и ”пикачами”.

Самсонов с беспокойством поглядывает на железнодорожный поселок... несколько человек запаздывает, видно, не хотят оставлять свое добро, пытаются увязать в узлы то, что им кажется наиболее ценным... Ему приходится посылать

то Николая, то Ивана, чтобы подогнать, урезонить запаздывавших, угрожая оставить позади всех тех, кто не окажется на перроне станции к приходу поезда.

— Скажи Борисенко, — кричит он вслед Николаю, — что мы не намерены его ждать... Будем грузиться в поезд немедленно.

Ровно через сорок пять минут после разговора Самсонова с диспетчером небольшая группа эвакуировавшихся, с нетерпением ожидавшая поезд, услышала резкий свисток паровоза у семафора... послышался стрекот колес на входных стрелках и через несколько секунд пыхтящий паровоз с двумя теплушками с грохотом подкатил к перрону и, заскрипев тормозами, лихо остановился у вокзала.

Старый машинист высунулся из своей будки, взглянул на группу беженцев...

— Ну что, готовы ехать?

— Да, все здесь, — ответил Самсонов. — А ну-ка, все по вагонам, нечего терять время...

Подгонять, однако, никого не нужно было. Каждый торопился забраться в вагон прежде других. Самсонов обошел вокруг здания станции в последний раз, проверил все ли оставлено в порядке, пощупал подвесные замки, висевшие на всех дверях. Все двери были уже заперты, за исключением парадной. Он вошел внутрь... вызвал диспетчера в последний раз...

— Диспетчер!.. Поезд отходит от станции Уцзимихэ. Прошу отметить в журнале, что станция Уцзимихэ закрывается с сегодняшнего дня... время... — он взглянул на часы: — время, шестнадцать часов... Будут еще какие-нибудь распоряжения?

— Нет... больше ничего. Счастливого пути всем вам...

— Спасибо...

Он быстро вышел из кабинета, запер двери, взобрался на паровоз... Паровоз, имея такой легкий груз, быстро тронул с места, в момент набрал скорость и в несколько минут поезд исчез за поворотом, провожаемый взглядами китайских служащих, решивших остаться на станции. Они особенно не боялись. Им ничего не грозило.

Все население станции эвакуировалось, никого из русских не осталось... никого... за исключением... Петра!

Очевидно в спешке, торопясь поскорее покинуть станцию, забыли предупредить Петра и оставили его позади, в полном неведении того, что ожидает его с возвращением партизан. По всей вероятности, главной причиной того, что Петр не был предупрежден и что все забыли об его существовании было то, что все служащие жили в казенных домах, домах, при-

надлежащих дороге и сгруппированных вокруг здания станции, тогда как Петр, как временный служащий, жил в частном доме, принадлежащем его отцу и находившемся довольно далеко от станции, по меньшей мере, на расстоянии полукилометра.

8

Было около четырех часов дня, когда Петр, хорошо пообедав, отправился опять в свой любимый парк. Его верный Лю Ци-мо пошел, как обычно, возиться во дворе, почистить что-то в сарае, проверить ульи на пасеке, да и вообще присмотреть за хозяйством. Петру нравилось все свое свободное время проводить в парке, где он мог прополоть заросшие свежей молодой травкой дорожки и тропинки, прочистить новые тропы через девственную гущу громадного густого парка. Он всегда чувствовал себя особенно хорошо после нескольких часов, проведенных в парке.

В это памятное воскресенье он только что принялся за новую тропу, как раздавшийся свисток паровоза заставил его поднять голову. Конечно, ничего удивительного в этом не было. Поезда приходили и уходили каждый день. Он с радостью подумал, что, может быть, Капочка возвращается со станции Имяньпо. Прислушался опять... нет, поезд идет с другой стороны, не с Имяньпо... Кроме того, что поразило его больше всего, это то, что его опытное ухо услышало очень короткий стрекот колес приближающегося поезда, точно идет не поезд, а только один паровоз или же очень короткий состав из двух или трех вагонов... Может быть, опять японский бронепоезд!..

Заинтригованный Петр решил выйти на насыпь старого заброшенного пути железнодорожной ветки, ведшей когда-то давно к угольным копям, много лет уже как совершенно заброшенным. Работы на угольных копях были прекращены несколько лет тому назад, железнодорожная ветка давно поросла травой, шпалы погнили, и только оставшаяся насыпь была свидетельницей того, что когда-то здесь проходили поезда, тяжело нагруженные углем.

Быстро Петр взобрался на насыпь, как раз в тот момент, когда паровоз с двумя вагонами отходил от станции и через несколько минут быстро скрылся из вида. Какое-то внутрен-

нее чувство, возможно интуиция, подсказало ему, что тут что-то не ладно, что нужно проверить в чем тут дело... У него появилось подсознательное чувство, какая-то тревога, что он в опасности, что что-то должно произойти, и очень скоро, но что именно — он не мог понять...

— Лю! — крикнул он своему помощнику. — Я пойду на станцию, скоро вернусь...

Не теряя времени, он быстро побежал на станцию по тропинкам, знакомым только ему. Каждая тропинка, каждый кустик там были знакомы ему, и он в самую темную ночь без ошибки мог находить там дорогу. В несколько минут Петр был на перроне станции. Перрон выглядел необычно опустевшим. Он подошел к двери, ведущей в кабинет начальника станции. Закрыто... замок на двери... Что за чертовщина!.. Петр был ошеломлен... Что случилось?!.. Где Самсонов и все другие?.. Как же так они покинули станцию ... кто будет отвечать на телефонные и телеграфные запросы?..

Он просто не мог поверить своим глазам... Заглянув через стекло окна внутрь, он увидел, что все там было в полном порядке... все бумаги и документы на местах, на столах и в шкапах... Какой ураган вдруг снес все живое со станции, оставив в живых только его, Петра?!..

Тот паровоз... внезапно ум его просветлел... ведь тот поезд, вероятно, был прислан забрать всех служащих... Но почему никто не сказал ему об этом... почему его оставили... что, в конце концов, случилось, что заставило всех служащих спешно покинуть станцию?..

Все эти вопросы захлестнули его мозг... подавили его своей неожиданностью, но он... не мог найти на них ответа. Нет никакого сомнения, что за эти несколько часов что-то произошло на станции, но что это было?.. Он знал одно... у него было какое-то подсознательное чувство, что на станции что-то неладно, и что он — в опасности. Смертельная опасность где-то близко... но что это и где... откуда ждать опасности... он не знал. Даже прекрасный вечер с его изумительным красочным закатом не мог заглушить в нем это чувство ожидаемой и приближающейся опасности.

Он знал, что оставаться ему на перроне нельзя, если все служащие уехали, что ему нужно скорее бежать... станция, очевидно, не была безопасным местом. Петр осторожно, с опаской, оглянулся, посмотрел по сторонам... как будто никого нет, никто за ним не наблюдает... ни души... Он сбежал с перрона и железнодорожной насыпи и быстро зашагал домой. Вот небольшой лесок, почти незаметная тропинка, знакомая

только ему, и только он собрался было окунуться в спасительную чащу леска, как нервно вздрогнул и остановился... В тени большого дерева он увидел или, вернее, почувствовал тень стоявшего позади дерева человека, очевидно, наблюдавшего за ним.

Прошло несколько, показавшихся ему долгими, бесконечными, секунд. Фигура зашевелилась и медленно направилась в сторону Петра. Сердце перепуганного Петра похолодело и забилось страшными, резкими толчками... Он присмотрелся к приближающемуся человеку и... с облегчением, вздохнул.

— Ван, ты что здесь делаешь? — спросил он знакомого стрелочника.

Это был стрелочник Ван, тот самый стрелочник, который предупредил Самсонова и уговорил его со всеми русскими покинуть станцию.

— Петр, почему ты здесь? Почему не уехал в Имяньпо?..

— Почему в Имяньпо? Что здесь происходит? Куда девались все служащие?

Ван как-то странно посмотрел на Петра...

— Все уехали... Партизаны сегодня вечером приходят обратно...грозят убить всех русских... Ты умрешь сегодня вечером, если не убежишь сейчас же!..

— Так вот что случилось!.. Спасибо, Ван, век не забуду...

Он повернулся и быстро зашагал домой.

— Подумать только, никто не сказал ни слова мне... бросили здесь... подыхай, дескать... перетрусили видно, не хотели тратить времени на меня... Ну хорошо... нужно что-то соображать, что-то делать... Правда, остается один выход — идти пешком в Имяньпо, двадцать километров не ахти какое расстояние. Не так далеко, да я и не думаю, что будет опасно ночью. Теперь, конечно, было бы безумием выходить на железную дорогу. Партизаны в момент словят. А вот ночью... партизаны едва ли увидят меня в такую темень, по крайней мере увидят не более того, что увижу я. А в случае встречи с ними, я могу шмыгнуть всегда в лес, а там ищи меня, или спрячусь в высокой траве. Только бы они не пришли рано, дотемна...

— Эй, Лю Ци-мо, где ты?!..

Лю вышел из сарая, с трудом шаркая старческими ногами...

Петр рассказал ему о неожиданной напасти... сказал, что все русские уже покинули станцию... и что только он один остался здесь.

Перепуганный Лю не мог сказать ни слова. Он только беззвучно шевелил губами, пытаясь сказать что-то, но от страха дар речи покинул его, и все, что он мог делать, это судорожно открывать рот... Наконец Лю вновь обрел дар речи, обрел способность выражать свои мысли какими-то членораздельными звуками...

— Хозяин... надо бежать... скорее... здесь оставаться нельзя... Если партизаны сердиты... это очень плохо... партизаны убьют хозяина... убьют старого Лю... хозяин должен бежать...

Петр улыбнулся:

— Не бойся, Лю... Они придут поздно вечером... у меня еще много свободного времени... а как только стемнеет, я отправлюсь в Имяньпо... А ты оставайся здесь и присматривай за домом. Я вернусь через несколько дней.

Петр вошел в дом, быстро переоделся, положил все имевшиеся у него деньги в карман, поставил чайник на огонь, решив выпить стакан чаю перед тем как отправиться в долгий путь. Лю, однако, не успокоился. Решив не надеяться на случай, он пошел на насыпь, последить за станцией. С насыпи было видно все, что делается на перроне станции. Долго еще можно было видеть красный огонек его теплившейся китайской трубки, которую он неторопливо посасывал.

Стало уже темнеть, но небо было еще светлое. Наступали сумерки, но Лю все еще мог довольно ясно видеть здание станции и перрон. Но... что это? Он протер глаза и взглянул опять. Ошибки не могло быть. Станция ожила опять... На перроне видны были люди, все вооруженные, и их было много. Лю забыл свой преклонный возраст, забыл все... кубарем скатился с насыпи и ринулся в дом...

— Хозяин, хозяин!..

— Что случилось? — встревожился Петр, наливавший чай в стакан.

— Партизаны, хозяин... много... они сейчас придут сюда...

Петр похолодел.

— Как далеко партизаны сейчас? — спросил он Лю.

— Партизаны на станции... но они скоро будут здесь, — ответил китаец.

— Подожди здесь, я пойду сам посмотрю!

Он быстро поднялся на свой наблюдательный пункт — насыпь, низко пригнулся наверху и осторожно посмотрел в направлении станции. Сомнения не было. Он ясно мог видеть группы "пикачей" разбредшихся по всему поселку... врывавшихся в покинутые дома... но он также увидел нечто, что заставило его незамедлительно покинуть свой пост. Он также

увидел, как большая группа, человек в двадцать, спустилась со станционных путей... Не было никакого сомнения... они направились по тропинке, ведущей к дому Петра... а дойти до его дома много времени не займет!

Петр соскользнул с насыпи вниз, кинулся обратно в дом...

— Лю... Партизаны идут... времени нет... я пока спрячусь в этот стог сена, а когда партизаны уйдут, тогда я попытаюсь проскользнуть в лес... Скажи им, что я уехал вместе с остальными русскими, что все мы отправились со специальным поездом...

Он поспешно разрыл сено у самого основания, получилось небольшое логово, в которое он смог втиснуться. Прикрыл себя сверху сеном. Лю прибрал остатки сена, присыпал еще несколько охапок на Петра, так что стог выглядел совершенно нетронутым, и отправился обратно в дом. Он не знал, что ему делать... Нервно сел на скамью... вскочил опять... прошелся вокруг дома, все время настороженно поглядывая на аллею, ведущую с насыпи к дому.

Вдруг... сердце его перестало биться... Он увидел в полутьме несколько молчаливых фигур, вышедших с насыпи и настороженно следивших за ним... Темные фигуры стали осторожно приближаться к нему, ближе и ближе... Некоторые были вооружены винтовками, но большинство имело в руках только древние пики. Медленно подошли к Лю... Один из них, угрожающе направив на него дуло винтовки, свирепо окрикнул:

— Ты кто?.. Китаец?..

Лю дрожащими губами ответил утвердительно.

Они окружили его.

— Где русские, которые живут в этом доме? Они дома?..

— Дома нет никого. Хозяин уехал... Все уехали в Имяньпо...

Молодой вожак группы отдал приказание и некоторые из его подчиненных ринулись в дом. Вскоре они вернулись...

— В доме никого... — доложили они.

— Обыскать все здания... кто-нибудь проверить сарай...

Главарь вошел в дом. Лю покорно последовал за ним.

Наблюдательный глаз вожака заметил недопитый стакан чая...

— Так-то ты говоришь, что никого здесь нет... Русский должен быть здесь где-то... Смотри... вот его чай.

— Нет, это мой чай, — солгал Лю. — Хозяин уехал.

— Ну, смотри. Ты знаешь, что ожидает тебя, если сказал нам неправду... — недоверчиво посмотрел на него суровый главарь.

Он вышел во двор.

— Эй! — крикнул вожак одному из партизан. — Попробуй-ка, проверь вон тот стог сена...

Молодой "пикач", вооруженный пикой, с размаху воткнул пику в стог... выдернул... ткнул еще раз с другой стороны... и на этом успокоился. Счастье Петра, что он был спрятан низко, у самой земли, и партизан ткнул стог пару раз несколько выше того места, где был спрятан Петр. Другие партизаны, исследовавшие сарай, были более тщательны в своем обыске. Перешарили все внутри, перевернули каждый пучок сена и соломы. Очевидно, они предполагали, что Петр спрятался в сарае.

— Ну хорошо, я останусь здесь на ночь, а ты приготовь мне чаю, да принеси что-нибудь поесть, — приказал главарь партизан.

Лю услужливо поставил чайник на плиту, принес съестного... хлеб, масло... Партизаны после хорошего обеда быстро завалились спать, поставив снаружи двух часовых.

9

Перепуганный на смерть Петр свернулся калачом в своем убежище, стараясь не шевелиться и не выдать своего присутствия, в надежде, что партизаны пробудут недолго в его доме. Он слышал, как они несколько раз проходили мимо стога сена, в котором он был спрятан... слышал, как один партизан тыкал пикой в стог... холодный пот выступил у него на теле... нервы его были настолько напряжены, что он готов был выскочить из стога, если они сделают еще одну попытку посадить его "на вертел"... Он дошел до того состояния, когда был не в силах сидеть и каждую минуту ожидать, что острие пики воткнется в его тело.

К его счастью, партизаны вскоре закончили поиски. Бежать ему, как видно, было невозможно, потому что поставленный у двери дома часовой стоял лицом к стогу. Малейшее движение или шорох в стоге выдали бы присутствие Петра и это было бы его концом. После полуночи утомленный Петр смог вздремнуть на некоторое время, проснувшись незадолго до рассвета. Думать о бегстве уже не приходилось, так как партизанам, очевидно, понравился его дом и они не показывали никаких признаков сборов в дальнейший путь. Не было никакого сомнения, что ему придется провести в стоге весь день. Правда, одно было хорошо — часовых больше не было,

и Петр мог изредка вытягивать ноги, чтобы тело не занемело.

К концу дня, однако, он настолько устал от неудобного положения, в котором ему пришлось провести почти сутки, что он пришел к решению бежать в ту же ночь. Весь день он мог наблюдать, как партизаны входили в дом и выходили. Видел, как Лю готовил обед для них, но сам Петр голода или жажды не чувствовал. Нервы были настолько напряжены, что он даже не хотел думать о пище.

С приближением темноты он решил воспользоваться первым же удобным случаем и бежать под прикрытием ночной мглы. К одиннадцати часам вечера все члены его тела настолько онемели, что он не мог больше терпеть — нужно было бежать. Он стал следить за часовым, опять поставленным на ночь у дверей дома, и как только тот отвернулся, зажигая сигарету, Петр быстро выполз из своего убежища и в момент скрылся от глаз партизана за стогом сена... бесшумно пополз в сторону и вскоре растворился во мраке ночи.

Часовой быстро повернулся, услышав треснувшую где-то вблизи сухую ветку. Ему показалось, что он услышал звуки легких шагов... нервно вскинул винтовку и, направив ствол в темноту, хрипло окликнул:

— Кто там?.. Стой!.. Стрелять буду!..

Молчание... Тишина... Ни звука из парка... Должно быть, ему почудилось... все тихо кругом. Он опустил винтовку, изредка поглядывая в жуткую темноту леса.

10

Петр полз медленно, очень медленно, останавливаясь каждую минуту и прислушиваясь к тому, что творится позади... Ползти недалеко... река всего только на расстоянии каких-нибудь ста метров. Только бы добраться до реки... ее журчание заглушит звук шагов. Все его мысли, все внимание было поглощено тем, чтобы не задеть, не хрустнуть сухой веткой, чтобы не выдать своего присутствия осторожному часовому, оставшемуся позади.

Добравшись до реки, он вздохнул свободнее... все же, с осторожностью, перешел вброд на другой берег. Река была очень мелкой в это время года и только в некоторых местах доходила ему до пояса. Очутившись на другом берегу, он вновь приобрел уверенность в себе и смело зашагал вперед, стараясь уйти как можно дальше от "пикачей". Он медленно

подвигался вперед, как опытный охотник, принимая все меры предосторожности, в особенности, когда ему приходилось пересекать опушки леса.

Петр поставил себе целью обойти поселок на приличном расстоянии от него и постараться выбраться к железнодорожному пути пониже моста, находившегося на расстоянии двух километров от станции. Даже такой короткий путь он смог покрыть не менее чем в час, часто останавливаясь и прислушиваясь к ночным шорохам леса и реки.

Добравшись же до железнодорожного пути, он уверенно зашагал по шпалам по направлению к Имяньпо... путь не малый, по меньшей мере километров двадцать. Очень часто, услышав шорох впереди, он с быстротой леопарда кидался в высокую траву или в кустарник, выжидал немного и, убедившись, что никакой опасности нет, продолжал путь. Конечно, такие остановки сильно замедляли его путь, но тем не менее он упорно отмерял шпалы, все дальше и дальше от своей станции и все ближе и ближе к цели своего путешествия — Имяньпо.

Путь тяжелый... нужно идти с исключительной осторожностью, время от времени кидаться в чащу, ползти, пригибаться, затем идти опять, каждую минуту ожидая команду остановиться или, что было более вероятным, ожидая пулю в спину. Раз он услышал голоса впереди и моментально спрятался в высоких камышах, у болотца. Какие-то люди шли навстречу ему... несколько людей. Он мог слышать человеческие голоса. Тихо просидел он в камышах, пока группа людей, китайцев, не прошла мимо, направляясь к станции Уцзимихэ. В темноте он не мог различить, были ли это партизаны или просто китайские крестьяне. Лучше было быть осторожным и не показываться людям. Каждый момент можно было ожидать или быть убитым, или, что еще хуже, захваченным в плен, с перспективой быть преданным мучительной смерти.

Петр прошел не более пяти километров, взглянул на часы, было уже поздно, час ночи.

— Надо поторапливаться, дружище, а то ты будешь еще в дороге на рассвете, — пробормотал он себе. — Пять километров за два часа, а до рассвета осталось не более двух часов. Пройду, значит, не более пяти километров еще, а там придется прятаться где-нибудь в полях.

Эта перспектива его совсем не радовала.

Лес кончился, начались поля, стало труднее прятаться, в особенности в дневное время. Только теперь Петр почувствовал, что он голоден, что он не прикоснулся к пище более су-

ток. Это было странное ощущение, чувство пустоты в желудке, чувство никогда им не испытанное до сего времени. Трудно сказать, было ли это чувством голода только; или же это была скорее нервная реакция на события дня, вернее — на события последних трех дней.

Шесть километров пройдено... еще четырнадцать километров пути... а ноги чувствуют страшную усталость... Петр с трудом волочит отяжелевшие ноги... мягкая трава притягивает своей свежестью... какое райское наслаждение прилечь теперь, вытянуть усталые ноги, только на несколько минут... Тело тянется к траве, а мысль, ум не пускает... Он знал, что оставаться здесь опасно, слишком близко к станции. Нет, он не должен останавливаться здесь... не может, даже если искушение велико. Он должен идти...

Вдруг он услышал что-то... Что это?.. Не галлюцинация ли?.. Слышал ли он?..

Петр остановился и стал прислушиваться... Ни звука... Нет... что-то доносится иногда... возможно ли это?.. Пригнулся к рельсам. Приложил ухо к рельсу. Да... теперь сомнения нет... где-то, далеко еще, очень далеко... он теперь может слышать довольно ясно тихий стрекот колес приближающегося поезда... Неужели, поезд идет сюда... его могут спасти... если бы только как-то остановить поезд...

Ритмично колеса отбивают в его сердце самую лучшую музыку, которую он когда-либо слышал... музыку возвращения к жизни... сначала тончайшее пианиссимо... громче, громче... пиано... форте... фортиссимо... все громче и ближе. Сильный прожектор паровоза вырвался из-за поворота, разрезал чернильную темноту ночи... осветил измученного юношу... влил в него веру, надежду на спасение... Только бы увидели его!

Петр смело пошел навстречу поезду посредине пути, и как только прожектор осветил его фигуру, он вскинул руки и стал яростно размахивать ими, стараясь привлечь внимание машиниста паровоза. Грохочущий поезд несется все ближе и ближе, вот-вот, кажется, налетит на Петра, сомнет его, раздавит, раскромсает сотнями колес. Петр еще сильнее замахал руками, а сам смело идет вперед навстречу быстро приближающемуся поезду. Ближе и ближе, но... натренированное ухо уже слышит, что поезд тормозит, что стрекот колес дает все более и более медленный темп... его увидели... поезд заскрежетал колесами на тормозах и остановился на расстоянии нескольких метров от Петра.

Кровь хлынула ему в лицо от восторга... Он кинулся впе-

ред к паровозу, запинаясь за шпалы, щебень... скорее бы добежать, увидеть людей и почувствовать себя в безопасности. Навстречу бегут какие-то люди. Это была русская бригада товарного поезда... машинист, кочегар, два кондуктора... несколько вооруженных китайцев — охрана поезда. В ослепительном свете прожектора ему показалось, что несется какое-то белое видение в развевающемся платье. И вдруг он услышал голос Капочки:

— Это же Петр!.. Петя... Петенька... мой Петька... — захлебываясь, полуплача, полусмеясь, кричала Капочка, подбегая к Петру. — Жив мой Петька!.. — и она кинулась ему в объятия.

Петр быстро рассказал им все события, происшедшие на станции. Они уже знали, что станция опять в руках "пикачей"... не теряя времени, вскочили в кондукторскую теплушку... поезд тронул с места, развил скорость и помчался к станции, которую Петр покинул несколько часов тому назад. То расстояние, которое Петр прошел в два часа, поезд покрыл в несколько минут. С грохотом поезд промчался по станционным путям закрытой станции... по путям той станции, где Петру пришлось пережить так много...

Он осторожно выглянул из теплушки, точно боясь, что партизаны узнают его... посмотрел на затемненную станцию, мрачно глядевшую на поезд черными впадинами больших окон... На перроне — ни души... Точно все люди вымерли. Через несколько секунд станция и все ужасы остались позади, все дальше и дальше в прошлое, а впереди — такой близкий и родной Харбин... родной дом!

Сан-Франциско

Январь 1945 г.

ДВЕ ПОДРУГИ

1

Был поздний полуденный час, когда Восточный почтовый поезд медленно подошел к перрону крупного железнодорожного и промышленного центра Маньчжурии, расположенного на скрещении железной дороги и величественной, многоводной реки Сунгари. Из вагонов высыпали толпы людей, которые стали неторопливо вливаться в залы ожиданий вокзала. Усталые, но оживленные городские жители стали медленно расходиться в разных направлениях. Большинство пассажиров вернулось с ближайших железнодорожных станций, где жители Харбина обычно проводили свои два дня отдыха. Эти поездки из Харбина на маленькие станции на восток или на запад стали своего рода традицией, особенно в знойные летние маньчжурские дни, когда Харбин просто изнывал от раскаленного воздуха, к которому еще примешивались запахи и удушающие миазмы растопленного асфальта и отработанного бензина.

Нет ничего удивительного, что в жаркие июльские дни жители нескончаемыми потоками выливались из Харбина и направлялись или в прохладные гористые местности на восточной линии Китайской Восточной железной дороги, или на курорты, раскинувшиеся по станциям западной линии, на отрогах и кручах Большого Хинганского хребта.

Два дня, проведенные в прохладе лесных массивов еще мало тронутой "цивилизацией" Северной Маньчжурии, на берегу журчащего горного ручья, изобиловавшего форелью, или в дачном домике, стыдливо спрятавшемся в густом парке, обрамленном горной речушкой — были настоящим магическим бальзамом, возвращавшим силы и энергию усталым городским телам. А вдали — мягкие очертания гор, покрытых хвойной тайгой, часто могучим кедровником, под которым, ниже, у подножия гор разрослись настоящие джунгли, заросли смешанного леса — дуба, вяза, ясеня, клена, цветущей липы, привлекавшей рои пчел, и все это переплетено зарослями дикого маньчжурского винограда. Невдалеке горделиво выделяется особняком стоящая роща белоствольных берез.

Поздоровевшие, надышавшиеся горным озоном горожане без боязни возвращаются в город на какие-то пять дней, чтобы потом опять в конце недели исчезнуть на тихих, маленьких станциях.

2

Большинство пассажиров, сошедших с Восточного курьерского, были русские, среди которых только там и здесь можно было видеть отдельные фигуры китайцев. Почти все были служащими Китайской Восточной железной дороги, громадного коммерческого предприятия, пересекающего всю огромную территорию Маньчжурии с запада на восток с веткой на юг от Харбина до Чаньчуня, где южный отрезок дороги соединялся с другой линией — Южно-Маньчжурской железной дорогой, принадлежавшей Японии. Эта дорога пересекала южные районы Маньчжурии, так памятные русским по местам боев в Русско-Японскую войну: Мукден, Телин, Ляоян, и много-много других. Дорога идет на юг до морского порта Дайрена (до Русско-Японской войны бывшего русским Дальним) и крепости Порт-Артур.

Смесь Востока и Запада... Русские и китайцы... Здесь же и несколько иностранцев: темпераментные, жестикулирующие французы, темноволосые, еще более жестикулирующие итальянцы, хладнокровные, невозмутимые англичане и шумные, громогласные американцы.

Среди этой массы людей, потоком вливающейся в здание вокзала, невольно обратили на себя внимание две молодые девушки, только что вышедшие из вагона; на вид им лет по восемнадцати. Мало ли хорошеньких девушек приехало на поезде! Харбин — город молодежи, детей первых пионеров этого нетронутого края, строителей железной дороги — и хорошеньких девушек там пруд пруди! Но эти две девушки, с небольшими чемоданчиками одного и того же небесно-голубого цвета, одной и той же марки, как-то невольно привлекали внимание.

Десятки и сотни голов поворачивали в сторону, чтобы еще раз взглянуть на девушек, главным образом потому, что сзади они казались близнецами. Но присмотревшись ближе, можно было сразу увидеть разницу. Одна была светлая блондинка, с длинными вьющимися локонами белокурых волос, свешивающимися на ее плечи и ритмично колебавшимися в унисон ее походки, тогда как другая была с такими же длинными, но темными, даже черными волосами. Если б не разница в цвете волос, девушки могли бы сойти за близнецов, особенно сзади на расстоянии.

Стоило присмотреться ближе и сразу же можно было увидеть разницу. Ира — блондинка, с европейскими чертами лица, русская; тогда как ее темноволосая компаньонка име-

ла типично восточные глаза с узким разрезом. Она была китаянка. Контраст был такой, что люди невольно оглядывались и потом долго следили за обеими девушками, пока они совершенно не скрылись из виду.

Обе девушки прекрасно знали, что они обращали на себя внимание, и не потому, что обе были хорошенькими (Харбин славился красотой девушек), но потому, что они были таким ярким контрастом одна от другой. И в то же время обе были одинакого роста, имели одинаковые, прелестные фигуры и носили одинаковые платья. Они знали, что люди обращают на них внимание, привыкли к этому вниманию и принимали его, как нечто должное.

Другой особенностью, на которую люди часто обращали внимание, было то, что Мария, китаянка, всегда разговаривала с Ирой по-русски, на чистейшем русском языке, без всякого акцента. Это было совершенно необыкновенно, потому что очень мало китайцев в Харбине говорили хорошо по-русски, хотя все они, даже "кули", понимали язык, но говорили на невозможно ломаном русском языке.

Нужно сказать, что ничего странного в том, что Мария прекрасно говорила по-русски не было. Она училась в той же самой гимназии, где училась ее подруга Ира. Гимназия была известная, носила название Женской гимназии Оксаковской, по имени ее директриссы и владелицы, нечто вроде харбинского Смольного института. Все остальные гимнизистки были русские.

Дети китайцев учились в своих китайских школах и только по окончании своих средних школ, если они хотели продолжать свое высшее образование, то поступали в русские высшие учебные заведения, главным образом в Политехнический институт или на Юридический факультет.

Ира и Мария, окончив гимназию, поступили на службу в управление железной дороги, которая давала им приличный заработок, позволявший обеим девушкам жить вполне независимо. И нужно еще добавить, что обе подруги были из очень состоятельных семей. Мария была племянницей одного из богатейших китайцев в городе. Ее дядя был крупным подрядчиком, имевшим большие дела с железной дорогой. Он считался миллионером. Отец же Иры был одним из служащих железной дороги, занимавшим очень ответственный пост. Так что заработки обеих девушек были в сущности для их карманных расходов. Все остальное оплачивалось их родителя-

ми. Они не стеснялись в покупке элегантных нарядов или шляп и, конечно, самой модной обуви.

Жизнь для них была лишена забот. Популярные среди международной молодежи Харбина, они часто "выходили в свет", на танцы, балы, вечера, в оперу и оперетту, в цирк и особенно часто на ставшие модными в Харбине так называемые "пятичасовые чаи" на английский манер. Эти "ти-данс" обычно устраивались в фешенебельном Железнодорожном собрании, где обычно собирался "свет" Харбина. Приглушенная мелодичная музыка, полусвет и только что начавшие входить в моду фокстрот и американский вальс, привлекали на "ти-данс" молодых светских львов и львиц.

Железнодорожное собрание было культурным центром той массы русского населения Харбина, которая как-то была связана с деятельностью главного коммерческого предприятия края — Китайской Восточной железной дороги. Другим центром культурной деятельности города в его коммерческом районе — было Коммерческое собрание.

Железнодорожное собрание вероятно привлекало больше публики не только потому, что оно посещалось административной железнодорожной знатью, но и своей программой — оперным сезоном в зимнее время и симфонией — летом. Администрация железной дороги не скупилась на расходы. На каждый оперный сезон выписывались из России лучшие оперные силы. Пели там и Мозжухин, и Липковская, а позже, в советские времена, выступали и известные артисты из Советского Союза — такие, как Лемешев и другие светила Большого театра в Москве.

3

Последние два года постоянным компаньоном очаровательной белокурой Иры был Олег, рослый, интересный молодой человек. Увлечение у них как будто было обоюдным, и действительно приятно было видеть их всегда вместе и особенно часто на "ти-данс" в Железнодорожном собрании. Казалось, что вот-вот объявят они о своей помолвке.

Но оказалось, что Олег вдруг захотел уехать из Харбина, уехать далеко в чужие края, чтобы там начать новую жизнь, постараться выбиться в люди. Он чувствовал, что в Харбине для молодежи будущего не было. Китайцы постепенно заби-

рали все в свои руки, и пришло время для харбинцев делать выбор — или принимать советское гражданство и уезжать "на родину", которой они совершенно не знали, или ехать заграницу. Другого выхода не было. Жизнь в Харбине для русских, не могших принять нового порядка в России, заходила в тупик. Олег был одним из тех, кто никак не мог сочувственно относиться к переменам, происшедшим в России — и отсюда решение: надо уезжать, пока молод, пока есть силы и возможности устраиваться где-то на новом месте. Многие, особенно студенческая молодежь, уехали в Америку, за океан, в надежде закончить там высшее образование. Некоторых приманила молодая, полная возможностей и не такая далекая Австралия. Те, у кого были состоятельные родители, уехали учиться в Европу — в Англию, Бельгию, Францию, Германию и Чехословакию. Газеты пестрели именами молодых харбинцев, преуспевших в Сорбонне, Кэмбридже, Оксфорде или в Пражском университете.

Выбор Олега остановился на Австралии. Вначале это его решение как громом поразило Иру. Она не представляла себе разлуки с ним, но потом, когда Олег объяснил ей свои планы, она с ним согласилась.

— Ты же понимаешь, Ирочка, что будущего в Харбине нет. Чем дальше ждать, тем будет труднее. Мы живем беззаботно, ходим, танцуем, а что же дальше? Даже теперь никуда устроиться нельзя, а что будет дальше? Мой выбор остановился на Австралии. Страна молодая, население небольшое, нуждается в каждой паре крепких, молодых рук. Я уверен, я себя знаю, что я там пробьюсь, смогу обеспечить себя, выпишу тебя и заживем на новом месте дружно, счастливо!

Ира только молча прижалась к нему, а потом тихо прошептала:

— Делай то, что ты считаешь лучшим. Я в тебя верю и знаю, что ты пробьешься... и верь мне — буду ждать, буду с нетерпением ждать твоего вызова.

Олег уехал... Ира сильно скучала без него... с нетерпением ждала от него писем из чужой, новой страны. Она уже представляла себе, как скоро, очень скоро она перенесется в Австралию, где ее встретит Олег... Она представляла себе его атлетическую фигуру; как он, одетый в безукоризненный английский костюм, встретит ее на пристани в Сиднее... Он, конечно, будет с трубкой. Все английские джентльмены курят трубку... Представляла себя в громадном Сиднее... какое это будет наслаждение ходить по улицам города, обрамленном гигантскими, многоэтажными зданиями, смотреть не насмотреться на громадные витрины роскошных магазинов,

на туалеты — невиданные в далеком, провинциальном Харбине!

А пока что друг Олега — Владимир, по просьбе приятеля, заменил его, чтобы Ира не чувствовала себя слишком одинокой. И опять закрутились Ира с Марией в круговороте зимних развлечений: "ти-данс", катанье на коньках, а иногда и катанье с катушек на берегу замерзшей реки Сунгари, прямо на широкий простор реки, посещение балов и вечеров.

Мария с ранних лет выросла в кругу русских, главным образом в среде семьи Иры. Училась в русской школе, успешно окончила гимназию Оксаковской и чувствовала себя культурно связанной с русскими. Вращалась она только среди русской студенческой молодежи и глубоко впитала в себя их дух, развлечения и традиции. "Гаудеамус игитур" стал для нее почти национальным гимном.

Последнее время у Марии появился постоянный компаньон во всех ее выходах "в свет". Борис, или Боря, как его звали друзья, был полной противоположностью Олегу, другу Иры. Очевидно контрасты были той притягательной силой, которая привлекала темноволосого, статного, довольно привлекательного Олега к веселой, красивой белокурой Ире. И эта же сила, как видно, привлекала друг к другу черноволосую Марию, восточную красавицу, со слегка раскосыми черными глазами и Борю — полную противоположность ей. Высокий, худощавый блондин с волнистыми светлыми волосами, он невольно обращал на себя внимание, особенно, когда бывал в компании с Марией, а последнее время он бывал с ней почти каждый день! Длинные волосы Бориса часто кольцами завивались над его лбом и иногда свешивались почти над глазами. Эти локоны были завистью многих девушек, мечтавших иметь такую натуральную завивку.

Марии очень нравился Борис, особенно еще и потому, что он не пропускал дня, чтобы не встретиться с ней, а кроме того, он был студент-востоковед. Студенты были в моде в Харбине, особенно те, которые так ловко носили студенческую тужурку, да еще с золотыми или серебряными наплечниками. Формы всегда привлекали девушек, особенно военные, а так как военных форм в Харбине в это время не было, кроме китайских, то их место заняли студенческие формы. Самыми эффектными были формы политехников и ориенталистов, и несколько попроще — у юристов и экономистов.

Вначале Борис заинтересовался Марией, может быть, из-за ее экзотической красоты. Ему нравились то внимание и интерес, которые они вызывали, когда бывали вместе — на вече-

рах ли, или просто прогуливаясь под вечер по Большому проспекту от собора до универсального магазина "Чурин и Ко.", что было популярным времяпрепровождением харбинской молодежи. Будучи постоянно в обществе Марии, молодой привлекательной китайской девушки, Борис, конечно, вызывал толки, разговоры и пересуды. В Харбине русские жили как-то обособленно от китайцев. Общих интересов у обеих групп было мало.

И нужно сознаться, что Борису даже в голову и мысли не приходило, чтобы иметь какие-то серьезные намерения в отношении Марии, главным образом потому, что в истории пребывания русских в Маньчжурии, вероятно, не было ни одного случая смешанных браков.

Борису нравилось то, что люди на них обращали внимание, шептались, о них говорили — он был центром внимания — и это ему импонировало. И постепенно, сам того не замечая, он стал все более и более привязываться к ней. Он заметил, что за красивой внешней оболочкой в Марии таилась внутренняя духовная красота. Она была не только красива, образована, имела прекрасные манеры, но ее внутренняя особенная красота была еще более притягательной.

Так же незаметно, вначале шутя, Мария тоже привязалась к Борису и стала замечать, что ей его не хватает, если почему-либо он не смог придти к ней. Ей было приятно, что она привлекла к себе красивого молодого человека, популярного среди харбинской молодежи, золотоволосого, высокого, стройного. Приятно было сознавать, что он увлекся ею и предпочел ее Ире.

Чем больше они виделись, чем больше встречались, тем больше Мария привязывалась к Борису. Пришло время, когда она вдруг поняла, что любит его и что если она его теперь потеряет — это будет конец ее счастья, может быть, конец жизни!

То же самое почувствовал и Борис. Он увидел, что он более и более увлекается Марией, понял, что это не простое легкое увлечение, а нечто большее — хотя он и страшился произнести слово — любовь!

В своих думах он часто с насмешкой отгонял мысли о любви... Конечно, Мария ему нравится... да, она красива, чертовски привлекательна; маленький чертенок, очаровательный чертенок — пусть она не похожа на других девушек — но в Марии все было естественно, ничего наигранного, а главное — ее женственность! Все это вызывало у него желание бывать с нею, ходить на вечера, в кино, танцевать, гулять — но

это же не любовь! С другой стороны, не очень ли часто он стал задавать себе этот вопрос, не зная, мог ли он ответить на него. А может быть, он полюбил ее? Может быть, это и есть любовь?

Эти мысли стали смущать Бориса. Он знал, что он сильно привязался к Марии и знал, что отступать теперь было поздно — он не мог уже оказаться от нее. Она стала неотделимой частью его дум, его мечтаний. День и ночь он мысленно видел ее перед собой, представлял себе ее изящную маленькую фигурку, хрупкую, точно фарфоровая статуэтка — видел худенькую девушку с миндалевидными глазами — девушку-мечту! Все это заставляло его задумываться. Как далеко могло зайти его увлечение — не остановиться ли!

Мария почувствовала перемену в Борисе, заметила, что он иногда вдруг задумается — поняла, что его что-то беспокоит. И ее инстинкт подсказал ей то, что Борис хотел скрыть даже от самого себя. Она поняла, что он любит ее; она видела эту любовь во всех даже самых маленьких вещах, и в то же время поняла, что его мучает... видела, что он страдает, не знает как примирить два диаметрально противоположных мира, как соединить их вместе!

Она заметила, что эта нерешимость с его стороны как-будто отделяет их друг от друга — и это стало мучить ее до такой степени, что она иногда чувствовала, что ей лучше было не жить. Тем не менее, Мария ни слова не сказала Борису о своих сомнениях — гордая девушка замкнулась в себе; она предоставила Борису решиться и произнести последнее слово, дала ему возможность самому преодолеть все сомнения и вынести последнее решение.

Дни шли... все продолжалось по-прежнему, как будто без перемен. День за днем Борис переворачивал в своем уме, в своих мыслях свои отношения с Марией и... не находил покоя... решения не было. И с каждым днем Мария все больше и больше приходила к убеждению, что даже если Борис решится, и они соединят свои жизни — придет время в будущем, когда он пожалеет, отвернется от нее и захочет вернуться к своим людям, к людям своей расы.

Эти мысли были невыносимы, но она все чаще и чаще возвращалась к ним. Потерять его она не могла... отказаться от него теперь казалось невозможным... и вдруг ей в голову пришла мысль... Как это она не подумала об этом раньше! Нужно просто незаметно уйти из жизни — и таким образом все нити будут порваны, "лицо будет сохранено у обоих", она перережет невыносимый узел, разрубит его одним ударом и

этим разрешит две проблемы — избавит Бориса от необходимости выносить решение, которое его мучает, а также — избавит ее от необходимости жить, влачить существование без Бориса!

Чем больше Мария думала о своем решении, тем более она убеждалась, что этот выход из положения был наиболее правильным. День за днем ее мысли все больше и больше концентрировались на этой навязчивой идее. Она теперь ясно видела, представляла себе, что другого выхода у нее не было — ее жизненный путь вел ее к одной цели, и этой целью, с тех пор, как она почувствовала, что Борис стал постепенно отдаляться от нее, было самоуничтожение. Другого выхода не было, по крайней мере ничего другого она себе теперь не представляла. Медленно, терпеливо и совершенно спокойно, каждый день, она мысленно обсуждала "за" и "против" своего решения и, наконец, пришла к окончательному решению.

4

В этот поздний вечер она сидела в кресле в своей уютной комнате и в упор, не мигая, смотрела в угол комнаты, смотрела, в сущности, ничего не видя, потому что в этот час она смотрела, заглядывала себе глубоко в душу немигающими глазами.

Было уже поздно, и дом совершенно затих. Как видно, все разошлись по своим комнатам. Мария уже несколько месяцев жила в доме своей подруги Иры, снимала комнату. Она хотела совершенно окунуться в русскую культурную обстановку, жить в русской семье, говорить и думать только по-русски... Семья Иры была небольшая, очень дружная... У Иры было еще две сестры и брат. Все они очень полюбили Марию и считали ее полноправным членом семьи. Она принимала участие во всех их вечеринках, особенно зимой — когда молодежь собиралась вокруг рояля, пела песни, устраивала концерты. А потом всей ватагой отправлялись на каток, носиться в стремительном беге по льду... Летом же, днем, катанье на лодке по широким просторам могучей реки Сунгари, а вечером — на концерты в Летний сад Железнодорожного Собрания. Жизнь баловала золотую харбинскую молодежь. Больших забот у них не было, кроме забот по подготовке к сдаче зачетов в институтах.

Мария думала, что живя в русском доме, в русской семье, и будучи в постоянном контакте с русскими, каждый час,

каждую минуту, она станет русской в полном смысле этого слова, и единственное, что может выдать в ней китаянку, это миндалевидный разрез черных глаз и небольшой оттенок ее нежной кожи — не темный и не желтый, а слегка смуглая кожа, придававшая ей какое-то особенное, экзотическое очарование. И мало ли было русских на Дальнем Востоке, особенно в Забайкалье и в Амурской области, людей смешанной крови, русской и азиатской. Цвет кожи и разрез глаз никогда не были непреодолимым препятствием среди русских. И нужно сказать, что русские вообще никогда не страдали расовой нетерпимостью. Поэтому — это непонятное колебание у Бориса казалось более чем странным!

Мария наконец очнулась от своего оцепенения, медленно посмотрела по сторонам, точно только что вернулась из путешествия в далекое космическое пространство... вытянула ноги... потом одним быстрым движением сбросила туфли, бросилась на кровать и свернулась калачиком.

Она не хотела ни о чем думать, устала от дум. Все, что она теперь хотела, это набраться сил, иметь смелость сделать последний шаг и... удалить себя с земной сцены. Может быть, в этом своем последнем решении она была настоящая китаянка, фаталистическая азиатка. Так как весь ход ее мышления привел ее к одному выходу из создавшегося положения, единственным убежищем от мучительных мыслей, ей казалось, была смерть, то она просто утвердилась в этом решении и единственно о чем она теперь думала, могла думать, было — как привести это решение в исполнение! Она теперь была совершенно спокойна... В своих думах она была уже не жилец на этом свете... Она, в сущности, уже перешагнула эту страшную черту, отделявшую сознание от небытия... оставалась только небольшая подробность, простая формальность.

Мария повернулась на кровати, легла на спину, вытянулась и потом посмотрела на небольшую икону, висевшую в углу комнаты. На иконе было изображение Святой Марии, святой ее покровительницы.

Мария долго, упорно смотрела в темное лицо Святой Марии, точно стараясь найти в ней силу и, может быть, оправдание для своего страшного поступка.

— Я знаю... — прошептала она, — то, что я хочу сделать — против правил моей христианской религии, против всего того, чему меня учила моя святая, русская, православная церковь... Отказываться от своей жизни — против всех учений христианства...

Она устало закрыла глаза и вспомнила добрые, ласковые глаза своего крестного восприемника Митрополита Мефодия. Мефодий, Митрополит Харбинский и Маньчжурский, крестил ее и принял в лоно христианской православной церкви, когда она поняла, что хочет быть русской и православной. Это было два года тому назад. Мария ясно представила себе добрые, понимающие и немного грустные глаза своего высокопоставленного крестного. Многое он перенес, много перестрадал в кровавой сумятице русской революции и гражданской войны, пока не добрался до Харбина из далекого Оренбурга, где когда-то, до революции, был архиепископом Оренбургским и Тургайским.

— Он будет очень разочарован во мне, разочарован в своей духовной дочери, в том, что я оказалась недостойной христианкой, но... я ничем помочь не могу!.. Другого выхода не вижу... сил у меня больше нет... я больше жить не хочу, не могу... Прости меня, Владыко!..

Мария опять посмотрела на икону.

— Прости и Ты меня, Святая Мария, моя небесная покровительница!..

Она перестала шептать и молча лежала на спине, ни о чем больше не думая... лежала и смотрела куда-то вдаль... в пространство, далеко за стены комнаты и дома... не видя ничего.

Потом, вдруг решившись, она приподнялась, быстро выдвинула ящик ночного столика, вынула небольшой флакон, в котором находились сильнодействующие снотворные пилюли.

Методически высыпала несколько пилюль себе на ладонь... посмотрела... добавила еще для верности... быстро растворила их в стакане с водой и, не останавливаясь, залпом выпила содержимое стакана. Потом облегченно повернулась, легла опять на спину на кровати. Ей вдруг стало легко...

5

Ира услышала какие-то странные звуки из соседней комнаты, в которой жила ее подруга... Хриплое дыхание Марии ее забеспокоило и она, накинув халат, быстро прошла в ее комнату... Открыв двери, она сразу же увидела, что с Марией было что-то неладное. Подбежав к кровати, Ира стала трясти Марию, пытаясь ее разбудить... Мария что-то пробурчала в полубреду и опять забылась тяжелым, непробудным сном.

Взглянув на ночной столик, Ира сразу же увидела полупустой флакон со снотворными пилюлями. Она бросилась к отцу:

— Папочка, я думаю, что Мария отравилась снотворными пилюлями...

Отец сразу увидел по лицу дочери, что она не шутила...

— Вызывай доктора, скорую помощь, немедленно!

Ира не теряла времени... вызвала больницу, из которой сразу же отправили машину скорой помощи. Семейный доктор, живший недалеко, в нескольких кварталах, на Большом проспекте, тоже торопливо ответил, что будет через несколько минут. После этого Ира позвонила Борису:

— Приезжай немедленно, Борис, не мешкай. Что-то серьезное случилось с Марией... Я думаю, что она приняла яд...

Борис даже не ответил ей... Она слышала только, как он уронил трубку...

Только благодаря расторопности Иры, жизнь Марии была спасена. Борис примчался в их дом почти одновременно с машиной скорой помощи. Он не дал санитарам нести Марию... сам поднял ее маленькое, почти безжизненное тело и понес на руках в машину... Поехал в машине вместе с ней и оставался в больнице несколько часов, почти всю ночь, пока доктор, накоцец, не отправил его домой, сказав, что опасность миновала.

Этот страшный шаг Марии настолько подействовал на Бориса, что с того дня он не оставлял ее одну, проводил с ней все свое свободное время. Часто журил ее за то, что она решилась на такой шаг, но Мария, теперь совершенно оправившаяся, только отшучивалась — никакой мысли о самоубийстве у нее не было — просто по ошибке приняла больше пилюль, чем полагалось. Откровенно говоря, никто ей не верил.

— Почему... почему ты это сделала? — не раз спрашивал ее Борис, стараясь добиться причины, но Мария только загадочно улыбалась, смотрела в сторону от его вопросительных, испытующих глаз, и ничего не говорила.

Проходили дни, недели... Зима сменилась весной с ее зарождающейся жизнью, с теплыми проталинами на снегу, с веселыми журчащими ручейками, с такой же веселой пушистой вербой и ожившими от зимнего сна хлопотливыми, трудолюбивыми пчелами. За весной, после шумных пасхальных праздников и Красной Горки, наступило жаркое, душное лето. Жизнь шла своим нормальным чередом, все, казалось, вошло в свою обычную колею.

Мария и Борис по-прежнему выходили вместе, может

быть, теперь даже больше времени проводили вместе, чем раньше. Но... Мария стала другой; может быть, не совсем иной, может быть, эта перемена не была заметна посторонним, но Борис эту перемену замечал. Она стала много спокойнее, тише. Реже раздавался ее высокий, веселый смех. Часто она сидела в глубоком, комфортабельном кресле, просто сидела, ничего не делая, и смотрела в пустоту, в пространство, не обращая внимания на мир, ее окружающий, на жизнь, на людей.

Нет никакого сомнения в том, что ее попытка покончить с собой оставила на ней большой след. Дыхание смерти, небытия, коснувшееся ее в тот памятний вечер, сильно изменило ее характер. Она стала серьезнее, чаще стала уединяться, оставаться наедине со своими мыслями. Не слышно стало взрывов ее веселого смеха... Прекратились бесшабашные эскапады, реже стала она ходить на танцы и даже меньше стала слушать музыку — ее прежнее увлечение.

Правда, она все еще выходила с Борисом, но теперь реже танцевала с ним. Эти танцы были не те, что раньше, в прежние дни... Она теперь танцевала как автомат... Ее лицо в это время ничего не выражало, было холодной маской. Казалось, что она все время к чему-то прислушивалась, думала о чем-то.

Борис перестал ее спрашивать. Решил выжидать и посмореть потом, чем все ее думы закончатся... решил, что время возьмет свое и сотрет из памяти события того памятного вечера.

6

Ира, со времени отъезда Олега в Австралию, особенно не скучала и не горевала. Она не принадлежала к категории людей-нытиков. Может быть, она была слишком здорова. Здоровье, молодость, красота просто кипели в ней и она совсем не скучала без Олега. По-своему она любила его, мечтала о том времени, когда он, наконец, устроится и пошлет за ней, а пока... она развлекалась и почти все время проводила с приятелем и заместителем Олега — Владимиром.

И случилось то, чего и следовало ожидать. Молодая, красивая Ира, как мотылек, порхала по вечерам и танцам, принимая внимание Владимира как что-то обычное, как заместителя Олега — не совсем-то обращая внимание на его чувства, вернее, мало замечая его, хотя она и проводила с ним почти

все свое свободное время. Он стал необходимой принадлежностью ее свободного времени.

Владимир чувствовал, что он больше и больше увлекается ею, страдал от этого, страшно презирал себя за то, что этим своим все больше растущим чувством к Ире он изменял своему другу... чувствовал себя нечестным. Он был полной противоположностью красавцу Олегу, знал, что он некрасив, ничем не привлекателен, но тем не менее чувствовал, что более и более погружается в несчастное и в то же время блаженное состояние увлечения золотоволосой богиней.

Часто вечерами, сняв роговые очки со своих близоруких глаз, он долго тер глаза, тер виски — стараясь отбросить наваждение, мысли об Ире, старался забыть ее, но все было безрезультатно. Он безнадежно тонул!

Наступила золотая маньчжурская осень. В лесах и на горах Маньчжурии вспыхнули, загорелись деревья всеми цветами радуги. Осень, бездождливая маньчжурская осень — была самым лучшим временем года. Золотыми красками горели отроги гор. В густых зарослях и чаще лесов, запутавшихся во вьющихся лозах дикого винограда весело щебетали, перекликаясь, птицы, довольные обильным дессертом — сочным, спелым виноградом.

И в эти дни получила Ира долгожданное письмо из далекой Австралии, от Олега — письмо полное неподдельного энтузиазма. Олег не боялся работы и мог долго и упорно работать, если ему нужно было добиться чего-либо. И в то время, как Ира развлекалась с Владимиром, ходила по танцулькам, Олег поступил рабочим на плантацию, где выращивали сахарный тростник, в полутропической северной части Австралии, где-то на север от Брисбена. Работа под палящим северным, тропическим солнцем была адская... работал он как самый последний кули... главным образом потому, что были предложены хорошие условия. Здесь он мог заработать больше и быстрее, чем где-нибудь на юге, в прохладном Сиднее или Мельбурне.

Олег торопился скопить деньги, чтобы скорее выписать Иру. И, наконец, наступил счастливый, долгожданный день, когда на небольшую, скопленную тяжелым, адским трудом сумму денег, он смог приобрести небольшую ферму, стать владельцем фермы. Правда, ферма полностью ему еще не принадлежала, он внес только задаток, и теперь ему нужно было ежемесячно вносить определенную сумму, пока не будет выплачен весь долг, но Олег был на седьмом небе от счастья. Теперь он присоединился к зажиточным австралий-

цам, стал фермером, владельцем собственной фермы.

В день покупки фермы он сразу же написал письмо Ире, стараясь поделиться с ней своей радостью. Наконец-то он сможет выписать Иру, которая отныне разделит с ним радости и невзгоды фермерской жизни в Австралии.

И можно себе представить его разочарование, когда Олег получил ответное холодное письмо от Иры. Это был настоящий удар грома с ясного неба, удар непонятный и незаслуженный. Не этого хотела Ира, не жизни на ферме среди коров и свиней, а веселой, беззаботной жизни в блестящем, богатом австралийском городе. Ира прямо писала Олегу, что она не имела никакого намерения селиться на ферме, где он, может быть, ожидал, что она будет коров доить, как какая-то простая доярка. Может быть, он думал, что она с такой тщательностью следила за своими руками, холила их, любовалась ими — для того, чтобы поселиться на ферме!

— Ты лучше принажми, постарайся заработать больше денег и перебирайся в большой столичный город, начни там какое-нибудь дело — если хочешь, чтобы я к тебе приехала, — заключила она свое письмо. — Мое место, моя жизнь в городе, и на ферме я жить не собираюсь!..

Это письмо открыло глаза Олегу на отношения между ним и Ирой. Как бы сильно он не любил ее, он теперь совершенно ясно видал, что она больше всего в жизни искала комфорта, и что любви к нему у нее не было. Если она его любила, как она когда-то ему говорила, тогда почему она не хочет приехать к нему и разделить его труды, заботы, тяжелую работу — всю борьбу за существование ради одной цели... быть вместе и жить вместе!

После получения письма от Иры, переписка между Олегом и Ирой продолжалась, но тон писем становился все холоднее и холоднее. Может быть, Ира была слишком уверена в себе. Может быть, она думала, что ее власть над ним неотразима. И может быть, всему этому виной было то внимание и то восхищение, которое она вызывала одним только своим присутствием в кругу молодежи. Многие завидовали тому, что она избрала Олега, а теперь уделяла так много времени Владимиру. Никто даже не думал, что она могла увлекаться Владимиром, просто завидовали тому, что она разрешала ему служить себе!

Ира продолжала свою невинную игру с Владимиром, мало думая о том письме, которое она написала Олегу, и которое вдруг открыло ему глаза на их отношения. Последнее

время слишком занятая своими ежедневными развлечениями, она даже стала не особенно аккуратно отвечать на письма Олега. Что касается "того" письма, то она просто считала, что письмо должно было дать ему понять, чего она ожидает от него, и чтобы он принял меры к тому, чтобы поставить свою жизнь на новые рельсы, делать то, что она требовала от него. Этим внушением Олегу она считала инцидент законченным и перестала о нем думать. Ира была вполне уверена, что в скором времени Олег напишет ей о том, что он перебрался в город, преуспевает там и ждет ее прибытия.

7

Удар по самолюбию поразил ее в один из зимних дней, вскоре после Рождественских праздников. Был холодный, отвратительный маньчжурский зимний день. Снег нанесло сугробами у заборов и деревьев. Деревья трещали от суровых морозов. Градусник каждое утро показывал все более и более понижающуюся температуру — двадцать... тридцать градусов ниже нуля по Цельсию... сорок. Воздух застыл, остановился и, казалось, повис недвижимый. И в такой морозный день пришло письмо из Австралии, от Олега.

— Я уверен, что это письмо тебя не удивит, Ирочка, — писал он. — Ты сама знаешь, что последнее время пропасть между нами становилась все шире и шире. Мы смотрим на будущее по-разному, через различные призмы. Мое будущее лежит здесь, на этой ферме, моей собственности, которую я заработал, заслужил трудом, потом и мозолями на моих руках. Мое будущее здесь, тогда как твое — где-то в другом месте. Ты моих желаний и стремлений не понимаешь и не видишь. Все, что ты хочешь, это продолжать жизнь своим собственным путем и вести меня на ремешке. Очевидно, наши пути разошлись... Последние шесть месяцев я регулярно встречался с молодой, очаровательной девушкой, австралийкой, родители которой ведут такой же образ жизни, как и я — они владельцы большой, богатой фермы... недалеко от моей. Мы — соседи! У нас много общего, мы говорим на языке, понятном нам обоим. Наши интересы те же самые... Мы любим жизнь на ферме и... ну, да что говорить... короче говоря... я на ней женился недавно... Надеюсь, что эта новость тебя не поразит... мы же шли разными дорогами последнее время. А если ты посмотрешь поглубже в себя, в свою душу, в свое внутреннее "я", ты увидишь, что у тебя не было любви ко

мне. В сущности, тебя мои интересы совершенно не интересовали. То, к чему я стремился, мое будущее, как я понимаю его, моя борьба за место под солнцем на нашей планете — для тебя были пустым звуком. Ну... и я нашел человека, девушку, которая всем этим интересуется и думает так же, как и я!...

Ира остолбенела... Она читала письмо в своей комнате. Мария была у нее. Ира еще раз прочла вслух строки... "я на ней женился..." Прочла, чтобы Мария поняла их, чтобы удостовериться, что она не ошиблась. Она читала и сама не верила письму. Не могла понять — правда ли это? Сердце ее вдруг как будто остановилось, сжалось в комок. Неужели это возможно?! Неужели она была отброшена прочь, грубо, незаслуженно!

Она в это время не думала о потерянной любви, о потерянном суженом, женихе, которого, как предполагалось, она любила. Все, что она сейчас, в этот момент чувствовала, это — жестокий, страшный удар по ее самолюбию. Богиня, Елена Прекрасная, которая с такой легкостью топтала мужские сердца, насмешливо издевалась над их неуклюжими попытками привлечь ее внимание, она получила отказ!

Слезы отчаяния и беспомощной ярости от поступка Олега неудержимо полились из ее глаз, закапали на письмо... Она уронила письмо на пол. Ира стояла над письмом недвижно, крепко скрестив руки у своего сердца. Волна за волной накатывались на нее и уходили прочь... волны негодования, ярости, и жалости к себе, к своему ущемленному самолюбию. Подумать только, что эта судьба не миновала и ее!

Ира вдруг очнулась... быстро подошла к ночному столику, на котором стояла фотография улыбающегося Олега. Ира схватила портрет, стоявший в красивой, изящной рамке и с яростью швырнула его на пол.

Вечером, когда Мария встретилась с Борисом, она описала ему сцену, происшедшую в комнате Иры. Им было страшно жаль ее, жаль ее раненного самолюбия, но в душе оба понимали, что ни Ира, ни Олег — не были парой. Они не были созданы для жизни вместе.

8

Мария с Борисом долго, до позднего часа, гуляли по заснеженным, замерзшим улицам опустевшего города. Они были тепло одеты, и крепкий, трескучий мороз их не беспо-

коил. Устав бродить, они присели на скамью, предварительно сметя с нее снег. Они не замечали времени... просто сидели и разговаривали, в сущности ни о чем, но в то же время о чем-то, что казалось им страшно важным. Вспомнили об Ире.

— То, что случилось с Ирой и Олегом, с нами случиться не может, — сказал Борис, — мы с тобой, Маша, люди другого покроя... не правда ли?

Мария взглянула на него, подняла свои яркие, черные глаза, которые, казалось, горели в эту ночь, отражая синеватый свет яркой луны, бросавшей длинные тени от пушистых деревьев на белоснежный покров, скрывавший темную землю под глубоким покрывалом.

— Мы ничем не связаны, Боря, — тихо, с колебанием сказала Мария, — мы свободные люди, я и ты, мы можем делать и поступать, как нам угодно, — медленно проговорила она, почти полушепотом, сама, видно, не совсем веря своим словам.

Борис притянул ее к себе... посмотрел в упор в ее странные, восточные глаза... глаза с тем особенным миндалевидным разрезом... глаза такие странные, необычные, но такие любимые, дорогие... посмотрел на ее резко очерченный, окарминенный ротик... прижал ее к себе, прижался горячими губами к ее губам, сперва слабо, нерешительно, а потом сильнее, крепче. Мария закрыла глаза, не сопротивлялась его поцелуям...

— Разве мы свободны, Маша? — спросил он ее, — разве мы не принадлежим друг другу, разве мы может жить отдельно, в разлуке?..

Мария ничего не ответила и только поцеловала его, на этот раз сама.

9

Объявление о помолвке Марии с Борисом было большим сюрпризом для Иры. Она никогда не думала, не предполагала, что Борис может серьезно полюбить Марию, даже жениться на ней. Несмотря на свою крепкую дружбу с Марией, ей даже в голову не приходило, чтобы ее молодая китайская подруга могла выйти замуж за русского... Это не было вопросом высшей или низшей расы. Эта мысль никогда не беспокоила ее, но... разница в культуре, в обычаях, во всем — казалась ей непреодолимым препятствием.

Тем не менее, она сердечно поздравила подругу и стала

готовиться к свадьбе. Нужно было заказать красивое, соответствующее событию платье, тем более, что она была приглашена быть главной шаферицей.

Ира больше и больше времени проводила с Владимиром, который был теперь совершенно ослеплен своим божеством. Он боготворил ее и молился ей, боготворил даже землю, которой касались ее ноги. Ира же теперь серьезно обратила на него внимание и решила связать свою жизнь с ним. Владимир был как раз таким человеком, который был ей нужен в ее домашнем хозяйстве... покорный, послушный, боготворящий ее.

Вскоре после Пасхи, когда вешние воды растопили, растворили снежный покров, Мария с Борисом были повенчаны митрополитом Мефодием в ажурном харбинском Свято-Николаевском соборе. Восток встретился с Западом, протянутые руки соединились в вечном союзе, и, как видно, этот союз обещал быть крепким и счастливым. А через несколько недель и Ира с Владимиром тоже повенчались в том же соборе. Богатая свадьба с массой приглашенных, на чем особенно настаивала Ира (она любила пышные торжества), оказалась одним из самых больших событий сезона. Церковный обряд с чудным хором, с массой публики произвел на присутствовавших большое впечатление. Об этой свадьбе долго говорили, обсуждали... считали Владимира счастливцем, которому досталась такая известная красавица.

10

Настало тяжелое время. Маньчжурию заняли японские войска. Советское правительство, которому принадлежала железная дорога на паритетных началах с китайцами, оказалось вынужденным продать свои права на дорогу и начало эвакуацию советских служащих дороги. Сотни и тысячи потянулись на родину, которую они знали только дореволюционную, и смотрели на теперешнюю Россию через радужные, розовые стекла. Ведь многие из них приехали в Маньчжурию в начале столетия, задолго до революции — дети родились и выросли там, в сущности, не зная России.

И тут начался раскол. Происходили невероятные вещи. В то время, как некоторые, мирно, годами прослужившие на железной дороге с советскими паспортами в кармане, без которых не могли служить на дороге, вдруг стали отказываться от паспортов и отказались ехать на родину, предпочтя не-

определенное будущее в Китае без гарантированного заработка, другие эмигранты загорелись и решили ехать на родину. Что казалось совершенно непонятным — эмигранты, никогда и упорно не желавшие быть советскими гражданами и из-за этого перебивавшиеся в обстановке полуголодного существования, вдруг загорелись — захотели ехать "домой". Видно, суматоха сборов, мечты о потерянной родине и ежедневные массовые отъезды больших групп заразили и их.

И эта бацилла вдруг заразила и Иру. Ее семья принадлежала к старой, кондовой "белой" группе русских в Маньчжурии, никогда не примирившейся с переменами в России. Никакого контакта с "красными " железнодорожниками у них не было, и даже для того, чтобы сохранить свою службу на дороге, отец Иры стал китайским гражданином.

Можно себе представить сюрприз, который преподнесла Ира родителям, когда заявила, что она решила поехать в Россию с тысячами других возвращенцев, хотя эмигрантов среди них было мало — какие-то единицы. И мало того, она уже получила советские бумаги. Владимир, конечно, покорно сделал то же самое.

Отъезд Иры с Владимиром был большим ударом для Марии и Бориса. Они потеряли своих старых, лучших друзей и чувствовали, что это была разлука навсегда. Ира с Владимиром добровольно скрылись за железным занавесом. Был 1935-ый год, преддверие страшных лихих лет в России, чисток, "ежовщины", миллионов загубленных жизней. Первыми жертвами этого лихолетья оказались наивные харбинцы, которые сразу же по прибытии оказались под подозрением — не были ли среди них подосланные японские шпионы. Судьба таких групп людей известна.

Ира с Владимиром оказались единичными выжившими счастливчиками. Они почему-то попали в далекий Ростов-на-Дону, где Владимир устроился на службу в одно из научных учреждений. Как-то волна чисток, арестов, неожиданных исчезновений знакомых и друзей их не коснулась.

Нагрянула война. Страшный шквал Второй мировой войны разметал, сорвал с мест миллионы людей; миллионы погибли. Немцы быстро занимали громадные пространства Европейской России. Заняли Ростов и продвигались на Кавказ. Все следы Иры и Владимира были потеряны...

С их отъездом из Харбина, Мария с Борисом тоже, не теряя времени, покинули родное гнездо и, как тысячи других эмигрантов, потянулись на юг. Начался новый исход из Харбина. После массовой эвакуации советских граждан в Рос-

сию, начался такой же массовый исход эмигрантов, не принявших советских посулов и потянувшихся на юг Китая. Марии с Борисом понравился чистенький, приморский, курортный город Циндао, в котором все еще чувствовались остатки былого немецкого влияния. Там они и прожили всю войну. Большинство же харбинцев осело в крупных городах — Тяньцзине и Шанхае.

Война закончилась. Опять эмигрантам в Китае нужно было сниматься с насиженных мест, в который-то раз, и нести свои усталые ноги куда-то в чужие края, спасаться от новой надвигающейся опасности, на этот раз от быстро захлестывавшей Китай китайской красной армии.

Мария с Борисом, с тысячами других, буквально в последний момент были вывезены на американских судах и оказались на Филиппинских островах... прошли всю тяжелую эпопею томительного, нудного сидения на острове Тубабао, в дырявых палатках... ожидая разрешения выбраться куда-нибудь, в любую страну, которая согласилась бы принять их. Им, наконец, повезло, визы в Америку получены, и измученные, усталые Мария и Борис вышли, наконец, на берег Калифорнии. Сан-Франциско дружески принял их, и они быстро освоились в большой русской колонии города.

11

Судьба благоволила и Ире с Владимиром. В страшные годы войны и немецкой оккупации они каким-то образом уцелели. И мало того, немцы, заняв Ростов, вывезли Владимира, как научного работника, с Ирой в Германию, где они и пробыли до развала гитлеровской Германии. Попали в американскую зону, а дальше — их судьба была судьбой тысяч других перемещенных лиц... Как и многие другие они прошли тоже эпопею невозвращенцев. Томительные месяцы и годы в лагерях для перемещенных лиц и, наконец, счастливый день — отъезд в Америку.

Приехав в Нью-Йорк, они там не задержалась и сразу же решили ехать в Сан-Франциско. Там, они знали, было много дальневосточников, может быть, друзей и знакомых. Потянуло к своим.

И случилось невероятное... Там, на берегах Тихого океана, в Жемчужине Америки, у Золотых Ворот сошлись пути, произошла у них неожиданная встреча с Марией и Борисом, казалось, потерянными навсегда. Пути, уведшие их в разных

направлениях — Иру с Владимиром на запад, через Россию, Европу и Атлантический океан, и Марию с Борисом на восток, через Тихий океан — соединили их опять вместе, в Сан-Франциско!

Вашингтон
Апрель 1968 г.

ХУНХУЗЫ

1

Запахло гарью и в воздухе потянуло дымком. К вечеру над городом нависла тяжелая туча дыма. Где-то верстах в семидесяти от Харбина загорелась горная тайга. Весь знойный июль прошел без капли дождя. Скоро начнут идти муссонные дожди, а пока что трава и леса стоят сухие — ждут дождей... Маленькая искра от забытого костра или из трубы паровоза — и запылала тайга. Лесной пожар начался где-то за горой Сахарная Голова, в районе станций Сяолин и Маоэршань, и в течение дня сотни десятин тайги на склонах крутых гор грозно трещали быстро распространявшимся пламенем, остановить которое не было ни людей, ни сил.

Над станцией нависло тяжелое облако дыма, и вскоре весь поселок потонул в удушливом дыму. На следующее утро дымные тучи грозно надвинулись на Харбин. Город притих... люди со страхом смотрели на восток, откуда ветер тянул все более и более густеющие облака дыма. Запах гари чувствовался везде. Весь город заволокло дымом, как туманом.

Когда горит бесконечная, бескрайняя тайга на востоке Маньчжурии, остановить лесной пожар некому. Восточная Маньчжурия вся в густых лесах и горных массивах. Населения там мало. Люди живут в небольших станционных поселках, прижавшихся к тонкой стальной нитке Китайской Восточной железной дороги, а за оградой заднего двора начальника станции или разъезда подымается темная тайга, в которой людей нет — только бродит хозяин тайги — свирепый

маньчжурский тигр, да не менее свирепый соперник его — гигант-кабан.

Во время пожара выгорают огромные пространства тайги. Тайга горит несколько дней, и потом вдруг пожар прекращается сам собой — или от хорошего проливного дождя, или от того, что наступает безветренная погода. На местах пожарищ начинает расти мелкий, смешанный лес — часто березняк. Там и тут в тайге вдруг неожиданно наталкиваешься на большие, веселые, березовые рощи — результат таких пожаров в прошлом.

И именно во время такого лесного пожара Игорю нужно было поехать из Харбина на восточную линию. Он обещал побывать у своей сестры Марии, работавшей младшим врачом железнодорожной больницы на большой деповской станции Ханьдаохэцзы. Нужно было торопиться, потому что через неделю Игорь покидал Харбин и переселялся на юг Китая — сначала он намеревался пожить некоторое время в Тяньцзине, а потом думал обосноваться на более или менее постоянное жительство в гигантском международном портовом городе Шанхае.

Игорь жил в своей семье в харбинском предместье Модягоу — уютном, чистеньком, зеленом пригороде Харбина, имевшем необыкновенный типично-русский колорит небольшого уездного городишки. Этот пригород, да пожалуй, и сам город Харбин казались каким-то русским анахронизмом, точно мановением магической палочки перенесенным из русских степей — прямо в центр широкой северо-маньчжурской равнины в Китае.

Наняв "драндулет", двухколесную коляску, в которую запряжена неприхотливая, маленькая, косматая монгольская лошаденка, Игорь отправился на вокзал. Китаец-возница лениво подергивает вожжами, на которые косматая, нечесанная лошаденка никак не реагирует — разве только в виде протеста махнет хвостом, а впрочем, этот жест был, вероятно, более прозаическим — отогнать надоедливых мух.

Трясет драндулет на булыжной мостовой, переворачивает внутренности, но ни возница, ни Игорь не обращают внимания на эти неудобства. Драндулеты были обычным способом передвижения в Харбине, особенно для людей среднего достатка. Может быть, люди с положением и деньгами пользовались более удобными пролетками извозчиков с хорошими, мягкими рессорами, но извозчики были не всем по карману. Последнее время появились автомашины — небольшие "форды", "фиаты", "ситроены" — но они ходили по определенному

маршруту, из Модягоу в Новый Город и оттуда в торговую часть города, называвшуюся Пристань. Опять-таки, нанимать такое такси специально, чтобы ехать на вокзал — было накладно.

Сильно пахло дымом. Весь город был окутан густой пеленой дыма. С неба угрюмо глядело вниз багровое солнце, часто совершенно исчезавшее за облаками дыма. Картина города была феерическая. На сером, угрюмом фоне нет-нет появлялись багровые отблески солнечных лучей, бессильно старавшихся пробиться сквозь густые облака дыма.

Игорь посмотрел на небо и только покачал головой. Такого лесного пожара он еще не видывал! Драндулет лениво поднялся по Хорватовскому шоссе к городскому "шоколадному" собору, построенному из массивных бревен в оригинальном вологодском стиле. Собор стоял на возвышенном месте той части города, которую называли "Новым Городом". Это была самая новая и самая чистая часть Харбина с ее массивными казенными зданиями, главным образом принадлежащими управлению железной дороги. Все здесь зависело от железной дороги — главного источника существования тысяч русских семей. Здания прочные, солидные, с толстыми кирпичными стенами, защищающими от крепких маньчжурских морозов зимой и дающие прохладу летом, в знойные июльские дни.

Налево и направо от собора вдоль прямого, как стрела, Большого проспекта тянутся бесконечной ниткой аккуратные, чистенькие, кирпичные дома-коттэджи служащих дороги. Каждый служащий имеет свою казенную квартиру или особняк, будь то начальник службы или отдела, или стрелочник, или сторож.

Объехав собор, драндулет выехал на Вокзальный проспект и весело затарахтел вниз по крутому склону проспекта, ведущего к вокзалу. Ленивой лошадке не очень-то нравится бег драндулета и она строптиво тормозит, упирается ногами, чтобы не разбежаться слишком быстро — это было ниже ее достоинства.

Игорь с беспокойством поглядывает на часы... не опоздать бы! Смотрит на возницу:

— Потарапливайся, ходя! Опоздаем на поезд!

Китаец-возница понятливо кивает головой, встряхивает вожжами и опять погружается в полусонное состояние. Подъезжают к подъезду вокзала, и Игорь торопливо бежит к кассе.

По дороге на перрон проходит через зал ожидания перво-

го класса. Там, в углу, как всегда, стоит киот с большим древним образом Святителя Николая Угодника. С детских лет всегда помнит Игорь этот образ, и было бы странным, если б он вдруг исчез. А попытки удалить Чудотворца Николая были. В 1924 году, когда пришла на дорогу, на паритетных началах, советская администрация, после мукденского соглашения, давшего им половинные права, сразу же были сделаны попытки убрать икону с территории вокзала. И здесь произошло нечто необыкновенное — за икону вступились китайцы. Мелкие китайские служащие дороги запротестовали — они привыкли видеть Чудотворца, строго взиравшего на них из киота, и для них Святитель был таким же покровителем, как Он был и для русских, несмотря на разницу в религии.

— Его хорошая старика, — на ломаном русском языке заявили китайцы. — Его нельзя убирать!

В результате, китайская администрация отдала приказ — образ Святителя Николая не убирать! И самое интересное то, что те русские служащие, которые стали советскими подданными для того, чтобы остаться на работе — перестали креститься перед иконой и ставить перед ней свечи, но... зажженных свечей стало больше — их стали ставить простые, малограмотные китайцы — мелкие служащие и крестьяне. Игорь всегда ощущал какое-то теплое чувство, когда он видел бедняка крестьянина-китайца, опускавшего медяк в кружку и благоговейно ставившего зажженную свечу у киота, делая глубокий поклон уважаемому им, чужому Святителю.

2

Красавец — почтовый поезд №4 уже стоял у перрона. Впереди нетерпеливо вздыхал паровоз серии "Г", водивший только пассажирские поезда. Корпус паровоза блестел новой темно-зеленой краской, а обручи его невероятно больших колес, выше человеческого роста, горели яркой красной краской. Видно было, что и деповские служащие, и паровозная бригада любовно держали свое детище в чистоте и порядке.

Оставалось еще несколько минут до отхода поезда, и Игорь решил пройти к паровозу. Его всегда магнетически тянуло к паровозам, и при каждом удобном случае он подходил к ним, прислушивался к их мощному дыханию, смотрел как загипнотизированный на стремительные струйки пара, выдыхаемого мощной грудью локомотива. Казалось бы, быть

Игорю инженером — настолько привлекали его эти мощные машины, но нет — Игорь пошел учиться на восточный факультет, стал ориенталистом. Паровозы привлекали его не как техника или инженера, а скорее, как художника, любующегося не гайками и болтами, не "внутренностями" паровоза, а его элегантными, строгими, обтекаемыми линиями, пульсирующим дыханием, легким дымком и блеском свежей краски.

Игорь остановился и стал любовно смотреть на гигантскую машину. Из окна паровозной будки высунулся машинист, пригляделся и вдруг радостно вскрикнул:

— Игорь, ты ли это?

Игорь посмотрел на него — никак это Павел Силин, друг его школьных лет.

— Павло!.. Вот уж действительно сюрприз!

Павел стремительно соскочил на землю и крепко пожал ему руку.

— Так это ты меня повезешь сегодня? — засмеялся Игорь. — Ну, если б я это знал, так не покупал бы билета. Кто знает, какой ты машинист, — пошутил он.

— Не извольте беспокоиться, ваше благородие, — в тон ему ответил Павел, — даставим по назначению, точно по расписанию... Между прочим, — добавил он, — ты, Игорка, должен гордиться, едешь со мной в мой последний рейс... меня переводят на более ответственную работу, на южную линию — буду водить международные поезда на Чанчунь.

— Поздравляю... ты, видимо, идешь в гору... карьеру делаешь!.. Ну, побегу в свой вагон, уже пора, кажется, трогаться.

Раздалось три удара в станционный колокол, резко разнеслась трель свистка главного кондуктора, на который мелодично ответил свисток паровоза. Поезд мягко тронулся с места и стал быстро набирать скорость.

Игорь сидел в купе третьего класса и смотрел в окно на проносившиеся мимо виды, так знакомые ему по его частым поездкам на дачу семьи, находившуюся на станции Уцзимихэ, в ста верстах на восток от Харбина. Короткая минутная остановка в Старом Харбине, и опять застрекотали колеса вагонов на стыках рельсов. Первая большая станция Ашихэ, на которой можно было выйти из вагона, размяться. Ашихэ — самая неинтересная станция на этом пути... ничем не привлекает. На перроне обычная публика: группы местной русской молодежи, да несколько китайских торговцев, шумно рекла-

мировавших свои знаменитые ашихэйские арбузы, да вареную кукурузу.

Дальше за Ашихэ места начинают меняться; появляются холмы и предгорья восточных горных цепей. Почтовый, номер 4, весело влетает на станционные пути станции Эрцендянцзы, расположенной в гористой долине. Станция за последние годы стала курортным местом. Какой-то предприимчивый харбинский коммерсант обнаружил там "радиоактивный" источник, построил у него прекрасную, комфортабельную гостиницу с курзалом и стал "зашибать деньгу".

На перроне шумно и весело. Толпы народа выходят встречать "почтовый", посмотреть на пассажиров, да и себя показать. Ежедневное прибытие двух почтовых скорых поездов — западного и восточного — большое событие в жизни станционных поселков.

Игорь подошел к паровозу:

— А дым-то здесь погуще, чем в Харбине, — сказал он Павлу, заметив, что станция Эрцендянцзы была в густом дыму, точно наступили уже сумерки.

— Да, мне передали, что пожар между Сяолином и Маоэршанью... горит лес на огромной территории, и там от дыма так темно, что нужно зажигать паровозный прожектор... Было несколько случаев столкновения поездов со всякими зверями, ошалевшими от ужаса... Мы, вероятно, увидим много всякого зверья.

— Слушай, Павел, а что, если я заберусь на площадку, впереди твоего паровоза... там же будет вид, как в ложе театра?..

— А мне что, полезай, — безразлично ответил Павел, — вонючего дыму надышишься.

Игорь не заставил себя долго упрашивать и в момент поднялся на площадку впереди локомотива, где можно было сидеть на ступеньке и держаться за поручни, чтоб не свалиться. Раздался свисток и поезд помчался дальше на восток. Ритмично дышит грудь паровоза, который легко тянет за собой небольшой состав, хотя и начинается небольшой подъем к горной станции Сяолин. Игорь всматривается вперед в темнеющую даль воздуха, в котором чувствовалось все больше и больше дыма. В ушах свистит ветер от стремительного бега поезда... Никаких животных по пути пока не видно, только скалистые горы да густая черно-зеленая тайга. На станцию Сяолин поезд влетел с грохотом и лязгом тормозящих колес и с ярким прожектором на паровозе. Казалось, что приближалась ночь, хотя был еще ранний послеполуденный час.

— Ну, теперь гляди в оба, — крикнул ему Павел, когда поезд трогался со станции. — Сейчас попадем в самую гущу дыма от лесного пожара...

Стало темно, как ночью. Поезд шел в густой пелене дыма. Дым был такой густой, что трудно было дышать, и Игорь, взяв платок, приложил его к носу — стало, как будто, легче.

По сторонам, слева и справа от паровоза стали метаться тени каких-то обезумевших животных, пытающихся бежать прочь от пожара, но разобрать, какие это были животные, было трудно. Вдруг впереди несущегося паровоза через путь перескочил в громадном прыжке грациозный изюбрь. Игорь нагнулся в сторону, посмотрел назад на паровозную будку и показал рукой Павлу. Тот кивнул головой — видел, дескать! Павел опять молча мотнул головой и показал ему рукой в сторону. Игорь взглянул и обомлел — из тайги выбежало стадо диких кабанов, которые, казалось, бежали прямо на поезд. В Маньчжурии обычно говорят "табун"... табун кабанов, табунок уток... Вожак "табуна", старый кабан громадных размеров, вдруг повернул и побежал параллельно ходу поезда. Стадо послушно понеслось за ним. Вскоре все они исчезли в дымном лесу.

В первый раз в жизни привелось Игорю видеть такое большое стадо диких кабанов. Несколько обезумевших грациозных косуль выскочило из дымного леса и одна за другой, прыгая через полотно железнодорожного пути, скрылись в лесу на другой стороне пути.

Только с приближением к станции Маоэршань дым стал рассеиваться и стало светлее. Поезд, грохоча и лязгая тормозами, подошел к вокзалу. На перроне, как и на других станциях, толпы людей, главным образом молодежь. Так уж принято в Маньчжурии — выходить к обоим скорым поездам, гулять по перрону, обозревать пассажиров. То же самое делается и в больших городах: в Харбине под вечер нескончаемая вереница студентов и гимназистов с гимназистками медленно прогуливаются взад и вперед на расстоянии одного длинного квартала, около универсального магазина "Чурин и Ко.", на Новоторговой улице в Новом Городе и на Китайской улице в деловой части Пристани. Такие же процессии наблюдались в прошлом и на Светланской улице Владивостока или на Мичуринской улице в Никольск-Уссурийском.

— Пошли блинчиков мясных попробуем. Здешний станционный буфет славится ими — лучшие по всей восточной линии, — предложил Павел.

Блинчики, действительно, были на славу, просто таяли во рту.

Павел с Игорем были старыми приятелями, еще со школьной скамьи, да и жили они каждое лето, семьями, на одной даче на той же самой станции Уцзимихэ. С окончанием гимназии дороги у них разошлись. Оба с детства увлекались паровозами, но в то время, как у Игоря это увлечение было абстрактное, художественное, и, вероятно, его можно назвать платоническим увлечением обтекаемыми линиями, мощью машины и ее бега, Павел интересовался "внутренностями" локомотива, хотел знать — как и почему он бегает. После гимназии Игорь пошел в институт учиться на восточном факультете, а Павел пошел в ученики паровозного депо главных механических мастерских в Харбине. Может быть, так и природа создала их, что одному суждено и надлежало было заняться умственной деятельностью, а другому — водить поезда. Да и физически они сильно разнились. Игорь был высокий, худощавый, сильно близорукий блондин, увлекавшийся книгами. Трудно было представить его без какой-нибудь книжки в руках.

Павел был полной противоположностью ему. Среднего роста, коренастый, сильный, рыжий до неприличия, с густыми рыжими ресницами, прикрывающими его белесые, бесцветные глаза. Силен был Павел невероятно и имел огромные руки с кулаками молотобойца. Ударь он кого-нибудь по голове своим увесистым кулаком-молотом, и отправит несчастного прямым сообщением на тот свет.

Приятели дружили давно и никогда не ссорились. Только раз между ними пробежала черная кошка, но все уладилось, и быстро. Виной этой короткой неприязни, как и следовало ожидать, оказалась девушка. По окончании гимназии друзья продолжали проводить каждое лето на даче на станции Уцзимихэ, где Игорь проводил свои каникулы, а Павел приезжал в отпуск. Увлекся Павел местной девушкой, молоденькой шатенкой, веселой хохотушкой, с необыкновенным именем — Геля. Работала Геля телеграфисткой.

Провел Павел лето с Гелей, провел другое... оба души не чаяли друг в друге, да вот беда — молчит Павел, ничего не говорит о женитьбе, точно воды в рот набрал. Каждый день после вечернего чая собирается молодежь на спортивной площадке играть в волейбол, а после игры Павел с Гелей идут гулять по насыпи до самого семафора. И так — почти каждый день. Осенью расстаются влюбленные — и до следующего лета.

Стала задумываться Геля. Не знала, чем же все это кончится, а годы идут! Ей уже двадцать лет!

Как-то идет Игорь на спортивную площадку. Видит, навстречу неторопливо направляется Геля, как-будто нечаянная встреча.

— А, Игорь, на площадку?

— Да, пора уже. Ребята, наверно, начинают собираться.

Геля повернула и пошла с ним. Посмотрела на часы:

— Рано еще!.. Давай, прогуляемся до выходных стрелок... Времени еще много...

Смотрит игриво на Игоря, а сама, не ожидая ответа, идет к выходным стрелкам. Игорь не спорит, только с изумлением смотрит на нее — что с Гелей!

До сих пор она совершенно им не интересовалась, да и он был равнодушен к ней, а кроме того, знал, что Павел с Гелей влюблены друг в друга.

Идут к стрелкам; Геля как-то необыкновенно оживлена, весело болтает, заразительно смеется, хотя этот смех кажется Игорю несколько искусственным, наигранным.

За выходными стрелками Геля притихла.

— Пошли дальше, к семафору, — говорит она, — ты же не торопишься, Игорь?

— Да нет... время еще есть.

Дошли до семафора, повернули обратно. Как только дошли до стрелок, Геля вдруг опять развеселилась, стала что-то громко рассказывать, смеяться, жестикулировать, а когда прошли стрелки и спустились вниз с насыпи к площадке — Геля опять замолчала.

Только тут Игорь понял ее стратегию. Дом родителей Павла был у выходных стрелок, и Павел, конечно, видел их на пути к семафору и обратно, видел, как его Геля была оживлена и весела с Игорем. Понял Игорь, что она решила вызвать у Павла чувство ревности.

План удался. Через несколько дней Павел с Гелей объявили о помолвке, а осенью сыграли и свадьбу. Павел дулся на Игоря несколько дней, но сердиться долго он не мог, и скоро все было забыто и они продолжали оставаться закадычными друзьями.

3

Подошло время трогаться в путь. Приятели распрощались:

— Не знаю, как скоро увидимся опять, — сказал Павел. —

— Ты, я слышал, уезжаешь в Шанхай, в поисках лучшей жизни, а я остаюсь здесь — вот буду водить скорые поезда на юг — до Куаньченцзы и в Чанчунь. Да, между прочим, в Имяньпо паровозная бригада меняется, и у тебя будет новый машинист до Ханьдаохэцзы. Ну, прощай... будет время — пиши. Надеюсь, доберешься до Ханьдаохэцзы благополучно. Хотя ходят слухи, что на востоке, за Имяньпо, последнее время стали хунхузы пошаливать, нападают на железнодорожные поселки... слышал, что ограбили Вейшахэ и Шитоухэцзы.

— Да, я слышал об этом, но на поезда-то пока не нападают. Забавно будет, если нападут на поезд. Это будет новинка — точно какие-то ковбои американские! — посмеялся Игорь.

От Маоэршани путь до Имяньпо пролетел быстро. Две небольших станции — Уцзими и Уцзимидэ, где в прошлом Игорь проводил свои летние каникулы. Вот и выходные стрелки, куда Геля один раз утащила Игоря... Поезд останавливается у вокзала большой деповской станции Имяньпо. Отсюда тяжелые крутые подъемы в горы до самой станции Ханьдаохэцзы.

В Имяньпо, в купэ вагона, где находился Игорь, вошли три новых пассажира. Сначала появились два японских солдата, с ранцами за плечами, в типичных японских фуражках с красными околышами, с патронными сумками. Оба вооружены винтовками. Сели на скамьи, друг против друга; сидят, как истуканы... только изредка обмениваются редкими односложными фразами. После второго звонка в вагон вскочил молодой железнодорожник в новенькой форме. На ногах щегольские, ярко начищенные шевровые сапоги... Сел против Игоря, присмотрелся... да и Игорь сразу же узнал его. Николай Розинский... его старый приятель по гимназии, которого он не видел уже несколько лет. Николай бросил гимназию, когда был в пятом классе. В ту зиму погиб его отец, работавший сцепщиком вагонов на станции в Харбине... поскользнулся на обледеневшем пути, когда вылезал под буферами медленно идущего поезда, упал и был раздавлен колесами. Николай остался кормильцем семьи. Администрация дороги пошла навстречу, Николаю дали работу на дороге, сначала кондуктором, а потом послали на курсы помощников начальника станции. Попал Николай сначала помощником начальника на небольшой разъезд, на котором и поезда-то не останавливались, шли на проход, а потом выслужился и теперь стал помощником начальника большой станции Гаолинцзы.

Оба приятеля были страшно обрадованы встрече. Начались обычные в таких случаях воспоминания о школьных

днях и годах, после того, как Николай покинул гимназию. Тянется неторопливый разговор под ритмичное покачивание вагона, методически отстукивающего колесами счет рельсовых стыков. В открытые окна ясно слышно мощное дыхание паровоза, тяжело ведущего состав в горы. После станции Вейшахэ начался подъем к Шитоухэцзы, известную своими лесными концессиями и клубничными плантациями.

Николай посмотрел на японских солдат и презрительно процедил:

— Сидят два истукана... молчат, точно аршин проглотили. Не люблю япошек! До сих пор не могу простить им захвата Порт-Артура, Дальнего и Южной Маньчжурии в 1905 году!

— Что ты такой злопатятный? — засмеялся Игорь, — это же было давно, до наших времен.

— Не так уж давно... Придет время реванша... утрем им нос... Пожалеют, что сунулись в Маньчжурию.

— Что там будет — неизвестно, а пока что они хозяева!

Японцы продолжали молча сидеть, только изредка поглядывая в окна вагона.

Игорь выглянул в окно. По сторонам появились скалистые горы. Паровоз и передние вагоны скрылись где-то впереди, за поворотом, в разрезе скал. Через минуту состав вышел на широкую долину между гор, и вдруг впереди раздались тревожные свистки паровоза. Машинист нажал тормоза Вестингауза, заскрежетали и залязгали колеса, где-то впереди что-то громко загрохотало, точно паровоз налетел на препятствие и поезд вдруг остановился так неожиданно, что с верхних полок на головы пассажиров повалились чемоданы, узлы и кульки.

В тот же момент с обеих сторон поезда раздались выстрелы. Игорь с Николаем вскочили, выглянули в окно. Из леса к поезду бежали вооруженные люди и на ходу беспорядочно стреляли в направлении поезда, видимо, для устрашения пассажиров.

— Что за чертовщина, — в изумлении выругался Николай, — это же какая-то американская ковбойщина... видно, нападают хунхузы... Это же не дикие времена прошлого столетия!.. Мы живем в двадцатом веке.

Пуля шлепнула в стекло окна над его головой, и на него посыпались осколки стекла. Николай откинулся назад на скамью. Игорь с усмешкой посмотрел на него:

— Что, визитную карточку получил?

Интересно было то, что у обоих приятелей не было никакого страха. Очевидно, они все еще не могли осознать всей

серьезности нападения шайки хунхузов. Им казалось, что они все это видят на экране кинотеатра.

— А где же наши японские солдаты? — заинтересовался Игорь.

Николай молча показал на середину вагона. Оба солдата деловито положили свои ранцы на пол коридора и легли за ними, направив свои винтовки в сторону дверей вагона: один из них караулил дверь в одном конце и другой — в другом.

Хунхузы бросились грабить вагоны. Некоторые из них попытались ворваться в вагон Игоря. Раздались резкие выстрелы японских винтовок и два хунхуза повалились назад, убитые наповал. Двух других, пытавшихся ворваться за ними внутрь вагона постигла та же судьба. Обозленные бандиты отступили от вагона и открыли по нему беглый огонь. Со звоном посыпались стекла... пули зашлепали по стенам... и вдруг один из японцев захрипел и повалился на бок, убитый шальной пулей.

— Ну, сейчас обозленные хунхузы расправятся с нами, — пробормотал Николай, не думавший, что оставшийся японец будет продолжать сопротивление. Он явно недооценил смелости японского солдата. Он, как червяк, быстро поворачивался от одной двери к другой и методически стрелял в сторону малейшего шороха в дверях. Вдруг в двери позади показалась темная фигура, и солдат молниеносно спустил курок. Человек повалился. В тот же момент все увидели, что японец убил молодого русского кондуктора, пытавшегося войти в вагон.

— Боже мой! — простонала женщина в соседнем купе.

Снаружи все вдруг стихло. Хунхузы ограбили пассажиров поезда, кроме того вагона, где был Игорь, и, по команде главаря, все сразу бросились прочь от поезда и быстро скрылись в густом лесу. Наступила страшная тишина... Потом стали раздаваться отдельные голоса... Из вагонов стали выскакивать люди, перекликаться. Игорь с Николаем вышли из вагона. Все вдруг зашумели, враз заговорили... жалели ни за что ни про что погибшего кондуктора. Игорь обратил внимание, что паровоз, ударивший преграду из груды шпал, наваленных поперек пути, повалился на бок и жалобно свистел струями горячего пара.

— Что же теперь? Паровоз на боку. Надо как-то дать знать начальству!

Главный кондуктор, пожилой, дородный, посмотрел на телеграфный столб и приказал молодому кондуктору:

— А ну, Степа, полезай на столб, присоедини провода к нашему аппарату Морзе — будем вызывать Имяньпо.

Его помощник принес походный аппарат из вагона и ловко стал карабкаться на столб. Когда провода были присоединены, толстяк "главный" беспомощно оглянулся кругом...

— Что же теперь? Я не могу работать на аппарате. Когда-то учился... знал азбуку, да давно позабыл... никогда не приходилось пользоваться аппаратом.

Николай подошел к нему:

— Давай, я буду вызывать.

Николай, по своей должности помощника начальника станции, обязан был знать азбуку Морзе и как-то работать, хотя его умение было очень ограниченным... у него тоже было мало практики.

Он взялся за ключ и пытался вызвать деповскую станцию Имяньпо, но у него ничего не выходило. Игорь посмотрел на него с усмешкой:

— Я вижу, ты не телеграфист. Давай мне ключ!

Игорь когда-то, еще до студенческих лет, окончил школу телеграфистов и до сих пор мог легко оперировать ключом Морзе. Он поднял ключ, прервал какую-то передачу между станциями, простучал возмущенным телеграфистам, чтоб катились к чертовой бабушке, — "у меня срочная... нужна немедленная помощь... на поезд напали хунхузы..." — и стал торопливо выстукивать позывные Имяньпо: "Имп... Имп... Имп..."

Телеграфист в Имяньпо сразу ответил и в ответ на сообщение о крушении поезда и нападении хунхузов сообщил, что немедленно на место нападения высылается паровоз, который отведет состав обратно в Имяньпо.

Стало темнеть, когда к составу подошел паровоз, высланный с деповской станции, и потянул его задним ходом обратно в Имяньпо.

Был уже вечер, когда пострадавший поезд тихо подошел к перрону станции и из него стали молча выходить пассажиры. Санитары вынесли на носилках тела убитых — молодого кондуктора и японского солдата. Рядом с носилками, на которых лежал убитый японец, шел его товарищ, несший на руках обе винтовки — свою и убитого солдата. Он с честью выполнил свой долг, защитил вагон от хунхузов и не отдал врагу оружия убитого товарища.

Николай посмотрел на процессию и тихо сказал:

— Да... хорошие солдаты... С такими сцепиться не легко...

Я тебе говорил о реванше... вижу теперь, что реванш будет нелегким!..

Только часа через два к составу был подан новый паровоз, и Игорь с Николаем наконец могли продолжать свой путь, прерванный нападением хунхузов. Было уже после полуночи, когда поезд тихо прошел мимо места, где они подверглись нападению хунхузов. Препятствие из шпал было разбросано по сторонам, и полотно пути исправлено. Яркая луна мирно освещала паровоз, сиротливо лежавший на боку.

4

Прошло несколько лет. Игорь с успехом подвизался в Шанхае, создал себе имя в области журналистики. Как-то летом приехал навестить родных в Харбин. Маньчжурия сильно изменилась за время его отсутствия. Это уже не была прежняя, счастливая, безмятежная "Хорватия", как ее называли в старые, идиллические времена, когда железной дорогой правил генерал Хорват. В Харбине и на железной дороге произошло резкое разделение русских на два непримиримых лагеря — "совподданных" и "бесподданных". Да и это разделение стало уже не настолько важным, потому что вся Маньчжурия к этому времени была захвачена японцами и была в их руках, хотя формально это не была японская колония, а "независимое" суверенное государство Маньчжуго, со своим марионеточным императором, в прошлом известным под именем Генриха Пу-и, последнего китайского императора.

Власть японцев была главным образом в городах и поселках вдоль линии железной дороги, тогда как вглуби страны стали неудержимо расти партизанские отряды, формально как-будто подчинявшиеся китайскому национальному правительству маршала Чжан Кай-ши. Трудно было теперь провести границу между партизанами и шайками хунхузов. Многие партизанские группы в прошлом были простыми хунхузами. Если прежде они грабили население для наживы, то теперь грабили для идеи. Часты стали нападения на поезда, особенно на южной ветке дороги между Харбином и Чанчунем.

Японцы посылали карательные экспедиции, которые жестоко расправлялись с партизанами. Страдали, конечно, больше всего мирные крестьяне деревень, в которых, якобы, скрывались партизаны.

Без сожаления покидал Игорь Харбин и Маньчжурию вообще. Это не был прежний Харбин и прежняя железная дорога.

С радостью возвращался он в Шанхай, чтобы больше уже не возвращаться на родное пепелище. Накануне отъезда пришло сообщение, что партизаны подорвали пассажирский поезд, шедший на юг.

— Надеюсь, завтра не будет того же, что случилось когда-то со мной на восточной линии, — подумал Игорь.

Утром следующего дня он выехал из Харбина скорым поездом на Чанчунь, где нужно было пересаживаться на японский поезд Южно-Маньчжурской железной дороги, чтобы доехать до Дайрена, в прошлом русского Дальнего.

Пассажиров в поезде было много. Начинался исход харбинского населения. Те из русских, которые не приняли советского гражданства, стали переселяться на юг, в Шанхай, а "совподданные" со дня на день ожидали эвакуации в Советский Союз в связи со слухами о неминуемой продаже дороги японцам.

На станции Шуанченпу Игорь вышел из вагона и, как всегда, пошел к паровозу полюбоваться мощным гигантом. И можно себе представить его удивление, когда в паровозной будке он увидел своего старого приятеля Павла.

— Вот, действительно, не ожидал встретить тебя, — вскрикнул он, пожимая ему руку. — Помню теперь, что прошлый раз, когда я ехал с тобой на восток, ты говорил, что будешь водить поезда здесь, на южной линии...

— А тебе тогда повезло — попал в первое в истории нападение хунхузов на поезд.

— Что и говорить, достижение большое... Надеюсь, что на этот раз с нами ничего не произойдет...

Павел пожал плечами:

— В теперешние времена, сам знаешь, все может случиться. Вот вчера, читал, вероятно, в газетах, подорвали и обстреляли пассажирский поезд, недалеко отсюда.

— Как же, слышал! Ну, прощай, Павло. Надо идти в вагон. Не знаю, когда теперь увидимся. Я пока не имею никаких планов и, откровенно говоря, никакого желания возвращаться сюда. Ну а ты, наверно, поедешь на родину, которой никогда не видел.

— Вероятно, если дорогу продадут.

Игорь вернулся в вагон. Поезд тронулся и медленно направился на юг. Места здесь были опасные, и поезд шел медленно по только что исправленному пути. Публика удобно устроилась на своих местах — кто стал читать книги или газеты, а кто и закусывать. Китайцы — торговцы в Шуанченпу

продавали необыкновенно красиво зажаренных кур. Выглядели эти куры исключительно аппетитно.

Поезд прошел километров пять... Вдруг впереди раздался страшный взрыв, вагон содрогнулся, как смертельно раненое животное и со скрежетом остановился. Пассажиры испуганно замерли на месте. В тот же момент с правой стороны поезда, на расстоянии, раздались выстрелы. Пули стали шлепаться в стены вагона, но высоко, под крышей. В один момент все пассажиры вагона бросились на пол и стали прятаться за чемоданами и подушками.

Сидеть остался только один Игорь. Не то, что он был храбрее других, но, во-первых, на полу не было места уже, а главное, на нем был новый, белый, летний костюм "палм-бич", и он просто не рискнул ложиться на грязный пол.

Стрельба усилилась, и над головой зажужжали пули, точно рой разъяренных пчел. С площадки вагона вдруг послышались резкие очереди автоматов. Это японская охрана открыла ответный огонь по партизанам. Нападавшие не ожидали такого отпора и быстро рассеялись в поле высокого гаоляна.

Пожилая женщина, прятавшаяся за подушкой, посмотрела на Игоря:

— Напрасно играете в храбреца, человек хороший... Шальные пули не разбирают... бьют кого попало!

— Я и не стараюсь храбриться, — пытался оправдаться Игорь, — пол тут грязный, не хочу пачкать костюма.

Он поправил на голове белый пробковый шлем, делавший его похожим на английского туриста, подошел к окну и выглянул. Он увидел, что красавец-паровоз, которым он только недавно любовался в Шуанченпу, как и в прошлое нападение, лежал на боку, под откосом насыпи. Игорь, с облегчением увидел, что Павел стоял около паровоза. С ним ничего не случилось. Как видно, он успел соскочить с паровоза в момент взрыва.

С соседней станции быстро прибыли рабочие, которые в течение часа исправили поврежденный путь. Высланный оттуда же локомотив вытянул состав...

Путь на юг был свободен... Путешествие продолжалось. Последнее, что видел Игорь из окна вагона, когда проезжал мимо паровоза под откосом, это Павла, стоявшего с огорченным видом около своего паровоза. Павел помахал ему рукой. Крикнул: "Счастливого пути!"

Вашингтон
Апрель 1970 г.

НА ТИГРА

Зима в этот год в Маньчжурии была на редкость суровой, даже для старожилов, привыкших к тридцати-тридцатипятиградусным морозам, особенно начиная с предрождественских дней и продолжавшихся более месяца или двух до самого Сретения. Крещенские и Сретенские морозы были особенно лютыми. Каждый день с утра бегут люди к градуснику, посмотреть не полегчало ли, но термометр упорно показывает тридцать пять градусов — уж не испортился ли?

С наступлением рождественских каникул поезда, идущие на запад и восток от Харбина, да и на юг тоже, шли переполненными учащейся молодежью — шумными гимназистами и смешливыми гимназистками, а также группами студентов высших учебных заведений, державшихся или старавшихся держаться посолиднее. У студентов разговоры посерьезнее, главным образом о политике, а может быть, и о зимней охоте, вероятно, одном из самых любимых времяпрепровождений жителей Маньчжурии.

Евгений Калашников, студент четвертого курса Харбинского политехнического института, в первый раз ехал так далеко на восток, куда-то в загадочные, полные тайн горы у станции Даймагоу. Высокий, широкоплечий, с черными слегка вьющимися волосами, упрямо вылезавшими из-под лихо заломленной студенческой фуражки (признак принадлежности к старшему курсу), Евгений удобно расположился на широкой полке вагона третьего класса, положив в угол сидения свой небольшой брезентовый охотничий мешок. Ружья у него с собой не было. Времена настали тяжелые, опасные. Новые хозяева страны — японцы — сурово преследовали тех, кто не сдал им оружия, даже охотничьего. Охотники посдавали японцам старые, негодные ружья, а те, что поновее да получше, хорошо припрятали или в подвалах, сараях и курятниках, или же под полом жилищ.

Евгений ехал по приглашению своего приятеля, тоже студента-юриста, проводившего все свое свободное время на станции Даймагоу, где он родился и провел большую часть своей жизни. Его отец, старый железнодорожник, счетовод, отслужив два десятка лет на Китайской Восточной железной дороге, вышел в отставку на небольшую пенсию, обзавелся небольшим домиком на любимой им станции, затерянной в горах, лесах и сопках необозримой Маньчжурии, и стал за-

ниматься любимым им делом — охотой, тем более, что ему не надо было заботиться о ежедневном куске хлеба. Железная дорога позаботилась о своем бывшем служащем и выплачивала ему пенсию, на которую можно было существовать.

Несмотря на свою обычную самоуверенность, Евгений немного волновался. Он считался довольно хорошим охотником, прекрасным стрелком и на "своем веку" понастрелял немало фазанов, уток и гусей и даже диких коз. Особенно увлекательными были охоты на уток и гусей в весенний и осенний перелеты. Трудно сказать, какая пора была лучше. Весной, когда на реках еще стоит почерневший, подтаявший у берегов лед, охотника начинает тянуть на просторы, особенно когда сверху все время, день и ночь, слышен непрерывающийся клекот торопящихся на север, в Сибирь, караванов гусей. Когда где-нибудь на пригорке, на подсохшей проталинке чистой, черной земли можно устроиться со своим небольшим охотничьим скарбом, с непременной чайной колбасой, крутыми яйцами и бурлящей водой в закопченном чайнике, подвешенном над небольшим костром, и ждать, когда вдруг над речкой появится треугольник гусей, неторопливо следующих за своим вожаком — это время было настоящей нирваной.

Не менее захватывающим было время осенней охоты, особенно на фазанов. Идти по долинке, меж небольших гор, горящих радугой калейдоскопически расцвеченных деревьев, одетых в свой праздничный, осенний, незабываемый убор, идти и следить за своей собакой, уверенно ищущей ленивых, жирных, отъевшихся на богатых бобовых полях, фазанов. Вдруг, тело собаки напружинивается; металлический, звонкий взлет фазана, с шумом подымающегося в воздух и начинающего дугой заворачивать к небольшой группе деревьев невдалеке, нарушает покой осеннего дня. Оперение фазана красиво играет разновидными и разнообразными красками, отражая лучи яркого, еще теплого, веселого осеннего солнца.

Этот вид охоты хорошо знаком Евгению, и он, что называется, "набил себе руку" на фазанах и других пернатых. Теперь же ему предстояло нечто новое, волнующее и даже страшное — охота на могучего владыку маньчжурской тайги и сопок, свирепого тигра, которого китайские крестьяне и охотники почтительно называют Ваном, "князем" леса.

Приятель, Харитон Зоренко, настоящий таежник, не вылезавший из тайги, за исключением того времени, когда ему нужно было ехать учиться в город, в гимназию, а позже в университет, написал ему, что они выследили тигра и что

он с отцом, китайцем-звероловом и... сестрой собираются идти на большую охоту на тигра, и если Евгений хочет принять участие в этой интересной охоте, Харитон будет рад видеть его.

Конечно, Евгений с радостью ухватился за предложение. Шанс редкий, так как охотники-любители на тигра обычно не ходят, предпочитая предоставлять это удовольствие профессиональным охотникам на тигров. Слишком много неосторожных смельчаков поплатилось своими жизнями, попав на обед владыке тайги.

Оба, и Харитон и его отец, принадлежали к категории охотников, которых можно было назвать почти профессионалами — каждая тропинка девственной тайги, вероятно, проложенная таежными бандитами-хунхузами, каждый кустик, каждый ручеек были знакомы им, а по меткости стрельбы мало охотников на востоке Маньчжурии могло сравниться с отцом и сыном Зоренко. Но... сестра!

Евгений с усмешкой подумал о том, что они рискуют брать с собой девчонку на охоту, да еще на тигров. Он знал, по словам приятеля, что у того есть сестра младшая, которой теперь, вероятно, было лет 17 или 18, но в то время, когда Зина, как звали сестру Харитона, училась в городе, Евгению как-то не пришлось встретиться с ней, да его даже и мало интересовала встреча с этой полудикаркой из тайги, которую даже брат называл шутливо "пантерой". Он как-то сказал, что сестра Зина предпочитает тайгу городским удовольствиям, мало интересуется молодежью, редко с кем встречается в городе из своих подруг или студенческой молодежи и всегда с нетерпением ждет того дня, когда можно будет закинуть книги подальше, сесть на поезд и примчаться обратно, домой, на свою родную станцию Даймагоу. Тайга — ее дом, и в тайге она себя чувствует больше дома, чем в домах, на вечерах в театрах или на вечеринках большого города.

Ее брат Харитон некрасив, хотя привлекателен какой-то внутренней красотой и обладает исключительно хорошим и добрым характером. Он всегда готов помочь кому угодно и никогда не таит злобы против кого бы то ни было. Широкое, довольно скуластое лицо, темные жесткие волосы, чуть-чуть узковатые глаза выдавали в Харитоне частицу монгольской или бурятской крови, может быть, примешавшейся в далеком прошлом, но тем не менее дающей себя знать. Если Зина, хотя бы отдаленно, напоминала Харитона, трудно было

ожидать, чтобы она стала интересовать франтоватого, избалованного вниманием девушек, красивого Евгения.

Все дальше и дальше на восток стрекочет на стыках рельсов "почтовый" поезд. Мимо проносятся знакомые маньчжурские виды, застывшие в своей зимней, заснеженной, оледеневшей спячке. Окна вагонов покрылись толстым слоем льда. Нужно долго оттирать теплой ладонью небольшой кружок в окне, чтобы посмотреть, что творится снаружи. Ровные, плоские поля, покрытые снегом с большими сугробами, наметенными у редких китайских фанз, скоро сменились небольшим редким лесом у предгорий приближающейся горной цепи. Позже, к вечеру, оледеневший поезд стал тяжело взбираться на горные перевалы. Особенно крутые подъемы начались сразу после живописной станции Шитоухэцзы. На одной из деповских станций к поезду был прицеплен второй, так называемый "горный паровоз-"толкач", подталкивающий поезд сзади.

Все выше взбирается поезд на кручи горных кряжей хребта Чжан-Гуай-Цай-Линь. Головной паровоз весело перекликается с пыхтящим сзади, окутанным клубами пара "толкачом". Кажется, что главную работу исполняет "толкач", а головной только ищет путь в горах, в горных расщелинах и перевалах. Эхо гулко раздается от нависших крутых скал и потом мелким горохом рассыпается где-то глубоко внизу, в скованной морозом долине.

Изредка поезд останавливается на станциях и разъездах; замирает вдруг как-то неожиданно шум колес. Становится тихо-тихо, а потом эту тишину так же неожиданно нарушают человеческие голоса; несколько голосов на перроне: вероятно, начальник станции с дежурным и главный кондуктор. Полусонный Евгений протирает окно, выглядывает на перрон, силится разобрать название станции и видит тепло одетых людей с белыми заледеневшими усами и бородами, выглядывающими из-под тяжелых меховых шапок. И все это время слышится приятный музыкальный звук крепкого хрусткого снега, притаптываемого ногами проходящих людей.

Ночью в тепло-натопленном вагоне спится крепко. Вагон приятно потряхивает, особенно на спусках с крутых перевалов; иногда глухо доносящиеся гудки паровозов убаюкивают, и как-то не замечаешь, как сознательная жизнь приостанавливается и человек переходит во временное небытие.

Утром Евгений проснулся поздно, так поздно, что едва не проспал станцию Даймагоу, где ему нужно было вылезать.

Наскоро собрал свой мешок, нахлобучил на голову фуражку и пристроил к ушам специальные, подбитые мехом наушники — необходимая принадлежность форсящих студентов, не уважавших меховых шапок. Без наушников в несколько минут можно остаться без ушей. Маньчжурские морозы шуток не любят. Поезд уверенно прогрохотал на входных стрелках и круто затормозил у небольшого красного здания станции.

Харитона нетрудно было найти на очищенном от снега перроне. Харитон не модничал и одет был по погоде, в теплый меховой полушубок, громадную меховую шапку с длинными ушами и в гигантские теплые валенки.

— Ну как, друже, добрался благополучно?

— Да, все хорошо. Места в вагоне были, и спалось замечательно, чуть не проспал твоей станции.

— Ну, пойдем домой. Тебя там ждут. Приехал ты вовремя. Завтра рано утром отправляемся в экспедицию.

Харитон посмотрел на приятеля:

— Готов провести несколько дней в тайге, в снегу — не страшно?

— Чего же мне бояться! Правда, я никогда не ходил на охоту зимой, да еще с ночевкой... Но раз вы ходите и остаетесь живы, так я думаю, что и я как-нибудь выдержу, — рассмеялся Евгений.

Поселок при станции небольшой, и через несколько минут ходьбы наши друзья уже были перед небольшим, аккуратно выбеленным известкой домиком на окраине поселка, у самой границы мелкорослого леса, за которым уже дальше в горы начиналась суровая, молчаливая тайга. Домик напоминал скорее хату где-нибудь в далекой Малороссии или избу степной России, магически перенесенную с солнечного юга России в заснеженную Маньчжурию. Белые стены, сверкающие на ярком солнце, небольшие окна с двойными рамами и неизбежными форточками, завалинки у дома — все это выглядит таким русским, что трудно верится, что этот поселок находится, может быть, в десяти тысячах километров от Европейской России, и что живут здесь люди, как Евгений и Харитон, родившиеся в Маньчжурии и никогда в России не бывавшие.

— Погода идеальная для нашей охоты, — заметил Харитон, шагая по глубокому снегу. — Вчера ночью выпал снежок, запорошил все кругом, засыпал все следы; в лесу теперь точно чистый лист бумаги, по которому начнут писать свои узоры и каракули жители тайги. Сегодня, может быть, и тигр выйдет на промысел. А по свежему снегу и по свежему сле-

ду найти его сможет даже и пресловутый Шерлок Холмс. Поэтому-то мы и торопимся, пока все данные в нашу пользу. Вот только одет ты не по-таежному, — покосился Харитон на друга. — Даже фуражку напялил на голову. Ну ничего, мы тебя преобразим. Наденем полушубок, шапку, валенки и рукавицы, сам себя не узнаешь.

Харитон толкнул дверь, весело заскрипевшую на давно не мазанных шарнирах, клубы пара вырвались на морозный воздух, и приятели оказались в небольшой опрятной кухне.

День для Евгения начался с сюрприза, приятного сюрприза. На кухне, у стола, стоявшего у самого окна, сидел отец Харитона, уже довольно пожилой, с поседевшей бородой и усами человек. Он занимался приготовлениями к охоте, чистил патронташи. Увидев Евгения, старший Зоренко неторопливо встал и, вытерев руки о тряпку, лежавшую на столе, радушно приветствовал друга своего сына.

— А, мой молодой друг. Очень рад вас видеть. Как видите, готовимся к охоте. Присаживайтесь, отдыхайте.

Приятное лицо Зоренко, может быть с не совсем правильными чертами лица, но удивительно радушным выражением, как-то невольно располагало к нему. Что особенно поражало в нем, на этом уже покрытом морщинами лице, это его острые, молодые глаза, нисколько не потерявшие молодой свежести. Это были глаза охотника, глаза человека, проведшего большую часть своей жизни на открытом воздухе, в лесу, в тайге.

— Устраивайтесь тут, а я закончу приготовления к охоте. Распорядись-ка, Харитон, насчет чайку, погреться с мороза! А впрочем, Зина! — крикнул он. — Иди сюда, к нам гость приехал!

В соседней комнате раздался звук женских каблуков, дверь резко распахнулась и в кухню вошла сестра Харитона. Ее появление было полнейшим сюрпризом, приятным сюрпризом для Евгения. Вместо маленькой, черненькой, скуластой дикарки, какой он представлял себе Зину, он увидел высокую, стройную девушку, одетую в скромное, но изящное "городское" платье, которому позавидовала бы любая городская модница.

Девушка прямо подошла к нему. В ее походке была небольшая резкость, может быть даже угловатость, что-то мальчишеское, но в то же время оригинальное, необычное и даже очаровательное. Это была походка лесной пантеры. Зина протянула руку:

— Здравствуйте, Евгений! Я о вас много слышала. Наде-

юсь, будете чувствовать себя как дома. Я сейчас подам чай!

И так же порывисто, не дав Евгению открыть рот, она повернулась и подошла к плите.

К Евгению, наконец, вернулась его самоуверенность, на минутку выбитая из колеи появлением этой необычной девушки. "Так вон она какая!" — подумал он. Евгений приподнял плечи и машинально сделал такое движение, точно хотел расправить свои лихие гусарские усы, но усов, к сожалению, не было. Зина уголком глаз заметила, как напетушился гость. Она таких "покорителей сердец" немало видела в городе и немедленно же презрительно охарактеризовала его в уме — "фокстротчик!"

Весь этот день и вечер Евгений был необыкновенно весел и остроумен. Присутствие молодой девушки, к тому же так необычно и неожиданно оказавшейся красивой, действовало на него так же, как наркотик на наркомана. Однако все его ухищрения как-то мало действовали на Зину. Она замкнулась в себе, точно Евгений совершенно перестал существовать для нее.

* * *

Может быть, в этот момент будет своевременно совершить небольшую экскурсию в недалекое прошлое и посмотреть, что же в конце концов заставило старика Зоренко покинуть большой город, в котором он проработал много лет, и зарыться в глуши, подальше от людей; уйти не только самому, но и забрать с собой обоих детей. Почему, собственно, он ушел в добровольную ссылку в трущобы Маньчжурии, предпочитая встречаться там лучше с дикими зверями, с могучими сибирскими тиграми, медведями и кабанами, волками и лисицами, чем с подобными ему созданиями — людьми?

Оказывается, он сильно переживал революционные события в России, вначале сочувственно относясь к ним. Но вскоре он понял, что все лучшее и светлое, чему он верил в революции, было затоптано грязными сапогами большевиков. Кровавая гражданская война, последовавшая за революцией, междоусобная война, унесшая миллионы цветущих русских жизней, а особенно кровавая расправа большевиков над русским населением во имя какого-то мифического поколения будущего, все это, лично виденное и испытанное им, настолько поразило его и убило в нем веру в человека, что он решил попросту уйти от человеческого общест-

ва, уйти подальше от людей, закопаться, зарыться в гуще маньчжурских лесов, тем более, что дорога обратно на родину теперь была ему закрыта. Он не мог вернуться на родину, не совершив нечистой сделки со своей совестью. Может быть, еще на его решение сильно подействовала неожиданная, преждевременная смерть его молодой красавицы-жены, оставившей ему пятилетнего Харитона и трехлетнюю Зину.

Ранней весной, сразу же после того, как снег, наконец, исчез и появилась сочная, пропитанная весенней влагой земля, когда почти в одну ночь земля вдруг покрылась мягким, бархатным, светлозеленым ковром свежей травы, когда горные ручьи зашелестели по тайге, освободившись от ледяных оков, когда громадные стаи гусей и уток тысячными караванами стали возвращаться из теплых южных стран, Зоренко покинул шумную, оживленную столицу края, раскинувшуюся на безлесных берегах мутно-желтой реки Сунгари. Он просто исчез из города, не сказав никому ни слова, даже не попрощавшись со своими друзьями. Просто исчез, как в воду канул, и забрал с собой своих малышей Харитона и Зину.

Ежедневные встречи с людьми, его постоянный контакт с человеческими существами, оказались прерванными, разрезанными, как Гордиев узел, и он направил свои стопы в дебри самых диких, необитаемых и неприступных районов восточной Маньчжурии. Там, в тайге, он знал по крайней мере, чего можно ожидать от диких зверей, как знал, как их встречать и как они его встретят, и поэтому он был более чем рад отказаться от какой бы то ни было связи, от принадлежности к человеческому обществу и стать жителем лесов. Людей понять трудно. Друг сегодня может стать врагом завтра, и совершенно неожиданно, без какой бы то ни было видимой причины всегда можно было ожидать удара ножом в спину от людей, которых он считал друзьями, удара, который более силен и жесток, чем удар, которого ожидаешь и знаешь, как его парировать...

Прочь... дальше, как можно дальше в трущобы, в гористые места неисследованной страны, туда, где можно забыть и забыться, где не ступала еще человеческая нога.

В глуби девственной тайги, в предгорьях массивного горного хребта Чжан-Гуай-Цай-Линя построил новый отшельник небольшую избушку — "фанзу" и поселился в ней со своей гордостью, маленькими дочуркой и сынишкой, и стал вести жизнь истинного отшельника. Не проходило дня в тайге без какого-нибудь происшествия, без постоянных опасностей,

смотрящих в глаза на каждом шагу. Не легко было ему привыкнуть к этой жизни. Ушло много времени на то, чтобы стать настоящим жителем лесов. Кругом, на расстоянии десятков километров, не было ни одного живого существа, кроме диких зверей; не было никого, на кого можно было бы положиться или, по крайней мере, спросить совета. Ни души, кроме его малых детей.

Вскоре, однако, лес стал открытой книгой для него, задним двором его избушки, на котором каждый куст, каждое дерево и каждый камень стали ему знакомыми; каждый шорох и звук — понятными. Тайга перестала быть чужой, недружелюбной, незнакомой. Теперь он мог свободно разобрать каждый звук, доносящийся до него, будь то грозное рычание грозы тайги — тигра или щебет самой крошечной лесной пичужки. Иногда вдруг, как из-под земли, появится небольшая шайка рыцарей леса, китайских разбойников, которые могли, не моргнув глазом, отправить к праотцам целые семьи. Хунхузы вначале с изумлением смотрели на этого неожиданного пришельца, но глаза их оттаивали, когда они видели маленьких детей смешного русского чудака, но потом они научились уважать стальноглазого русского охотника, человека, который лучше их, жителей лесов, мог вскинуть винтовку и метким выстрелом поразить страшного тигра, которого хунхузы даже не смели и не пытались преследовать. Настолько силен был их страх, страх китайского населения перед священным лесным зверем. Посещения этих непрошенных гостей, однако, были редкими и они мало беспокоили Зоренко.

Тайга, внушающая ужас неопытному человеку, скоро стала знакомой ему. Он теперь не мог вообразить себя живущим в городе, без того многозвучного говора, без загадочного шума тайги, так много говорящей людям, понимающим ее. Тайга стала частью его души. Прошли месяцы и годы, и старик Зоренко вдруг, неожиданно для себя, заметил, что Зина, его маленькая кареглазая дочурка, и сын Харитон незаметно подросли и что им нужно стало общество других детей, что в конце концов нельзя запирать детей в диком лесу, нельзя делать из них каких-то дикарей. Да и школа нужна им. Меньше всего хотел он, чтобы дочь его превратилась в какую-то женщину-тарзана, а сын Харитон — в индейца-следопыта. Его даже стало страшить знакомство детей с тайгой. Ничто в лесу их не пугало — это был их дом, такой дом, о котором городские дети не смели даже и мечтать. В густой ли, ужас наводящей тайге, на берегу ли быстро текущего, стре-

мительного горного ручья или в крошечной палатке, затерявшейся в снегу, в злобно-морозную зимнюю ночь, в пурге, дети Зоренко были всегда дома, всегда уверены в себе, не боящиеся встречи ни с дикой кошкой, ни с лисицей, ни с оленем. Зина особенно сжилась, срослась с лесом. Даже в ее походке появилась какая-то особенная манера, особенная кошачья уверенность движений, скорее напоминающая движения тигренка или даже ловкой пантеры. Это стало пугать старика Зоренко.

Все это, мысли и размышления долгих зимних часов, заставило его покинуть свое убежище и спуститься с гор в маленькое селение, приткнувшееся к небольшой железнодорожной станции Даймагоу. Лесная же изба осталась у него на положении заимки, куда он часто наведывался во время своего очередного охотничьего похода. Жизнь Харитона и Зины кардинально изменилась. Им пришлось вести жизнь нормальных детей, пришлось идти в школу, где они познакомились с другими детьми и вообще вернулись к человеческому обществу, от которого их отец вначале отказался. Их отец все еще чуждался людей и часто по-прежнему исчезал на несколько дней в свою любимую тайгу и возвращался только обычно тяжело нагруженный шкурами убитых зверей.

Дети росли, образование, получаемое ими в маленькой станционной школе, уже не могло удовлетворить ни их, ни старика отца, и он стал посылать обоих детей каждую зиму в столицу Маньчжурии — Харбин, где девочка поступила в одну из гимназий, а Харитон пошел в реальное училище. Он показал большие способности в математике и собирался вначале быть инженером, но позже, уже в старших классах, стал больше интересоваться более широким образованием и после окончания средней школы пошел на юридический факультет. Харитон полюбил город и сжился с ним, завел много приятелей, но Зина, хотя и хорошая ученица, всегда учившаяся с хорошими отметками, старательная, трудолюбивая, постоянно рвалась обратно в тайгу, как только весной заканчивался учебный год. Ни одного дня более того, что было нужно, не оставалась она в городе. Скорее обратно в лес, в любимую тайгу, обратно к отцу, в их уютный маленький домик; к отцу, с которым все лето девушка проводила в тайге, с любимой винтовкой за плечом, с собаками, не находившими места от удовольствия опять быть с девушкой. Харитон же часто задерживался в городе на несколько дней, чтобы погулять

с приятелями, весело провести время. Правда, и его нельзя было заманить остаться в городе на все лето.

Лето стало самым интересным, полным чудес временем года в их жизни. Всегда с отцом, всегда около него, с винтовкой в руках, осторожно выслеживающие добычу, бесшумно ступающие по почти невидимым тропинкам, карабкающиеся на почти отвесные скалы, Харитон и Зина все время кого-то выслеживали, все время следили за диким зверьем, всегда готовые пустить пулю в лоб самому опасному хищнику. Скоро они оба стали не менее известными охотниками по всему округу, чем их отец. Зине не было еще и полных пятнадцати лет, когда она одним метким выстрелом, стоя рядом с отцом, пристрелила своего первого тигра, не показав ни нервности, ни страха...

Отец потрепал девочку по плечу и только сказал:

— Очень хорошо, Зина, я за тебя больше не боюсь! — хотя он знал, что промахнись она, и это было бы концом их обоих. Тигров бьют с первого выстрела.

К тому времени, когда Зине пришло время кончать гимназию, она превратилась в красивую девушку с изумительной фигурой, вероятно полученной ею от самой тайги, от постоянной тренировки в лесу. Высокая, но с фигурой абсолютных пропорций, со спокойными правильными чертами лица и парой темных карих глаз, спокойно и бесстрашно смотрящих прямо в глаза собеседника, Зина невольно привлекала к себе внимание. Взгляд ее карих глаз привлекал людей. Это был скорее взгляд жительницы лесов, взгляд охотницы или даже самой владычицы тайги — тигрицы. Гимназисты, пытавшиеся фамильярничать с Зиной, скоро научились уважать ее, скоро поняли, что эта странная девушка, так непохожая на других, умела дать им хороший отпор, которого они не могли забыть. Кто-то дал ей удачную кличку "пантера", и эта кличка пристала к ней и оставалась с ней всю ее школьную жизнь. Даже в маленьком горном поселке Даймагоу она была известна по этой кличке, неизвестно почему.

Возвращаясь домой из города, вновь в тайге, Зина отказывалась от всего городского, надевала удобную лесную одежду типичного таежника и пару мягких, кожаных, удобных сапог, называемых в Сибири "ичиги". Эти сапоги не имели обычной тяжелой подошвы, а изготавливались по принципу перчаток, с той только разницей, что эти "перчатки" носились на ногах. Подобные сапоги-перчатки делали шаг охотника абсолютно беззвучным, напоминающим шаги американских индейцев, обутых в мягкие кожаные мокасины.

* * *

Евгений был неплохой человек, со многими хорошими задатками, но у него был один недостаток. Он был красив, неприлично красив для мужчины. Его привлекательная наружность, о которой он конечно знал, ударила ему в голову. Он вообразил, что он знал женщин вдоль и поперек, что для него уже ничего не было загадочного в женщине. Он был по-байроновски "пресыщен" жизнью. Он знал женщин и знал свою неотразимость. А главное, сами женщины способствовали развитию его неприятного самомнения. И конечно, кроме охоты на тигров, он не исключал возможности заняться на этом глухом полустанке и легким флиртом с одной из простушек, станционных красавиц.

Высокий, с темными, почти черными волосами, которые слегка завивались и всегда политы были каким-то маслянистым веществом, что считалось верхом моды, с наружностью киноартиста, Евгений, в этом нельзя было сомневаться, был красив. Кроме того, он умел как-то по особенному одеваться, с некоторой небрежностью городского дэнди. Он знал также, что его манера одеваться, его презрительно-насмешливый тон, его несколько покровительственный взгляд действовали безошибочно и верно на девушек, живущих в таких изолированных, маленьких железнодорожных поселках.

Его самоуверенность была несколько поколеблена, когда он встретил в первый раз Зину. Прежде всего он не ожидал встретить девушку, подобную ей, в этом поселке: ее спокойная, правильная речь образованного человека, ее манеры и какая-то особенная походка — все это сильно поразило его. Впервые в своей жизни Евгений до некоторой степени потерял свое обычное самообладание.

Небольшой домишко, почти избушка, был тепл и комфортабелен, в границах возможного комфорта там. К вечеру разыгралась вьюга, настоящая сибирская пурга. Ветер завыл, застонал и стал накручивать сугробы у домика, нагребая их почти до крыши. Но веселое пощелкивание сухих смолистых поленьев в печке отгоняло мысли о вьюге, и как-то незаметно пурга забывалась.

— Эта вьюга — одна из самых худших в этих местах, — заметил Зоренко, прислушиваясь к завыванию ветра. — Послушайте, как она завывает! — и высокий старик покрутил ус. Видно было, что пурга его мало беспокоила. — Однако отчаиваться не будем, — он хитро посмотрел на Харитона, — такой снегопад нам только на руку, а, Харитон?

Харитон знал, куда клонил его отец.

— Вот вьюга пройдет к утру, засыплет свежим снежком леса и долины, покроет все свежим, чистым покровом, а мы сразу-то, по свежему снежку, и отправимся за тигром. Каждый след, каждый шаг обитателей тайги будет виден как на ладони.

— А ведь страшно, наверно, встретиться в тайге с тигром, с глазу на глаз? — заметил Евгений.

— Я не думаю, что у вас будет достаточно времени смотреть тигру в глаза — несколько резко возразила Зина. — Если вам посчастливится увидеть тигра, вам нужно стрелять, а не смотреть в глаза, и стрелять молниеносно...

— Вы говорите так, как будто вы побаиваетесь тигров, — с усмешкой сказал Евгений, чтобы подразнить ее.

Глаза Зины вспыхнули опасным огоньком. Напомнить ей, что она женщина и что она не сможет сравниться с тужчиной в умении владеть винтовкой, было самым тяжелым оскорблением для нее, тяжелым ударом по самолюбию.

— Вам не нужно беспокоиться обо мне, — Зина зло посмотрела на Евгения. — Я с тиграми встречалась не раз и, как видите, осталась жива. Посмотрим, какова будет ваша встреча с тигром, — и она сердито вышла из комнаты.

Харитон с усмешкой посмотрел на Евгения:

— Ты лучше не задевай ее. Она очень вспыльчивая, а кроме того, не забудь, что Зина считается одним из лучших охотников на крупного зверя в этих местах...

Вечером Евгений нашел удобную минутку, улучил момент, когда ни Харитона, ни его отца не было на кухне, а Зина возилась с чем-то по хозяйству. Он подошел к ней:

— Зина, вы на меня не обижайтесь. Я ведь только пошутил. Люблю подразнить людей, но без всякой задней мысли...

Ее брови разошлись и она более милостиво посмотрела на него.

— А знаете, Зина, я, откровенно говоря, не ожидал увидеть вас такой, когда ехал сюда.

— Какой же вы думали я буду?

— Ну, я слышал, что вас зовут таежной "пантерой", что-то вроде амазонки. Я предполагал увидеть не то девушку, не то мальчишку, одетую в ватную куртку и штаны, валенки, на голове тяжелый платок, из-под которого, может быть, высовывается один нос. Для меня было полнейшим сюрпризом увидеть вас такой, какая вы есть.

— И какой я оказалась?

Здесь уже Евгений был на своем коньке. Он был готов к этому вопросу. У него на это был стандартный ответ:

— Я остолбенел, когда увидел вас. Подумать только, в такой глуши, в деревне, и вдруг — такая очаровательная девушка, с такой изумительной фигурой, с таким вкусом одеваться, а главное, с такими красивыми, немного холодными глазами. Представьте себе, какой восторг могут вызвать эти глаза, когда они немного потеплеют... — и Евгений незаметно положил руку на талию девушки.

Зина спокойно повернулась и, прищурив глаза, ставшие вдруг похожими на холодные льдинки, медленно сказала:

— У вас в городе получают пощечины за то, что дают слишком много воли рукам. Уберите руки! — резко скомандовала она.

Евгений, не ожидавший такого отпора, поспешно отдернул руки. Всю его наигранную самоуверенность как рукой сняло. Он как-то вдруг смутился перед этой странной девушкой. Пробормотав какие-то бессвязные извинения, он поспешно ретировался.

* * *

Поздно вечером, перед сном, старик Зоренко сказал:

— Ну, Харитон, пойдем за винтовками. Надо приготовить все к утру, а ты, Зина, позаботься о съестном.

Евгений заинтересовался, где же они хранят ружья. Он не видел ни одного ружья в избушке.

Харитон подошел к печке, опустился на колено и отодрал одну из половиц. Под ней было углубление в полу, в котором лежало несколько ружей.

— Почему вы прячете их здесь? — спросил Евгений.

— Да вот, с тех пор, как японцы пришли в Маньчжурию, они заставили нас всех сдать наши ружья им. Мы, конечно, посдавали старые, никому не нужные ружья, а вот эти "игрушки" решили припрятать, — и старик любовно приподнял одну из винтовок, типа старой русской армейской трехлинейки и погладил ее по стволу. Харитон вынул все ружья и уложил половицу на место. Быстро оба — отец и сын — разобрали винтовки, хорошо смазали их и собрали опять. Теперь все было готово для охоты. Зина подошла и таким же любовным движением взяла в руки свою трехлинейку. Видно было, что она не раз держала в руках эту винтовку. Евгению дали великолепный "Винчестер" более нового образ-

ца, чем трехлинейки семьи Зоренко, но, очевидно, они предпочитали пользоваться своими старыми русскими винтовками.

Ранним морозным утром небольшая группа охотников выехала на охоту. Было еще совсем темно, когда со двора Зоренко выехали сани-розвальни, с запряженной в них небольшой монгольской лошаденкой, обладавшей необычайной силой и выносливостью, несмотря на свою малорослость. На розвальнях сидел также постоянный спутник Зоренко во всех его экспедициях, старик китаец Ли-Фу. Китаец правил лошадью и крепко держал вожжи в руках, удобно умостившись на розвальнях. Весь вид неподвижно сидящего китайца как бы выражал тот стоический фатализм и покой, который был внедрен в натуру его расы. Можно было подумать, что он заснул, если не присмотреться внимательно и не заметить тонкой щелки прищуренных глаз, зорко следящих за дорогой. Путь по лесу без дороги, в темноте, казалось, было невозможно найти, но Ли-Фу уверенно направлял лошадь по какому-то только ему одному ведомому пути.

Появление Ли-Фу в семье Зоренко было довольно необычным. За несколько лет до этого, однажды, когда Зоренко с сыном и дочерью были на охоте и остановились на своей таежной заимке переночевать, поздно вечером, когда солнце уже зашло за высокие горы и начинало быстро темнеть, в дверях их избушки вдруг появилась фигура старика китайца, с древним ружьем в руках, имевшим неимоверно длинный ствол. Китаец остановился у входа и, держа ружье наготове, настороженно стоял и смотрел на троих охотников. Одна и та же мысль сразу пришла в головы охотников... — Хунхуз!.. А где же остальные?

В тайге никогда не знаешь, как тебя встретят хунхузы. До сих пор все проходило благополучно, но в любой момент можно было нарваться на шайку отчаянных головорезов и тогда — конец! Китаец, видимо, понял, какие мысли кружились в головах охотников. Он спокойно поставил винтовку в угол, подошел к огню и погрел руки, показывая, что никаких плохих намерений у него не было. Потом он спросил на ломаном русском языке:

— Твоя ходи охота?

— Да, а ты кто такой? — осторожно спросил его Зоренко. Он, хотя и прожил в Маньчжурии сорок лет, но до сих пор не научился китайскому языку, как и большинство русских, живущих в Маньчжурии. Оно и понятно, потому что все китайцы, даже крестьяне и чернорабочие быстро научились от

русских ломаному русскому языку и очень свободно изъяснялись на нем.

Китаец помолчал, потом неторопливо ответил, что он тоже охотник. Зоренко пригласил его провести ночь с ними в избушке. Во время долгого ночного разговора у слабо тлевшего огонька, разговора, в котором было больше пауз, чем слов, так как ни Зоренко, ни китаец не отличались словоохотливостью, выяснилось, что китаец-таежник хочет присоединиться к семье Зоренко и жить с ними. Ему надоело болтаться одному, как он сказал.

— Моя работай твоя дома... помогай твоя... смотри лошака... — повторил он несколько раз. — Ходи охота вместе!

Зоренко сначала с недоверием посмотрел на него... определенный хунхуз... но, с другой стороны, он ничем не рисковал... хочет жить с ними, пусть живет!

В том, что Ли-Фу в прошлом был хунхузом, старик Зоренко уверовал определенно однажды, когда они вместе пошли в тайгу, на охоту. В прохладную весеннюю ночь, когда Зоренко с Ли-Фу сидели в избушке на его заимке и грелись у своего постоянного огонька с непременным чайником, в избу вдруг ворвалась ватага хунхузов и угрожающе наставила дула своих ружей на старика Зоренко. Он в изумлении посмотрел на них. Обычно хунхузы его не беспокоили, но на этот раз они, видимо, были в настроении, не обещавшем ничего хорошего. Зоренко спокойно посмотрел на них. Он за годы таежной жизни привык ничем не высказывать своих чувств. Спокойно, точно ничего не случилось, он показал главарю на чайник с бурлившей водой и сказал:

— Чаю?

Ли-Фу, сидевший подальше, в тени, ничем не выдал своих чувств. Он спокойно посасывал свою китайскую трубку с длинным мундштуком. Главарь увидел его, присмотрелся, видимо, узнал его, но постарался не показать этого. Он вдруг успокоился, приказал своей ватаге свалить ружья в угол и присел к чайнику, рядом с Зоренко. Пробыв в избе минут двадцать или тридцать и выпив уйму чая, хунхузы быстро разобрали свои ружья и мирно исчезли, так и не сказав ни слова Ли-Фу. Может быть, его обязанностью было жить у Зоренко, на окраине поселка, и следить за действиями полиции и солдат, которые изредка отправлялись в карательные экспедиции против хунхузов, обычно кончавшиеся безрезультатно. Таким образом, присутствие Ли-Фу оказалось даже полезным для Зоренко на случай будущих встреч с разбойни-

ками. Он мог быть уверенным теперь, что никакой хунхуз его не тронет.

Весь день ехали охотники по тайге, придерживаясь главным образом русла замерзшей речушки, и только если путь преграждал свалившийся поперек дороги могучий кедр, им нужно было объезжать преграду, взбираться на крутой заснеженный берег, проваливаться в какие-то ухабы, падать, слезать с саней и самим подталкивать розвальни, помогать лошади.

И все время им нужно было быть настороже, держать винтовки наготове, не только на случай неожиданной встречи с кровожадным тигром-людоедом, но и с другим врагом, не менее свирепым — хищными хунхузами. Хотя с ними и был Ли-Фу, но осторожность не мешала. Как говорится — "береженого и Бог бережет". Кто знает, может быть какая-нибудь шайка хунхузов им встретится, которая не знает Ли-Фу! За санями тихо бежали или шли с полдюжины маньчжурских собак, скорее похожих на волков. Без собак охота на тигра бесполезна. Собаки хорошо выдрессированы и бегут, не подавая голос.

В полдень остановились на привал под высоким, величественным, стройным кедром, расчистили снег, присели отдохнуть, напились горячего чаю и опять в путь. Надо было торопиться, чтобы попасть в намеченное место для стоянки дотемна. Чем дальше, тем труднее путь. Почти все время нужно идти пешком, слишком неприступны дикие заросли, особенно мелкорослый лес, заплетенный кружевами лиан и дикого винограда. Больше приходится расчищать дорогу для лошадей и саней, чем ехать на них.

Застывшая в своем зимнем величии тайга не шелохнет. Ни одно дерево, ни одна ветка не двинется, не вздрогнет, так же как неподвижен морозный воздух, казалось, превратившийся в одну гигантскую ледяную сосульку. Не могущая похвастаться живыми существами даже летом, тайга теперь совсем замерла. И только изредка, встревоженная звуком человеческого голоса, вздрогнет гигантская ветвь, и с нее тяжело свалится вниз громадная снежная лавина.

Только к вечеру группа стала приближаться к месту своей предполагаемой стоянки в небольшой лощине. Охотники все еще продвигались вперед по замерзшей речке, которая тут на высоких местах превратилась в небольшой ручеек.

— Места здесь опасные, — прошептал старик Зоренко, — можно неожиданно встретить и тигра, и хунхузов, а то и ста-

до диких кабанов, которые не менее опасны, чем тигр. Соблюдайте тишину... ступайте по снегу осторожно, поменьше шума и... ни слова. Я с Ли-Фу пойду впереди, Зина с Евгением, идите немного позади нас, будете заслоном на всякий случай, а ты, Харитон, возьми лошадь — тебе доверяем все наши припасы. Винтовки в полной готовности, — и, еще раз критически осмотрев свою группу, Зоренко пошел вперед со своим верным спутником Ли-Фу.

Немного погодя Зина кивнула Евгению: "Пошли!" и, осторожно ступая, неторопливо направилась по следам отца и Ли-Фу. Евгений старался не отставать от нее и в то же время безуспешно подражать ей в ее походке. Только теперь понял он, почему ее называли "пантерой". И, действительно, все ее манеры, телодвижения, поступь — все это говорило, что Зина провела в лесу не один год. Может быть, когда-то в Америке краснокожие индейцы в своих мягких мокасинах вот так же бесшумно ступали по снегу или опавшим листьям, ни одним звуком не выдавая своего присутствия.

Ноги, обутые в удобные, мягкие, теплые "ичиги", казались такими же маленькими и изящными, как и в обычной обуви. Теплое меховое одеяние тоже нисколько не уродовало ее фигуры и, наоборот, придавало Зине еще большее очарование. Одно тревожило и беспокоило Евгения, это полное равнодушие Зины к нему, вернее, ее полное безразличие к его существованию. Неужели она недовольна его вчерашним поступком? Он несколько раз пытался подойти к ней и пробовал начать разговор, но Зина резко обрезала его. Теперь же по приказу Зоренко и совсем нельзя было раскрывать рта.

"Какие тут хунхузы в этой глуши, да еще в такой мороз!" — раздраженно подумал Евгений, все время спотыкаясь, чуть не падая и с шумом наступая на сухие ветки, валявшиеся на пути и издававшие невероятный шум в абсолютной тишине тайги.

— Неужели вы не можете идти потише? — сердито прошептала Зина. — Здесь опасные места, а вы топаете, как слон. Идите по моим следам и старайтесь не шуметь, — приказала она. Евгений только мотнул головой и осторожно последовал за ней, с завистью наблюдая, как уверенно и бесшумно ступает она по снегу и даже по сухому валежнику и как ни одна ветка не хрустнет под ее ногой. Шедшие впереди Зоренко и Ли-Фу свернули в гущу леса, показав руками, что здесь нужно соблюдать большую осторожность. В несколько секунд они скрылись из виду, а за ними скрылась и Зина. Ев-

гений заторопился, чтобы не отстать от нее, позабыл осторожность и затопал по старому валежнику, как стадо испуганных коров. Зина остановилась и в отчаянии замахала на него руками. В тот же момент Евгений запнулся за пень сгнившего дерева и с размаху повалился головой в какую-то яму, полную снега. Ружье вывалилось из рук и отлетело в сторону. Можно было вообразить, какой грохот прокатился по настороженному лесу от падения незадачливого охотника.

— И нужно же было нам получить в подарок такое золото! — в ужасе простонала Зина — Что за неуклюжий медведь! Вставайте скорее, да ищите ружье!

Сконфуженный Евгений быстро выбрался из своей снежной ловушки, разыскал ружье и с видом побитой собаки поплелся за Зиной.

Через несколько минут Зина с Евгением добрались до места привала. Ее отец махнул рукой: "Все спокойно. Здесь устроимся лагерем", показал он на небольшую площадку у отвесной скалы, прямо поднимавшейся ввысь, как стена, где можно было поставить палатку.

— Я послал Ли-Фу на ручей, прорубить прорубь. Идите, помогите Харитону с санями и лошадью, будем ставить палатку, да пора и отдыхать.

Разгрузить сани не заняло много времени. Брезент натянут в момент, и скоро удобная палатка имела совсем неплохой вид внутри, даже уютный. На пол набросали вороха кедровых веток, что еще больше придало уюта и теплоты. Небольшая печурка, в которую набросали сухих веток, скоро согрела палатку; мешки с сеном вместо постелей тянут уставшие тела, а веселый чайник бурлит кипятком, делая палатку еще более уютной. Согрелись охотники; пристроились на свои "постели", заклевали носами.

Зоренко пошевелился на своем месте...

— Не спите еще, хлопцы?.. Ли-Фу говорит, что завтра утром можно пойти на тигра. Ему говорили другие звероловы, что видели тигра в этих местах; советует пойти рано утром, но пешком, лошадь оставить здесь. Опасно ехать на лошади, да и шумно. Одному из нас придется остаться в лагере охранять имущество и приготовить обед для остальных.

Зина приподнялась на локте:

— Я думаю, что нам и размышлять не надо много, кого оставить. Конечно, останется Евгений! — заявила она безапелляционно.

— Но почему? — запротестовал тот, — я ехал сюда за триде-

вять земель, чтобы принять участие в тигровой охоте, а вы меня хотите оставить.

— А потому что вы слишком неуклюжи. Вам бы надо шаркать ногами по паркету, а не по дикой тайге; фокстроты танцевать, — зло возразила Зина. — Мы не можем терять возможности и спугнуть тигра вашими медвежьими ухватками. Вот тигра возьмем, тогда поедете с нами на кабанов. Это тоже интересная охота.

— Зина, не груби, — мягко заметил ее отец. — Мы что-нибудь придумаем. Жребий, что-ли, бросим.

— Нам нечего придумывать, — несколько сбавив тон, опять сказала Зина. — Но я хочу быть уверенной, что все наши приготовления и подготовка, чтобы все это не пошло на смарку из-за, может быть, неосторожного шага. С другой стороны, мы обещаем Евгению не менее захватывающую охоту на кабанов, как только мы заполучим тигра.

— Может быть, Зина права, — примирительно заметил Евгений. — В самом деле, ведь тигров мало. Его надо выследить, окружить — для этого нужен опыт и верный глаз. Я, в самом деле, могу оказаться помехой. Зина права, я лучше останусь в лагере.

Еще немного поспорили, но в конце концов сделали так, как хотела Зина.

Рано утром, после быстрого завтрака, как обычно состоявшего из нескольких кружек горячего, душистого чаю, небольшая группа охотников бесшумно скрылась в тайге, сопровождаемая сворой собак, специально терпеливо вытренированных для охоты на тигров.

— К вечеру вернемся, — крикнула на прощание Зина Евгению.

— Буду ждать... приготовлю вам хороший обед, — махнул он рукой.

— Главное, не забывайте, что мы находимся на неприятельской территории, — предупредила его опять Зина. — Ни на минутку не расставайтесь с винтовкой. Помните, опасность на каждом шагу. Даже когда пойдете к проруби за водой — берите винтовку. Мы не хотим вернуться в лагерь и узнать, что вас слопал тигр и что наш обед стоит холодный! — не стерпела и задела его Зина.

Ушли охотники, и сразу стало тихо. Наступила мертвая тишина заснувшего, застывшего леса. Не слышно даже журчания замерзшего ручья. Евгению стало не по себе. Как-то жутко быть одному в неведомой тайге. День тянулся томительно долго и скучно. В полдень Евгений решил заняться приго-

товлениями к обеду. Почистил картошку, приготовил все необходимое и решил пойти на прорубь за водой. Взял два ведерка и вышел наружу, на морозный воздух.

Воздух не шелохнет, как вчера. Все застыло, и казалось, что сам воздух превратился в тонкий, прозрачный хрусталь. Никогда Евгений не думал, что природа зимой может быть такой прекрасной, да еще в двадцатиградусный мороз, быть красивой своей загадочной неподвижностью.

— Интересно, найдут ли они тигра? Сомневаюсь, однако. Места что-то не похожи на тигровые...

Прошел несколько шагов к речонке и вдруг вспомнил — а винтовка! Вспомнил приказ Зины — никуда без винтовки не ходить, даже к проруби за водой. Опасливо оглянулся. Потом пожал плечами — какие глупости! Но все же решил — пожалуй, надо в самом деле взять ружье.

Вернулся в палатку, вздернул винтовку на ремне на плечо и направился опять к проруби, с обоими ведрами в руках. Раздвинул ветки, чтобы спуститься по тропе к речке и... вдруг остановился как вкопанный. Сердце вдруг почти остановилось, перестало биться... Прямо перед ним, на расстоянии каких-нибудь пятнадцами или двадцати шагов, стоял гигантский зверь, слишком знакомый, чтобы можно было ошибиться в его родословной; стоял великолепный экземпляр владыки тайги — маньчжурский тигр, как видно, пришедший напиться воды из проруби.

Евгений в ужасе уставился в магнетические, желтые глаза зверя, который также смотрел прямо в глаза своей жертвы, предвидя хороший обед для себя в этот день. Одного прыжка было достаточно для того, чтобы подмять незадачливого охотника за тиграми, но этот прыжок тигр почему-то колебался сделать.

Была ли это интуиция или какое-то непонятное атавистическое подсознательное чувство, но Евгений продолжал в упор смотреть прямо в глаза тигра, не мигая и не отрывая от него глаз ни на секунду, точно зная, что от этого зависела его жизнь. Тигру, видно, стало не по себе, потому что он стал как-то нерешительно покачиваться, все еще низко пригнувшись к земле, точно приготовившись к последнему прыжку.

"Ружье!" — вдруг вспомнил Евгений. Все так же в упор глядя в глаза тигра, он осторожно опустил оба ведра на снег и так же осторожно стал снимать с плеча винтовку. Приложив ружье к плечу, Евгений спустил курок и вдруг услышал сухой звук "клик" — осечка! Пот выступил у него на лбу. Что же это? Еще раз, и еще — и опять "клик", "клик". Оче-

видно патроны отсырели, пока лежали под полом, спрятанные от японцев. И в тот решительный момент, когда от них зависела жизнь, патроны сдали, подвели. Евгений с ужасом ждал конца. У него даже ножа не было. Те секунды, в течение которых он пытался выстрелить, показались ему часами.

Соревнование в силе воли, в выдержке, оказалось не под силу тигру. Он не мог больше выдержать непонятного, тупого и упорного взгляда своей жертвы, не отрываясь смотревшего прямо ему в зрачки; взгляда, от которого он не мог увернуться, — ему стало не по себе. Тигр, в раздражении, с силой забил хвостом по снегу, повернул голову в одну сторону, точно пытаясь сбить свою жертву с толку, потом в другую сторону, надеясь, что это заставит Евгения отвести глаза от него. Наконец он не мог больше вынести этого напряжения, виновато посмотрел еще раз на Евгения, сделал гигантский скачок в сторону и в момент скрылся в тайге. Его коричневое, полосатое тело мелькнуло в кустарнике, и стало опять тихо! Не теряя времени, Евгений, бросив ведра на месте, ринулся обратно в свою палатку.

Солнце было уже на закате, когда раздосадованные охотники вернулись в лагерь. Им не повезло. Как Евгений и предполагал, им даже не удалось найти следов тигра, но зато прямо перед ними прошло громадное стадо кабанов. Стрелять они не стали, чтобы не спугнуть своей главной добычи. Складывая мешки и устанавливая ружья в палатке, они заметили, что Евгений был страшно бледен.

— Что случилось? Вы видели привидение тигра? — шутя спросила его Зина.

— Хуже, чем привидение, я видел самого тигра!

— Ну, Евгению уже стали тигры мерещиться, — засмеялся Харитон.

Евгению стоило большого труда убедить своих друзей, что в самом деле у него была встреча со свирепым гостем — тигром.

Все кинулись к речке, даже забыв свои винтовки в палатке, о чем сами только утром предупреждали Евгения. И правда, там, где стоял испуганный Евгений, они нашли несколько патронов, давших осечку, а поодаль, у самой проруби, увидели гигантские следы владыки маньчжурской тайги, совершенно ясно отпечатавшиеся на снегу, а то место, где тигр

яростно бил хвостом по снегу, было плотно умято, как будто кто-то долго бил палкой по заснеженному месту.

Старик Зоренко снял свою шапку-ушанку, истово перекрестился, посмотрел на Евгения и мог сказать только:

— Милостив ваш Бог христианский! Иначе мы сегодня не досчитались бы ваших костей.

Старый китаец Ли-Фу был не менее взволнован. Сказать правду, никто никогда не видел его в таком возбужденном состоянии. Он готов был кинуться по следам тигра немедленно, несмотря на наступающую темноту.

Однако старик Зоренко остановил его.

— Не надо горячиться, Ли-Фу. Завтра с утра снимемся с лагеря и пойдем по следам. Будем надеяться, что снег не выпадет сегодня ночью. А по этим следам мы найдем тигра даже с закрытыми глазами. Спите все сегодня ночью покрепче, отдыхайте получше. Завтра у нас будет большой день.

На следующее утро, быстро собравшись, охотники пошли по хорошо видимым следам тигра. Собаки ощерились, зарычали, унюхав и узнав след своего врага. Началась игра в "кошки-мышки". Несколько раз подходили они к лежке тигра, где он отдыхал после ночной охоты, спугивали его и заставляли уходить дальше. Несколько раз тигр делал большой круг, по своей привычке думая застать охотников врасплох сзади, но собаки быстро обнаруживали его и заставляли уходить дальше, в тайгу, в горы. Дневной покой тигра был нарушен. Упорные, настойчивые охотники не давали ему возможности воспользоваться дневным отдыхом, заставляли вскакивать, бросать свою лежку и идти дальше.

Через три дня тигр утомился и стал терять свою обычную осторожность. Изредка он останавливался, бросался на надоедливых собак и опять уходил вперед.

— Хорошая примета, — довольно заметил Зоренко. — Тигр начинает уставать, становится неосторожным. Скоро мы его прихлопнем.

На следующий день, однако, Зоренко и его помощник Ли-Фу стали озабоченно посматривать вверх, торопливо следуя по следам тигра. Нет-нет, то один, то другой поглядывали на небо, которое совершенно переменилось. Солнце скрылось за тяжелыми тучами серо-свинцового цвета. Вот-вот можно было ожидать, что в воздухе появятся снежинки, запорошит все вокруг, подымется ветер, начнет нагребать сугробы, за-

метет, покроет тигровые следы, и их жертва ускользнет от них. Зина также озабоченно следила за ними. Один Евгений только ничего не понимал и устало плелся по их следам.

Собаки опять напали на след тигра и стали беспрерывно беспокоить его. К вечеру четвертого дня преследования собаки подняли тигра в кустарнике, где он пытался отдохнуть от неустанного бега. Подняли его у скалы, преграждавшей ему отступление. Тигр стал яростно отбиваться от собак, также яростно кидающихся на него со всех сторон. Удачным взмахом гигантской, могучей лапы, он убил двух собак. Охотники, отставшие от собак, услышали вопли и визг и заторопились. В первый раз в своей охотничьей практике Зина, услышав вопли раненых собак, сделала страшную ошибку, торопясь узнать в чем дело, увидеть, что случилось с собаками, она не была совсем готова к встрече с тигром. Тигр, который только что в густом кустарнике убил двух собак, вдруг увидел приближающихся к нему охотников.

Поняв, что они были главными виновниками нападения на него собак, тигр вдруг напружинился и в мгновение ока сделал гигантский прыжок на своих врагов. На его пути, впереди, оказалась Зина. Молниеносный прыжок тигра на нее оказался настолько неожиданным, что она не успела даже вскинуть ружье, не говоря о том, чтобы выстрелить. А главное, она загородила дорогу отцу и Харитону, оказавшись между тигром и ими.

— Зина! — мог только крикнуть Харитон.

И в этот момент случилось что-то непонятное. Где-то со стороны раздался выстрел, и тигр с лета рухнул вниз, прямо в снег. Это был выстрел Евгения, который, к счастью, шел в стороне. Натренированный в своих охотах на уток и фазанов, Евгений точно предчувствовал прыжок тигра и держал винтовку наготове. Он вскинул ружье в тот самый момент, когда тигр метнулся на Зину. Меткий выстрел сразил хищника на лету. Одной пули было достаточно.

Зина подошла к Евгению и протянула ему руку.

— Вы спасли мне жизнь, Евгений, — сказала она, крепко пожимая ему руку. — Я этого никогда не забуду...

Она помолчала немного и потом тихо добавила:

— Простите меня за мое поведение эти дни... — и, быстро отвернувшись, отошла от него.

Старик Зоренко крепко обнял героя.

— Спасибо, друг, что вы спасли мою дочурку.

Евгений стал героем.

— Подумать только, что мы не хотели даже брать его на охоту, — засмеялся Харитон. — Если бы не Евгений, тигр убил бы Зину и наверняка ушел бы от нас, настолько мы растерялись.

Даже старик Ли-Фу совершенно преобразился. Он что-то радостно лопотал, но в своем возбуждении совершенно перепутал русские и китайские слова, так что никто не мог понять, что он хотел сказать. Ли-Фу, своими повадками и манерами, во многом напоминал знаменитого Арсеньевского гольда Дерсу Узала, с которым Арсеньев исходил Уссурийскую тайгу вдоль и поперек. В одном он, однако, отличался от Дерсу — Ли-Фу был неимоверно плохой стрелок, тогда как Дерсу бил птицу пулей влет. *

Ли-Фу возбужденно ходил вокруг убитого тигра. Он приседал, лопотал что-то, подскакивал, пританцовывал и опять приседал. И действительно, трудно было найти в тайге более великолепный экземпляр тигра. Это был настоящий гигант. Когда возбуждение несколько улеглось, старик Зоренко смерил тигра и нашел, что он был рекордной величины. Тигр был длиной в пятнадцать футов. Зоренко хорошо знал размеры всех тигров, убитых охотниками как в Маньчжурии и Корее, так и в Уссурийском крае, и на Амуре. До сих пор рекордной была длина красавца тигра, убитого в окрестностях Владивостока американским консулом лет тридцать тому назад, — 14,5 футов.

— Ну, Евгений, удружил! Ведь вы же убили тигра рекордной величины за всю историю охоты на тигров в этих местах! — смеясь сказал Зоренко, все еще не совсем оправившийся от всего того, что произошло в течение нескольких коротких минут.

Зина опять подошла:

— Теперь вы можете гордиться тем, что убили того тигра, который смотрел вам в глаза около проруби. Я слышала легенды о том, что тигры боятся, когда им смотрят прямо в глаза, думала, что все это были бабушкины сказки, да по-

---

* В. К. Арсеньев, "В дебрях Уссурийского края".

просту не подумала бы проверить эту теорию... Теперь я вижу, что это правда. Вы доказали это.

Ничто не радовало Евгения так сильно, ни похвалы, ни поздравления, как теплый, мягкий взгляд карих глаз Зины. В первый раз он увидел, как холодные глаза девушки потеплели, и как ее холодная красота подверглась полной трансформации. Зина стала неузнаваемой, хотя внешне она ничем не переменилась. Вся трансформация произошла только потому, что она посмотрела на Евгения теплым, благодарным взглядом.

Старика Ли-Фу мало интересовали сентиментальности. Он все еще не мог успокоиться и возбужденно ходил вокруг лежащего на снегу тигра, приседал около него, хлопал в ладоши, измерял зверя и опять приседал. Иногда он издавал какие-то непонятные звуки, похожие на кудахтанье — это старый Ли-Фу смеялся.

Возвращение на станцию Даймагоу произошло быстрее, чем кружение по тайге по следам тигра. Опять собрались ветераны-охотники вокруг непременного самовара, обмениваясь впечатлениями об охоте. Приятно напевает самовар свою древнюю русскую песню, а охотники все говорят и говорят, млеют от тепла; усталые тела хотят отдыха.

Зину теперь не раздражали шутки и остроты Евгения, который в этот вечер был в особенном ударе, да его и трудно было винить. Он видел и чувствовал перемену в Зине, особенно когда видел, как озарялось улыбкой лицо этой странной, обычно сдержанной девушки.

Поздно вечером, когда все разошлись по своим углам, Евгений услышал, что Зина опять возилась с чем-то на кухне. Он тихо вошел туда и так же бесшумно подошел к ней; подошел так близко, что мог вдыхать аромат ее волос.

Зина почувствовала его присутствие. Ни слова не говоря, она протянула свою руку назад, захватила его руку и, все так же не глядя на него, положила руку Евгения себе на талию...

Вашингтон
Июль 1962 г.

СТЕПКА РЫЖИЙ ГЛАЗ

Нет ничего невозможного для Степки, нет никаких преград его неукротимому характеру. Ему только тринадцать лет, но он уже гроза всего этого маленького, солнечного и сонного железнодорожного поселка. Он — живой портрет бессмертного Гекклььберри Финна из произведений Марка Твена.

Правда, разница есть. Степка живет у родных. Отец и мать его строги. Дерут Степку каждый день немилосердно, но пользы мало. Что-то дикое, неукротимое чувствуется во всех его шалостях, играх и даже хулиганстве. Нет границ его необузданной фантазии в изобретении новых трюков.

Отец Степки — мрачный чернобородый помощник начальника станции — давно махнул на него рукой и, если поколачивает Степку, то больше по привычке, для очищения совести. Не проходит дня, чтобы кто-либо из соседей не пожаловался на Степку. То он стекло разбил, то палкой петуха подшиб, а то залез в сад и наворовал свежей клубники, безжалостно потоптав остальное. Только и слышно... "Степка-хулиган!.." "Степка-варнак!.." "Степка-растрепка!.." "Степка- босяк!.." и чаще — "Степка-разбойник!.."

А с него как с гуся вода! Рыжий, вихрастый, нестриженый и нечесаный, с рыжими завитушками волос, ползущими по шее, из которых можно косы плести. Худой, тощий, с длинными несуразными руками и ногами, Степка больше походит на карикатуру.

Он никогда не сидит спокойно; пытливый ум вечно ищет новых шалостей, а руки и ноги просто не в состоянии оставаться без движения. Наслышавшись и начитавшись рассказов об индейцах Америки, он все дни проводит или в лесу, или в кустарниках на берегу речушки... беззвучно скользит от дерева к дереву, пригнется при виде "опасности"... прильнет к земле, змеей подползет к лагерю "бледнолицых", расположившихся пикником где-нибудь на опушке у реки, и вдруг со свирепым воинственным криком краснокожего дикаря-индейца вихрем влетает в круг "врагов"... р-раз палкой по стаканам и кувшинам... издает другой воинственный клич и так же молниеносно исчезает в чаще...

Вслед ему летят палки, бутылки, ругательства... но Степки и след простыл!..

Конечно, вечером расплата. Опять хорошая трепка и таскание за вихры. Встряхнется оттасканный Степка, упрямо вздернет вихрами и бежит к матери на кухню, где его уже ждет крынка свежего молока с толстым слоем сливок и душистая буханка домашнего хлеба. Забыты отцовские "внушения", быстро уничтожаются молоко и хлеб, плотно набит "чемодан", и утомленный, разомлевший Степка удаляется на чердак. Это его летняя спальня. Он не может спать в помещении. Слишком душно, двери закрыты, окна затянуты плотными сетками от мух и комаров, и тем не менее комары все же проникают внутрь, атакуют немилосердно, а самое главное — это духота!

Тепла июльская маньчжурская ночь. Только с полуночи начинает тянуть прохладой с реки. Степка в своем убежище на чердаке блаженствует. Дверь с одного конца и окно с другого раскрыты настежь, тянет прохладой, сквознячком, никаких сеток — и нет комаров. Комары так высоко на второй этаж не подымаются.

Тихо ночью в поселке. Изредка пророкочет проходящий поезд, глухой свисток паровоза прорежет застывший воздух, и опять тихо. Вдалеке, сквозь листву деревьев мерцает огонек в конторке дежурного по станции, а кругом мгла... темный девственный лес насупился, давит маньчжурская тайга, и кажется, что это темный сказочный гигант раскинул руки вокруг крошечного поселка и вот возьмет сейчас, сдавит домики в своих могучих объятиях, и сгинет поселок, растворится в безграничной тайге.

Каждый кустик, каждый бугорок в лесу, каждая извилина и поворот горной речушки, каждый камень в воде хорошо знакомы днем Степке, но ночью все меняется, лес кажется иным, чужим, страшным. Только небо, чудное июльское небо с его мириадами ярких звезд, с мириадами живых существ, совершающих свой бесконечный бег по небесному куполу, успокаивает Степку, и он спокойно и мирно засыпает.

* * *

Первые теплые лучи утреннего солнца ударили в веснушчатое лицо Степки. Раскрыл глаза, вскочил со своей походной кровати, вприпрыжку, шлепая босыми ногами по мягким опилкам, подбежал к двери. Позади, за деревьями парка, еще видна полоска утреннего тумана, повисшего над рекой, но жаркие лучи все выше и выше подымающегося солнца атакуют этот последний бастион царства ночи, и туман рассеивается, растворяется в эфире.

Все небольшое хозяйство проснулось. Деловито копошатся в земле куры, выискивая червей и зерна. Ласково похрюкивают у крыльца гладкие розоватые поросята, требуют своей утренней кормежки. Нет-нет, замычит черная корова Мурка, ждет с нетерпением грязного китайчонка-пастуха, который погонит ее в стадо пастись на сочной траве луга за полотном железной дороги.

Степка со свистом съехал вниз по столбу, не считая необходимым пользоваться услугами лестницы. Бросился в парк, на ходу расстегивая штаны и скидывая рубашку, чтобы с налету броситься в холодную воду речки. Холодно в тени парка, но Степку это не смущает. Он уже несется голышом, бросает одежду в сторону и с размаху кидается с саженного берега в воду. Ледяная вода горной речушки обжигает тело, и, как ошпаренный, Степка пробкой вылетает на берег. Сильно растирает руками порозовевшее тело, разбегается и, р-раз... вновь летит головой вниз...

Купанье в холодной воде дает ему заряд энергии на весь день. Эта энергия, полученная в подобных утренних купаниях, вероятно, и является источником всех тех шалостей и "индейских" похождений, которыми заполнен день Степки.

Соседский Петр из большой семьи городских дачников, приезжающих сюда на все лето, как-то дал Степке новую кличку, и эта кличка пристала к нему на многие годы. Заметив увлечение Степки индейцами и постоянное его подражание им, Петр как-то сказал...

— Давайте звать нашего "следопыта" каким-нибудь индейским прозвищем... Индейцы обычно имеют разные прозвища вроде "Рваная ноздря", "Косой рот" и другие... Почему бы нам не называть нашего рыжего Степку — Степка Рыжий Глаз...

Собирается ватага купаться... старшему из них не более пятнадцати лет — Степка всегда впереди всех. Самое большое наслаждение для всех — нырять с высокого берега. Все соревнуются в красивых прыжках, но не Степка. Его не интересует изящество в плавании или нырянии. Разбежится Степка, оттолкнется сильными ногами от берега, с диким восторженным криком растопырит руки и ноги в стороны и лягушкой плюхнется в воду. Вода для него — родная стихия. Плавает он лучше и быстрее всех. Ныряет, как утка. Кажется, что он больше времени проводит под водой.

* * *

Возвращается как-то молодежь из очередного рейда за черемухой на большую реку Майхэ. Идут, нагруженные корзинами, полными ягод... усталые, накупавшиеся в реке, наевшиеся ягоды, упившиеся солнцем и свежим воздухом леса. Вышли на полотно железной дороги. Здесь по шпалам идти легче, а еще более забавно идти по рельсу. Сзади послышался свисток паровоза. Нагоняет товарный поезд. Сбежали в сторону, чтобы пропустить поезд. Со страшным грохотом промчался стальной гигант, вздыбил пыль... Вдруг видят — впереди сорвалось что-то с быстро исчезавшего поезда, плюхнулось на землю... Очевидно человек свалился с поезда или соскочил на полном ходу... сделал пару гигантских шагов по песчаной насыпи, по инерции увлекаемый вперед, перевернулся через голову и покатился под откос, купаясь в клубах пыли, поднятой промчавшимся поездом.

— Да это же Степка! — раздался чей-то изумленный голос.

— Степка и есть!!!

Бросились к Степке. Он уже поднялся и взбирался по насыпи, слегка прихрамывая.

— Ты что, сорвался что-ли?.. Откуда тебя принесло?!.. Сильно зашибся?!.. — посыпался град вопросов.

— Ничего... не зашибся! — отвечает он нетерпеливо. — Вот только немного ногу окарябал. Равновесие не удержал... — оправдывается Степка.

— Что же ты прыгал, чудная твоя голова?!..

— Да вас же увидел! Взял и соскочил с поезда!

— Ну, и Степка Рыжий Глаз, — мог только сказать Петр.

— А я был в Имяньпо (это была соседняя деповская станция, верстах в двадцати от Уцзимихэ, где жил наш герой).

Сколько там шуму было на базаре сегодня!!! — возбужденно стал рассказывать Степка. — Целое происшествие.

— Да у тебя без происшествий никогда нигде не обходится.

Степка только отмахнулся.

— Не мешай рассказывать... Иду я по китайскому базару. А базар там, сами знаете, большой, приткнулся у горы. Шум, народу толчется уйма, покупают, продают, а больше так толкутся, бродят с места на место. Вдруг поднялся крик... суматоха; толпа бросилась врассыпную, кто куда... А уж сами знаете, если ленивые китайцы бегут бегом, значит, что-то неладно. Раздались выстрелы, пошла пальба... Тут уж и я сорвался, вскочил в какую-то лавчонку, спрятался за косяк двери и выглядываю осторожно. Хунхузы, думаю, напали, раз стреляют!.. И что же вы думаете... никогда не поверите! Оказывается, медведь, громадный бурый медведь сорвался с горы, нависшей над базаром, и угодил прямо на главную улицу базара!.. Потянулся ли он за сладким медом диких пчел и получил щелчок по носу, или за ягодой потянулся да не удержался, сорвался и загрохотал вниз, прямо на базарную улицу...

— Врешь ты, Степка, — усомнились его приятели, — как это медведь мог попасть на главную улицу?..

— Ей-Богу же, не вру! Хочешь, перекрещусь?

Степка тут же широко перекрестился.

— Если бы мне кто рассказывал, может, не поверил бы, но тут сам видел. Смотрю, бежит медведь по базарному ряду, тяжело переваливается с боку на бок. А сам-то, видно, еще больше напуган, чем китайцы. Шарахаются от него все в стороны, прижимаются к стенам. Ошалелые китайцы-полицейские открыли стрельбу... сколько народу перебили и переранили, ужас!.. Должно быть, одна пуля случайно задела медведя, потому что он вдруг заревел, поднялся, ворвался в гущу китайцев, да как хватит своей громадной лапой по лицу одного... у того от лица ничего не осталось, весь "портрет" сорвал когтями — нос, глаза, рот; лохмотья только остались. Другой лапой зацепил еще одного китайца, снял с головы кожу с волосами, один голый череп остался, прямо как индейцами оскальпированный... а сзади идет пальба, полицейские стреляют, бьют народ... медведь, наконец, вырвался в боковой переулок, ринулся по нему в гору и был таков, исчез в камнях... только его и видели.

Рассказ Степки показался слишком неправдоподобным, но... через несколько дней в газетах этот инцидент был описан подробно, слово в слово, как он был рассказан Степкой!

* * *

На следующий год, когда Степке исполнилось четырнадцать лет, отец, наконец, уступил долгим просьбам своего вихрастого сына и подарил ему свое старое охотничье ружье, типа "бердана". Степка был несказанно счастлив. Кончились его шалости. Всю свою энергию, все свои мысли он отдал ружью. К ружью, правда, подойти страшно, в таком оно ужасном состоянии. Поржавевшее, с раковинами в стволе, расшатанное — ружье могло бы быть, по-настоящему, музейной редкостью, и было более опасно для охотника, чем для дичи, но Степка ценил и холил его как самую драгоценную вещь в мире.

С утра до вечера сидит он у стола, разбирает, смазывает каждую часть, соберет, прицелится в муху на стене, спустит курок, потрет опять... Ружье, наконец, приведено в порядок. Правда, нарезка некоторых винтов настолько сносилась, что при малейшем толчке винты просто вываливаются. Это, однако, не смущает Степку. Для большей прочности он использует проволоку.

Для "следопыта", добывшего себе ружье, настали счастливые дни. Он даже сумел добыть пороху и дроби на два патрона, где выклянчив, а где и просто стащив эти боевые припасы. Трудно описать восторг, охвативший Степку, когда он, наконец, сделал первый выстрел. Выстрелил он по небольшому табунку уток, опустившихся на озерко и, конечно, промазал. Половина его боевых запасов оказалась пущенной по ветру. Ружье тоже не выдержало испытания. Проволока, скреплявшая части ружья, не выдержала, лопнула. Кое-какие винтики повылетали, но Степка, в общем, остался жив. Это его подбодрило. Проволоку можно всегда вновь подвязать, винтики тоже недолго ввинтить на место...

С тех пор похождения "следопыта" Степки Рыжего Глаза стали легендарными. Патроны он экономит. Он не может "пуделять" в белый свет, как делают многие городские охотники. Понаедут из города в субботу с новеньким вооружением, блестящими вороневыми двустволками или нарядными ружьями "Браунинг" или "Винчестер". Все у них новенькое, блестящее, нарядное. Красивые кожаные патронташи, дорогие ягдташи — куда Степке до них с его допотопным музейным самопалом.

У Степки свой метод. Он не торопясь, "по-индейски", ползком подбирается к озерку. Осторожно окидывает взглядом спокойную поверхность озера. Увидит уток, прицелится...

нет... только одна утка попадает на мушку. Он терпеливо выжидает. Если утки перекочевали на другую сторону озера, он так же терпеливо ползет за ними. Иногда такая слежка тянется часами. Малейшее неосторожное движение, и утки уносятся прочь. Вновь терпеливое ожидание, и Степка, наконец, добивается своего... убивает по меньшей мере двух уток на выстрел. Его охотничий день с одним выстрелом, редко с двумя, кончается. Можно возвращаться домой.

Завел себе Степка такую же рыжую и вихрастую, как он сам, собаку, назвал ее громким именем — Ральф. Собака самая простая, плебейская, помесь дворняжки с китайским "чао". Ни в каком родстве с породистыми охотничьими собаками не состоит, но охотником пес оказался замечательным. Рыжая шерсть Ральфа всклокочена, висит лохмотьями, нависает спереди, закрывает умные глаза пса. Трудно сказать, где этот пес нахватался охотничьих навыков, но на охоте он оказался незаменимым помощником и спутником Степки.

Смекалка, ловкость и находчивость, очевидно, были или атавизмом, инстинктом, переданным ему от диких предков, блуждавших по лесам на заре человеческой цивилизации, или же результатом упорной, терпеливой работы и тренировки его хозяина — Степки. Может быть, и то, и другое вместе.

Молча, сосредоточенно шагает Степка по шпалам в сторону от поселка. Он на охоте серьезен, не дурашлив. Собака тоже степенно волочится за ним. Настроение хозяина передается и Ральфу. Пес не забегает вперед, не носится за птичками. Он знает, что перед ним тяжелый день работы.

Встретил Степку Петр, возвращавшийся с рыбалки.

— Что, Степка, на охоту опять?

— Да, хочу пошарить по озерам, может быть, пару уток подшибу.

— А патронов-то много взял? — шутливо спросил Петр. Он знает, что Степка много не берет.

Степка вытащил из глубокого кармана штанов два патрона своей собственной зарядки.

— Вот... два!!!

— Ну, смотри, много не стреляй... Набьешь много уток, придется арбу нанимать.

— Н-не... мне так много не нужно.

Зашагал дальше.

Вечером возвращается Степка домой, несет три утки на удавках.

— Как же ты трех уток убил на два патрона-то? — поражаются приятели.

— Один патрон!.. Вот второй, целый... — И Степка гордо выуживает из своего кармана неизрасходованный патрон.

Изумлению приятелей не было конца.

— Как же, Степка, ты умудрился трех подцепить на один выстрел?

— Э... это не я. Ральф поймал. Я убил одну, а двух слегка подранил... Ральф бросился в воду, достал одну, а потом и другую...

— Ну и Степка! Верно, что индеец-следопыт... ''Рыжий глаз'', что и говорить.

На этом сюрпризы Степки не окончились. В конце лета, с приближением осени, он стал ходить на фазанов. Отъевшиеся, ленивые фазаны прячутся в кустарниках и полях, не хотят подыматься. Только когда собака загонит его в тупик, фазан, наконец, красуясь радугой своего оперения, лениво подымается полукругом и, свистя крыльями, уносится вдаль... Охотиться на фазанов, имея такого пса, как Ральф — детские игрушки. Правда, на патрон можно убить только одного фазана, но... Степка и здесь остался верен себе.

Возвращается он как-то с охоты. На руке привязан живой фазан, прихваченный веревочкой за лапки. Ухмыляется охотник во весь рот.

— Смотри... живой фазан, — показывает он на своего пленника. — И патроны целы!.. — гордо демонстрирует он свои заряды.

— Да как же ты это?

— Э... это не я... Вон... Ральф поймал...

С тех пор собака стала нередко ловить фазанов живьем.

Зимой тоже, на Рождественские каникулы приезжает Степка домой, на охоту. Берет верного Ральфа и по снежным сугробам отправляется на охоту за фазанами. Охота зимой еще легче. Фазан, как страус, уткнется под куст, засунет голову в снег и сидит, не шелохнется. Сам никого не видит и думает, что его никто не видит. Ральф уверенным броском кидается на свою жертву, придавит лапой, осторожно зажмет пастью и ждет хозяина. Степка свяжет фазана, потреплет умного пса и идет дальше...

Учиться Степка ездит в город Харбин, в реальное училище. Весной, когда потеплеет и подсохнет на дворе — он один из первых в шалостях, игре в лапту, городки или чехарду. И

вечно ему попадает. То стекло разобьет — письмо родителям от директора училища, то "нечаянно"кулаком двинет кому-нибудь по носу... драка! Чаще же ему попадало. Раз, во время лапты, размахнулся лаптой его одноклассник Кенка, с силой махнул, не попал в мяч и по инерции занес лапту назад, угодив прямо... в лоб Степке, как всегда оказавшемуся там, где ему не следовало быть. Удар лаптой по лбу оказался настолько сильным, что Степка потерял сознание, и его в карете скорой помощи увезли в больницу.

Прошло три года. Степка с трудом окончил реальное училище, и его вновь потянуло в родные места, в лес, на охоту. Зиму и лето стал проводить Степка на своих старых местах, в тайге. Завел хорошее ружье и сделался настоящим профессиональным охотником-промышленником. Он уже бьет птицу и зверя на продажу. Иногда по неделям пропадает в тайге, в горах — неизвестно где. Охота оказалась довольно выгодной. Даром Степка припасов не тратит. Бьет наверняка. Он вырос, возмужал, окреп, в плечах — косая сажень; нет уже прежней угловатости.

* * *

Времена настали тревожные. Никто не знал, чего ждать. Останутся ли в крае китайские власти, займут ли его японцы, или, чего больше всего боялись, — вдруг нагрянут советские русские... Напряженность положения и безвластие вызвали образование бесчисленных разбойничьих шаек — хунхузов. Вначале хунхузы грабили только богатых купцов; середняков и бедняков не трогали. Постепенно, с развитем "конкуренции", от хунхузов стали страдать буквально все. Бандиты не брезговали ничем. Даже выкуп в пару десятков долларов вполне удовлетворял их.

Охотники постепенно стали бросать свой спорт. Слишком опасно. Нередки случаи, что охотник возвращается домой с отрезанным ухом, просидев в плену у хунхузов несколько дней и даже недель. Уши обычно отправляются родственникам пленника с напоминанием, что если выкуп не будет внесен до определенного срока, то следующей посылкой будет... отрезанная голова! Нужно полагать, подобная перспектива не особенно устраивала охотников, потому что вскоре все охотничьи экспедиции в маньчжурские дебри прекратились. С каждым годом дичь плодилась все больше и больше. Вскоре фазанов можно было бить палками. Они зимой да-

же забирались во дворы поселков, питаясь зерном вместе с домашней птицей.

Край заняли японцы. Порядка, однако, больше не стало. Хунхузских шаек, как фазанов, стало еще больше. Многие из хунхузов теперь стали называть себя партизанами. Провести границу между хунхузами и партизанами во многих случаях было не легко. Японцы особенно не заботились о выяснении этой разницы. У них было одинаковое отношение к тем и другим — пуля в затылок. Очень часто хунхузы, прикрываясь именем партизан-националистов, атаковали японцев, одновременно грабя своих соотечественников-китайцев. Конечно, имелось и много настоящих партизан, несколько партизанских отрядов, сформированных патриотической студенческой молодежью, получающих инструкции от своего правительства из далекого Чунцина. Стали ходить слухи, что замечены были и советские партизанские отряды, главным образом корейцы из советского Приморья, но большая часть была составлена из самых простых, отъявленных разбойников-хунхузов.

Несмотря на все эти перемены и события в Маньчжурии, Степка, как ни в чем ни бывало, продолжал регулярно исчезать в тайгу, возвращаясь с массой набитой дичи и диких коз. Был ли он заговорен от хунхузов, или же в своих многолетних скитаниях по маньчжурским трущобам он завел прочные связи и хорошие отношения с хунхузами, никто не знает, а Степка только отмалчивается или отшучивается. Старики поматывают своими седыми головами, сидя на завалинках и посасывая китайские сигареты...

— Будет висеть твоя беспутная голова на колу где-нибудь в логовище хунхузов, — говорили они.

Степка смеется, все отшучивается...

— Меня не тронут. У меня слово такое есть...

— Ну и Степка!..

Ушел раз Степка в сопки и сгинул... Прошел месяц, два. О Степке ни слуху, ни духу... Прошло еще полгода. Решили, сложил свою бесталанную голову "следопыт"... висит где-нибудь голова, водруженная на высокий кол, глядит в пространство ввалившимися глазными впадинами; засохла, сморщилась пергаментная кожа...

Вскоре, однако, пошли слухи о большой, хорошо организованной шайке хунхузов, оперирующей в этом районе, об их смелых налетах, нападениях на японские гарнизоны, о спущенных под откос японских эшелонах и товарных поездах, о грабежах богатых купцов.

Но не об этом шепчутся и втихомолку болтают знающие люди. Мало ли шаек развелось в краю... Говорят о русском... что во главе шайки стоит русский, знающий всех и знакомый с каждым кустиком и ручейком тайги. Упорно называют имя главаря... Степка! Но мало ли что люди болтают. Трудно поверить, чтобы Степка пошел на такое дело, но нельзя и не верить. Китайцы, знающие Степку, утверждают, что главарь шайки... он!

Мать и отец Степки вызывались в японскую жандармерию, где их долго допрашивали и выпытывали — где Степка и что с ним. Били отца, но не сильно. Увечий не было. Бил молодой жандармский поручик больше по привычке, чем по злобе. Скоро их отпустили, но отец как-то сразу постарел. По его черной бороде пошли нити седых волос.

Японцы, очевидно, сомнений не имели, кто был главарем шайки хунхузов, потому что вскоре по всему округу были расклеены плакаты с портретом Степки и указанием крупной суммы денег в виде денежной награды за голову главаря шайки. Должно быть, репутация Степки и его шайки установилась прочно, потому что ни один китаец не прельстился, не посмел выдать его, несмотря на заманчивость награды.

Упорно стали ходить слухи, что Степкин отряд — не хунхузы, а партизаны, подчинявшиеся национальному правительству в Чунцине, но в это время, когда все смешалось, когда никто не знал, кто друг и кто враг, трудно было проверить справедливость слухов. Время шло. Налетел шквал Второй Мировой Войны, разбросал всех по всему миру. Гордая японская квантунская армия по приказу императора сдалась советским войскам, залившим Маньчжурию. Пошли аресты русской эмиграции и вывоз "на родину". Имя Степки было забыто. Он просто исчез. Может быть когда-нибудь, если Степка не сложил головы, — мы узнаем правду о нем. Можно быть уверенным, зная натуру Степки, что он еще где-нибудь вынырнет, окажется в самом необычном месте.

Боулдер, Колорадо
Сентябрь 1945 г.

СТАРЫЙ ДРУГ

Получил письмо из Австралии от Харитона, своего старого друга еще по Маньчжурии. Пишет он, что собирается приехать к нам, повидаться после 30-летней разлуки. Подумать только, что не виделись с ним тридцать лет. В последний раз приезжал он к нам в Вашингтон в 1947 году. Плавал он тогда третьим механиком на датском пароходе. Счастлив был неимоверно. Ведь его, казалось, самые невозможные мечты воплотились в жизнь. Еще со школьных дней, среди маньчжурских сопок и вековой тайги, мечтал он о морях и океанах, "нынче здесь, а завтра там", о солнечных тропиках, о неизведанных землях Южной Америки. И мечты его стали явью.

Плавая на пароходе, он побывал во всех крупных портах Азии — от Шанхая до Сингапура, заходил в Пенанг, Сайгон и Гонконг. И в ту памятную встречу, 30 лет тому назад, он заехал ко мне после сказочного плавания через Тихий океан и Панамский канал в города Южной Америки: Рио-де Жанейро, Буэнос-Айрес, Монтевидео. Перечислял он названия экзотических городов, говорил, точно смотрел внутренними глазами на невидимую мне карту и читал по ней названия городов Южной и Центральной Америки и Азии.

— Счастливчик ты, Харитон! — все, что я мог тогда сказать ему. — Завидую тебе, как, вероятно, завидуют сотни и тысячи наших земляков, дальневосточников, что тебе удалось попасть на пароход и попутешествовать по всему миру.

Назвал я его "счастливчиком", а он и в самом деле родился под счастливой звездой. Эта счастливая звезда помогала ему не раз, и мне хочется здесь поведать о двух-трех таких счастливых случаях в его жизни.

И сейчас, получив его письмо, через 30 лет вспоминаю его в те наши молодые года, невольно вижу перед собой его атлетическую фигуру, мощные мускулистые руки, волевое лицо, а главное — глубокий шрам на щеке. Это был "подарок" свирепого маньчжурского тигра, которого Харитон на охоте подстрелил, да неосторожно подошел к нему. В своем предсмертном, конвульсивном движении, тигр рванул своей могучей лапой и прошел когтем по щеке Харитона, вырвав хороший кусок щеки. Так громадный шрам и остался у него на лице на всю жизнь. Что и говорить, повезло охотнику. Мог и с жизнью расстаться.

В те далекие маньчжурские годы, по окончании гимназии, Харитон бросил большой город и ушел в густые дебри, девственную, безлюдную тайгу, где властвовал царственный владыка тайги и сопок — маньчжурский тигр. В тайге людей не было, и если иногда и встречались, то это были редкие небольшие шайки разбойников — хунхузов. Царил там тигр!

Харитон стал незаурядным охотником. Охотился вначале на птиц: уток, гусей да фазанов. Фазанов в восточной части Маньчжурии было так много, что настоящие охотники даже не считали охоту на них охотой.

— В него и стрелять не надо, — говорили они, — брось в него палку, и он твой!

Харитон набил себе глаз. Стал опытным охотником и зимой, в суровую маньчжурскую стужу, ходил охотиться на косуль и изюбрей. Панты изюбрей очень ценились китайскими покупателями. Летом же — со своим приятелем, старым маньчжурским охотником Василием Ивановичем, стал он охотиться и на тучных кабанов. Маньчжурский кабан — великолепный образец дикой дальневосточной тайги — прекрасный оппонент царственному тигру. Не редко, в единоборстве кабана с тигром, тигр предпочитал ретироваться в поисках более легкой добычи.

Пришло время Харитону, под руководством все того же Василия Ивановича, рискнуть и на высшее достижение охотничьих мечтаний — пойти по свежему, только что выпавшему снегу по следам тигра. В своей первой встрече с "убитым" им тигром, Харитон получил от него визитную карточку, оставшуюся у него на всю жизнь — глубокий шрам на щеке.

Урок запомнился, и Харитон вскоре стал заправским охотником на тигров. В первую же зиму, под неусыпным наблюдением своего тренера Василия Иваносича, он сумел убить двух тигров, один из них рекордных размеров.

В 32-ом году край заняли японцы. Началась повальная конфискация оружия, не только винтовок, но и охотничьих ружей. Харитону удалось запрятать под половицей пола два ружья: одну старую русскую винтовку — трехлинейку и хорошее охотничье ружье Зауэра. Охоту на тигров пришлось прекратить, но изредка он ходил на охоту на изюбрей, все с тем же Василием Ивановичем.

Василий Иванович был настоящим лесным жителем, таежником. Жил он почти всю свою сознательную жизнь на небольшой станции Мацяохэ, на восточной линии железной дороги. Места там, да и вокруг соседних станций — Тайпин-

лин, Силиньхэ и Сяосуйфын — были совершенно дикие, нехоженные, идеальные места для охотников.

Попал Василий Иванович в Маньчжурию в начале столетия молодым новобранцем, попавшим в Заамурскую пограничную стражу, обязанностью которой была охрана полотна Китайской Восточной железной дороги. Во время Русско-Японской войны Василий Иванович служил в 3-ей Заамурской бригаде на станции Ханьдаохэцзы под командой капитана Деникина, впоследствии, во время Гражданской войны, командовавшего Вооруженными Силами Юга России.

Отслужив свой срок в армии, Василий Иванович, как и многие другие, остался в Маньчжурии — этом сказочном краю... пристрастился к охоте, да так ни разу и не побывал в большом городе — Харбине. Но охотник он был первейший.

Полюбился ему молодой, горячий Харитон, во многом напоминавший ему его собственную молодость, и сильно подружились они. Но... пришло время разлуки. Жить под властью японцев стало невыносимо. Харитон решил уехать туда, куда уже уехали тысячи русских из Маньчжурии — в гигантскую столицу Восточной Азии — Шанхай. Василий Иванович предпочел остаться в Маньчжурии, доживать свой век.

— Куда тут ехать мне в Шанхай? — говорил он Харитону. — И языка не знаю... и никакой профессии нет... Не охотиться же мне на шанхайских тигров. Да и стар я. Буду здесь потихонечку заниматься своим ремеслом — охотой, благо птицы здесь много... фазанов, хоть руками лови. С охотой, да со своим огородом, я как-нибудь доживу свой век здесь.

Решили, до отъезда Харитона, еще раз пойти на несколько дней в тайгу, поохотиться на изюбрей, достать пантов.

Вышли со станции Мацяохэ и по падям, между сопок, направились по направлению к русской границе.

— Места здесь богатые... изюбря сколько хошь... — хвалился Василий Иванович.

Несколько дней, проведенных в тайге, однако, никаких результатов не принесли. Изюбри куда-то исчезли. Усталые охотники расположились на ночь в роще на небольшой сопке, решили переночевать, а утром отправиться в обратный путь.

Развели небольшой костер, приготовили пищу, хорошо поели, напились чаю и тщательно затушили костер. Костры опасны в тех местах — во-первых, отпугивают зверя, а главное — могут привлечь внимание другого, более опасного двуногого зверя — хунхуза... Хунзузы последнее время свирепствовали... Готовы были отрубить голову за пару долларов!

Под вечер внизу, в пади, послышался шум, голоса. Оба охотника осторожно выглянули из своего прикрытия.

— Хунхузы! — прошептал Василий Иванович.

В небольшой долинке, видимо, остановился большой отряд... разместились они смело... сразу же запылали костры... Шайка хунхузов была большая, и они не боялись солдат. Солдаты нового государства Маньчжуго не любили ходить в карательные экспедиции против хунхузов... боялись их, и поэтому хунхузы действовали в краю безбоязненно и безнаказанно. Разве только нечаянная встреча с японцами могла заставить их обратиться в бегство.

В долине раздавались шум, смех, оттуда явственно доносились запахи пищи... Харитон и Василий Иванович сидели в кустах, стараясь особенно не двигаться, чтобы не выдать своего присутствия. Уходить им тоже нельзя было. Нечаянный треск сухой ветки мог оказаться фатальным. Оставалось одно — ждать... ждать, пока хунхузы не снимутся и не пойдут дальше.

Стемнело... Василию Ивановичу страшно хотелось курить, но он не смел. Запах табака мог донестись до лагеря хунхузов.

Вдруг в кустах недалеко раздался осторожный шорох. Опытное ухо старого охотника, Василия Ивановича, сразу же подсказало ему, что идет крупный зверь. И он сразу понял, что это был изюбр. Подумать только, бродили охотники несколько дней по тайге и даже следа изюбра не видели, а тут, ночью, он вдруг появился. Изюбр вышел на опушку и стал настороженно смотреть вниз, в долину, откуда доносились голоса хунхузов. Очертания красавца-изюбра были хорошо видны в темноте на фоне еще светлого неба. Один меткий выстрел, и охотникам достались бы великолепные панты.

А тут они только могли молча лежать, смотреть и от злости грызть ногти. Изюбр засопел, понюхал воздух, посмотрел по сторонам и потом, не поропясь, удалился в лесную чащу.

— Как это тебе нравится? — со злостью прошептал Василий Иванович. — Наш первый изюбр за всю неделю, и мы должны были его отпустить!

Так, не солоно хлебавши, наши незадачливые охотники вернулись в избушку Василия Ивановича на станции Мацяохэ.

Харитон вскоре распрощался с Маньчжурией, с японцами и уехал в Шанхай. Жил вначале, как все, прозябал, работал где попало, лишь бы не умереть с голода. Счастье, однако, было на стороне Харитона. Вскоре ему повезло, как вероят-

но очень немногим русским в Шанхае. Ему удалось устроиться в полицию Международного сеттльмента, в которой доминировали англичане. В короткий срок он добился звания сержанта, что было совсем неплохо в условиях эмигрантской жизни. Нашивки сержанта обеспечивали хороший месячный заработок, а также давало ему определенный престиж человека обеспеченного, которому не нужно было полагаться на случайные заработки. Под началом Харитона было теперь десятка два китайских полисменов. Его помощником был молодой, очень способный китаец-сержант Ван. Ван был незаменим для Харитона по службе. Это был тип старого русского ротного фельдфебеля, знавшего все и всех в своей роте, человек, на которого можно было положиться.

Перед самой войной японцы в Шанхае стали все больше и больше наглеть. Пользуясь своим военным преимуществом на территории Китая и, в частности, в Шанхае, они стали подвергать иностранцев ежедневным оскорблениям и даже побоям. Дня не проходило, чтобы консульский корпус Шанхая не предъявлял японскому командованию очередного протеста. Японцы на протесты не обращали никакого внимания. Началась политика террора. На улицах Шанхая хватались неугодные японцам китайцы, отправлялись в штаб и... исчезали. Подобному же обращению подвергались и бесправные русские.

В отделении Харитона произошел грандиозный скандал. Идеальный полисмен, служака, сержант Ван, встретив на улице майора японской армии, видимо, без всякой причины, выхватил свой пистолет и пристрелил японца. Ван бесследно исчез. Харитону пришлось отписываться, давать показания. К счастью, лично для него инцидент закончился благополучно. Следы же Вана потерялись.

И вдруг... неожиданное выступление японцев... Налет на Жемчужную гавань на Гаваях, захват Филиппин; занятие Гонконга и Сингапура, а там и Голландской Ост-Индии. Шанхай в первый же день войны оказался в руках японцев. Американцы и англичане были интернированы. Для Харитона это была потеря службы и благосостояния. Опять — случайные заработки.

Закончились, наконец, тяжелые годы войны и японской оккупации. Положение русских во время оккупации все же, несмотря на недостаток всего, было лучше положения англичан и американцев, сидевших в лагерях и умиравших там, как мухи, от недоедания, болезней и плохого обращения японских тюремщиков.

И тут, с окончанием войны, счастье опять было на стороне Харитона. Ему повезло, как ни одному русскому эмигранту в Шанхае.

Сразу же по окончании войны, в 1945 году, когда русские в Шанхае метались, не знали куда деваться, процент безработных непомерно возрос, Харитону удалось сделать то, к чему он стремился со своих юных лет. Его мечта в те годы, когда он жил на небольшой сонной станции Уцзимихэ и босоногим мальчишкой бегал на речку удить рыбу, претворилась в жизнь.

Нужно, однако, отметить создавшееся положение в Шанхае по окончании войны, прежде чем вернуться к судьбе Харитона. Среди русского населения, отчаявшегося получить заработки, началась агитация: советская армия, победившая немцев, это же ведь та же старая русская армия. Победы советского оружия ослепляли воображение людей, истосковавшихся по родине, потерянной 25 лет тому назад. Организовался союз возвращенцев на родину. Русская колония, впервые в эмиграции, раскололась.

Возвращенцы потянулись на родину, кто на советских пароходах в Находку, а кто и через Харбин железной дорогой. Поехали сами и потащили с собой и детей, родившихся в Шанхае и никогда не видевших России. Многие из них даже по-русски не говорили. Тысячи уехали, но и тысячи остались. Харитон был одним из тех, кто категорически отказался брать советский паспорт и ехать в страну советов.

— Я еще с ума не спятил, — говорил он, — чтобы самому, вот так просто, надевать себе петлю на шею.

Позже, через четыре года, с приближением к Шанхаю армий китайских коммунистов, оставшиеся в Китае русские были вывезены на остров Тубабао, один из филиппинских островов.

Харитону, как было сказано выше, в трудные минуты везло. Шел он как-то по одной из бесчисленных грязных, узеньких улочек Шанхая, по обеим сторонам которой расположились многочисленные магазины, торгующие кожаными изделиями. Вся улица была наполнена запахом кожи. Продавали там главным образом кожаные чемоданы, саквояжи, портфели.

У одного из магазинов Харитон заметил трех иностранных моряков, которые, видимо, пытались выторговать себе чемоданы, но ни китаец-торговец, ни моряки — друг друга не понимали.

Харитон подошел:

— Может быть, я могу помочь вам? — спросил он.

Те обрадовались:

— Да... да, пожалуйста. Объясните этому "образине", что мы хотим купить три чемодана, и из хорошей кожи, а то он сует нам какую-то дрянь, дешевку.

Харитон быстро объяснил торговцу по-китайски, чего хотели моряки, и... сделка быстро состоялась.

Обрадованные моряки не хотели отпускать Харитона и затащили его в один из баров на соседней улице. Оказались они моряками с датского парохода, совершавшего рейсы между Азией и Северной и Южной Америкой. Узнав, что Харитон без работы, они обрадовались:

— Хорошо... очень хорошо... у нас есть вакансия в машинном отделении... Поступайте к нам!

Объяснили ему, как найти пароход, на какой пристани, и на следующее утро, в 8 часов, Харитон был на пароходе и сразу же был нанят на должность третьего механика.

В тот же день Харитон покинул Шанхай... покинул родную Азию.

Страшно увлекательным было это первое морское путешествие Харитона. Его мечты претворились в явь.

С тех пор прошло тридцать лет. Изредка мы переписывались... знали, что, проплавав два или три года, Харитон вернулся в Шанхай... застрял там... почему-то не уехал со всеми, когда город захватили красные китайцы... Но потом какимто образом он сумел оттуда выбраться и попал в Австралию, где и прочно осел.

* * *

Приехал Харитон. За тридцать лет он мало изменился. Конечно, возмужал, шапка когда-то густых темных волос сильно поредела, появились серебряные нити, но фигура осталась та же, юношеская, атлетическая... на щеке тот же страшный шрам, "поцелуй" тигра. И тот же юношеский задор... Говорит... горячится... кипит...

После того, как радость и возбуждение от первых минут встречи несколько улеглись, задал я ему вопрос:

— Как это случилось, Харитон, что ты не сумел уехать из Шанхая во время эвакуации и попал в лапы китайских коммунистов? Зная тебя, я был уверен, что уж ты-то им не попадешься!

— Меня не захватили, — усмехнулся Харитон, — не из та-

ких мы... Нет, я остался там сознательно... Видишь ли, во время войны у меня в Маньчжурии застряли родители... Пришли туда красные — я никак не мог их выписать, пока сам не остался в Шанхае и не сдался красным. Только после этого, да и то на хлопоты ушло года два, мне удалось добиться их переезда в Шанхай. И что самое поразительное — родители очень скоро сумели добиться разрешения на выезд и уехали в Австралию. После этого мне тоже можно было начинать хлопоты о выезде в Австралию, но тут китайцы стали ставить палки в колеса. Разрешения на выезд не давали... рекомендовали ехать на родину...

— Ну и что же? Как ты добился в конце концов?

— Повезло мне... счастливый случай!

— Опять повезло?

— Позволь мне отклониться сначала... рассказать кое-что, что произошло за несколько лет до моего отъезда из Китая... тогда тебе все станет ясно и понятно... Помнишь те годы, когда я плавал на датском пароходе? Ну так вот, каждый раз, когда наш пароход приходил в Шанхай, я привозил своим родственникам и знакомым в подарок американские часы-браслеты. У трапа корабля всегда стоял на посту китаец-таможенник, который осматривал все пакеты, которые мы выносили на берег — не проносили ли контрабанды, а часы были контрабандой. Нормально за них надо было платить довольно высокую пошлину. Ну, прежде всего, назову тебе вымышленное имя таможенника... скажем, звали его Ли.

С ним у меня установились прекрасные отношения... в каждый свой приезд в Шанхай я привозил ему пару часов... и он никогда не осматривал моих пакетов... Я мог свободно выносить на берег десяток часов, если нужно было... Скажу тебе откровенно, я мог бы заняться очень выгодной контрабандой, чего я, конечно, не делал, кроме того, что привозил подарки своим друзьям... Словом, мы стали с Ли большими друзьями... Он всегда радостно встречал меня, кричал:

— Пэн-ю! ("Друг").

Харитон хитро посмотрел на меня:

— Так вот, это все присказка, а сказка будет впереди... Вернулся я в Шанхай... потом отъезд большинства русских, кто в Россию, а кто — на остров Тубабао. Потом пришли красные китайцы, потом мое решение ехать в Австралию. Знал я, что люди месяцами ходили в местное учреждение, в котором выдавались выездные визы. Знал и с ужасом думал — выпустят ли, и если выпустят, то сколько времени

нужно будет переносить все эти унижения, которым они подвергали просителей-европейцев.

— Наконец решился... Пошел... Пришел в учреждение. Там в небольшой приемной сидела группа просительниц — бельгийских католических монахинь... сидят... терпеливо ждут. Никто на них не обращает внимания.

Я обратился к пожилой монахине — сколько времени они уже ждут здесь?.. — "Да вот уже вторая неделя пошла. Все время находят какие-то непорядки и неправильности в бумагах".

Дальше Харитон рассказал нечто совершенно фантастическое. Он направился к столу, за которым важно восседал какой-то крупный служащий учреждения... подошел к нему и в удивлении остановился:

— Ван! — вскрикнул он.

Тот поднял глаза... радостно вскочил:

— Харитон!

Да, конечно, это был Ван, китаец-сержант муниципальной полиции Международного сеттльмента... тот самый Ван, который вызвал перед Второй Мировой войной международный инцидент, когда он застрелил японского майора и бесследно исчез. Ван тогда был главным помощнимом Харитона. Теперь он оказался каким-то высоким комиссаром в коммунистическом Китае.

Обрадованный Ван предложил Харитону стул, послал вестового за чаем... Так, в веселых, дружеских разговорах у них прошло по крайней мере часа два. Бедные бельгийские монашки продолжали терпеливо сидеть. Они уже привыкли к терпению под властью китайских коммунистов. С большим уважением смотрели они на Харитона, как видно, весьма влиятельного человека в красном Китае. Авторитет Харитона среди них поднялся на недосягаемую высоту.

Ван спросил у Харитона, куда он едет, и, узнав, что он направляется в Австралию, взял его паспорт и без всяких лишних слов поставил на нем визу — разрешение на выезд из Китая.

— Эти люди едут с тобой? — указал он на монахинь.

Харитон утвердительно кивнул головой.

— Давай их паспорта!

Харитон быстро собрал паспорта монашек, и Ван равнодушно поставил на них визы. Все формальности закончены. Харитон с Ваном тепло распрощались. Выходя из здания, пожилая монахиня подошла к Харитону и тихо сказала:

— Большое вам спасибо от всех нас.

Харитон в изумлении посмотрел на нее:

— За что! Я ничего не сделал!

Монахиня многозначительно поджала губы и отошла, — понимаю, дескать, дело секретное!

Монахини в тот же день уехали поездом в Кантон. Харитон не торопился. Имея визу, он теперь не беспокоился; закончил все свои дела и только дня через три отправился в Кантон. Был страшно счастлив, что ему так повезло с получением визы.

"Видно, под счастливой звездой я родился, — подумал он, — мне опять повезло. Нужно же было встретить Вана в этом месте!"

Оставалась последняя рогатка на юге, на самой границе с Гонконгом, после которой надо было по мосту перейти на территорию Гонконга — в свободный мир!

"Только бы здесь чего не случилось, и на самом виду Гонконга вдруг не выпустят", — со страхом думал он. Он знал, что были случаи, когда здесь на границе людей задерживали и не пропускали в Гонконг.

Сошел Харитон с поезда и отправился в пограничный контрольный пункт. Вошел в здание казарменного типа и в изумлении остановился, увидев там сидевших на жестких деревянных скамейках все тех же терпеливых бельгийских монахинь.

— В чем дело? — обратился он к ним. — Ведь вы же уехали на три дня раньше меня?

— Приказали ждать... сверяются с властями в Шанхае, все ли в порядке?

Харитон пожал плечами. Понял, что это были сознательные мелкие придирки — расплата европейцев за былые колониальные порядки.

С тяжелым сердцем отправился к пропускному столу. И... трудно поверить, но Харитону здесь опять "повезло". Он подошел к столу и обомлел... узнал служащего. Это был тот самый таможенник Ли, которому Харитон в каждый свой приезд в Шанхай привозил из Америки часы. Ли сразу узнал его и страшно смутился. Всю напускную важность надутого чиновника как рукой сняло. Ведь одно слово Харитона об его прежней деятельности, и Ли не сносить головы.

Харитон радостно подошел к нему и тепло поздоровался с Ли, как со своим старым "пэн-ю" ("другом"). Ли успокоился, потеплел, долго жал ему руку... Предложил сесть и сразу же заказал чайник ароматного чаю. И опять, как и в Шан-

хае с Ваном, в дружеских разговорах незаметно прошло два или три часа.

Монашки продолжали молча и терпеливо сидеть. Наконец Ли и Харитон распрощались. Последняя печать на странице паспорта, и Харитон был свободен идти на мост и... в мир свободы.

Ли посмотрел на монашек, спросил:

— Твои знакомые?.. Едут с тобой?

— Да... мы вместе из Шанхая...

Ли шлепнул печатью по паспортам и отдал их обратно; путь свободен.

Еще раз дружески пожали друг другу руки.

Как будто неторопливо перешли границу по мосту и с наслаждением и радостью посмотрели на вежливо приветствовавших их чинов гонконгской полиции... Наконец-то выбрались в свободный мир!

Пожилая монахиня, как наседка, отвела своих опекаемых монашек в сторону и подошла к Харитону:

— Я не знаю, кто вы и что вы, — обратилась она к нему, — но мы, все, от всего сердца благодарим вас за вашу помощь!

Харитон пытался протестовать, что он никто, ничей агент... но монашка подняла руку, точно хотела дать ему понять, что ей все понятно без слов, и важно, с чувством собственного достоинства, отошла от него.

Как для них, так и для Харитона здесь, на этой стороне моста началась теперь новая жизнь.

Александрия, Виргиния
Сентябрь 1977 г.

ХАНЬДАОХЭЦЗЫ

В своем описании жизни русских в Маньчжурии я главным образом описывал центр расселения русских — Харбин, где сконцентрировалась главная масса русского населения Маньчжурии. Здесь, в Харбине, были десятки русских православных церквей, старообрядческие храмы; были синагоги, мусульманские мечети, католический костел и лютеранская кирха. Кроме низших и средних школ: гимназий и реальных училищ, были и высшие учебные заведения.

Но Харбин не был единственным местом расселения русских в Маньчжурии. На всем протяжении Китайской Восточной железной дороги находились десятки железнодорожных станций, больших и маленьких, на которых жили и работали не только русские железнодорожные служащие, но были также и "частные" русские жители, обитавшие в пристанционных поселках. Главная масса русских "линейных" жителей концентрировалась в крупных, так называемых "деповских" станциях с большими русскими поселками. На этих станциях происходила смена паровозов, паровозных и кондукторских бригад на поездах дальнего следования. Эти деповские станции, каждая из них, были в сущности "Харбином в миниатюре". Все там было, как в Харбине: гимназии и низшие школы, железнодорожные больницы, врачи, аптеки; были торговые предприятия. По соседству находились лесные концессии, а у некоторых станций были и угольные копи. Все на этих станциях было как в Харбине, только в меньших размерах. Не было только высших учебных заведений.

Для того, чтобы иметь представление об этих крупных центрах русского расселения, в виде примера вкратце опишем одну из таких деповских станций, Ханьдаохэцзы. Описываю со слов бывшего жителя этого "маленького Харбина", профессора Николая Ивановича Рокитянского, в свои молодые годы жившего на станции Ханьдаохэцзы, а теперь жителя Калифорнии.

В те годы, когда Китайской Восточной железной дорогой владели русские, станция Ханьдаохэцзы была крупным связующим звеном на восточной линии железнодорожной магистрали, между Харбиным и Владивостоком. Здесь находились крупные механические мастерские с большим штатом инженеров, техников и служащих. От станции Ханьдаохэцзы в сторону, вглубь тайги и гор вела железнодорожная ветка

длиной в 30 километров, в лесной район, откуда доставлялись на станцию лесные материалы, главным образом шпалы для железной дороги, а также другие строительные материалы.

Нужно отметить, что в поселке при станции находилось две гимназии: одна для детей железнодорожных служащих, а другая — частная, имени генерала Афанасьева (помощника управляющего дорогой по административной части). В обеих гимназиях был весьма компетентный состав преподавателей, прибывших в Маньчжурию, как до, так и после гражданской войны в России, из разных районов и городов российской империи. Директорами гимназий были: М. Винивитинов, Г. Ткаченко и Г. Павловский. Преподавателями были крупные специалисты: А. И. Александров преподавал географию, В. И. Мичков — древнюю и новую историю, И. А. Кухарский был опытным педагогом и администратором.

Как и во всех крупных центрах русского расселения, на станции Ханьдаохэцзы была обширная спортивная арена, где можно было заниматься спортом круглый год.

Культурная жизнь концентрировалась в железнодорожном собрании, при котором был театр драмы, где регулярно ставились драматические и балетные спектакли и давались концерты. Был в городе и кинотетар, в котором демонстрировались главным образом американские фильмы. Самыми популярными киноартистами того времени были Чарли Чаплин и Рудольф Валентино. Из экранизации классики тогда шли "Собор Парижской Богоматери" по роману Гюго, "Три мушкетера" по роману Дюма и другие.

В театре выступали как собственные, местные любительские силы, так и приезжавшие "на гастроли" труппы профессиональных артистов из Харбина. Директор театра, большой энтузиаст дела, руководил театральными классами для подготовки местных артистических сил. Нужно отметить, между прочим, что театр был на полном иждивении КВЖД.

Население Ханьдаохэцзы представляло собой конгломерат всех народностей России. Кроме русских (великороссов) жили здесь и работали украинцы, поляки, эстонцы, немцы, латыши, татары — кого только не было! Многие из них были весьма талантливыми людьми. Инженер Бонасевич, например, был известным коллекционером редких монет. Кроме того, он собрал коллекцию редких экзотических растений. В своем "птичнике" он разводил неизвестных в холодном климате Маньчжурии колибри и попугаев.

Многие железнодорожные служащие жили и работали в Ханьдаохэцзы с самого начала постройки Китайской Восточной железной дороги. Отец профессора Рокитянского, Иван Михайлович Рокитянский, жил на станции Ханьдаохэцзы со дня постройки дороги, работал в железнодорожных мастерских. Со временем он возглавил один из цехов, в котором работало 200 человек, половину которых составляли русские, а другую половину — китайцы.

В инструментальном цехе мастерских работал специалист Фока Залазный, поставлявший точные инструменты для обслуживания поездов.

На станции Ханьдаохэцзы менялись паровозы для поездов, следовавших из Харбина во Владивосток ежедневно. Кроме того, туда же два раза в неделю приходили международные спальные вагоны "Вагон-Ли". Машинистом первого класса был Андриан Сингур, который водил эти поезда из Хньдаохэцзы на восток. Популярный А. Сингур имел большую семью из шести детей — 3 дочери и 3 сына. У всех хорошие русские имена: Наталия, Надежда, Вера, Дионисий, Алексей, Константин. Семья была хорошо известна в Ханьдаохэцзы. Все они, закончив гимназии, получили высшее инженерное и медицинское образование — еще один пример того, что служащие железной дороги были хорошо обеспечены и имели возможность дать высшее образование своим детям.

Начальником конторы пятого участка и железнодорожным бухгалтером был В. С. Язычков, хороший администратор, пользовавшийся большой популярностью среди железнодорожных служащих. Для удовлетворения культурных потребностей населения, кроме драматического театра, там имелся симфонический оркестр, участниками которого были местные любительские силы: учителя, учащиеся и служащие. Кроме того, в гимназии был струнный балалаечный оркестр, а также духовой оркестр при железнодорожном собрании (клубе).

Большая железнодорожная больница, которую считали второй после харбинской, возглавлялась хирургом доктором Пушторским и хирургом Френдштейном. Больница предоставляла бесплатное лечение железнодорожным служащим. На станции была большая частная аптека.

Жители Ханьдаохэцзы гордились тем, что во время Русско-японской войны в Ханьдаохэцзы жил капитан генерального штаба (позже генерал) Деникин. Когда началась война, он вызвался добровольцем на фронт. Его, как офицера генерального штаба, направили на штабную должность в глубо-

кий тыл, на станцию Ханьдаохэцзы. Он был назначен на должность начальника штаба 3-ей Заамурской бригады, которая была расквартирована на станции Ханьдаохэцзы. Тыловая работа его не удовлетворяла, и он в конце концов добился назначения на фронт.

Природные условия на станции Ханьдаохэцзы были типичными для всей Маньчжурии, хотя, может быть, и с важными вариациями. В то время как на западном от Харбина участке дороги, особенно за Хинганским горным хребтом, был степной, полупустынный колорит, восточная линия проходила по гористой зеленой местности, с преобладанием огромных массивов тайги.

Природа здесь была исключительной красоты. В районе Ханьдаохэцзы, из-за обилия дождей, в долинах среди гор и на склонах гор можно было видеть обилие диких цветов: азалии, пионы, ландыши, магнолии, лилии. Там же было обилие полевых и лесных ягод: земляника, дикая смородина, крыжовник и заросли дикого винограда.

На участках, очищенных от лесных зарослей, китайцы-огородники разводили овощи, которые русские жители солили и мариновали на зиму. В станционном поселке были небольшие торговли, лавчонки, хозяевами которых были китайские торговцы. Но большие магазины (включая гастрономические и пекарни) были в руках русских.

Густая тайга близко подходила к полотну железной дороги. Требовала постоянного внимания. Нужно было путевым рабочим постоянно очищать от зарослей подходы к полотну дороги.

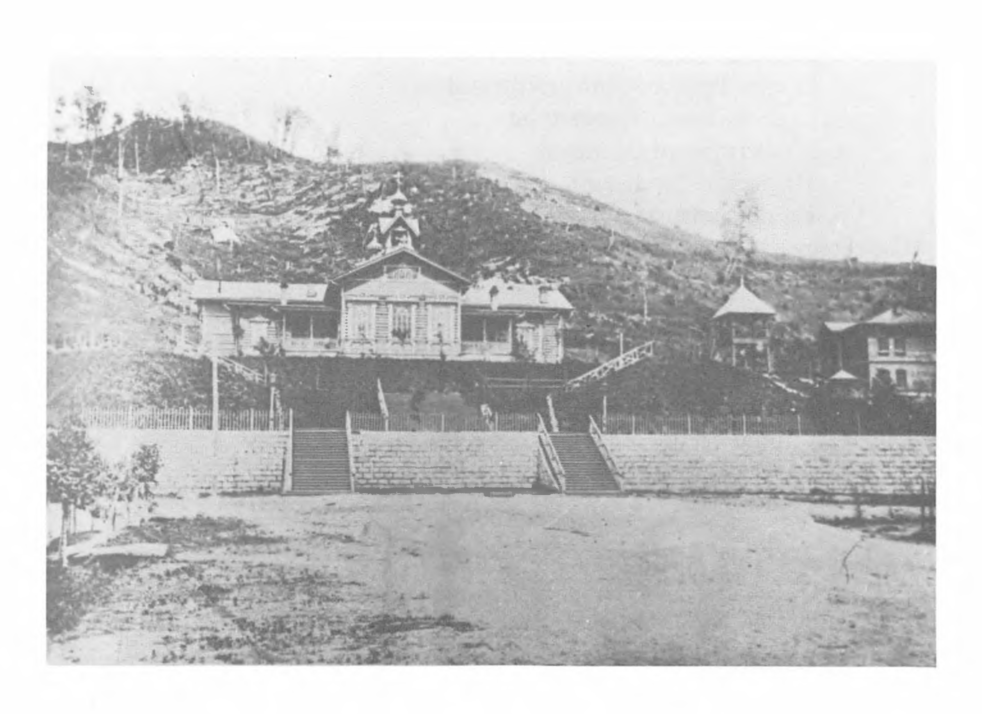
В ранние годы русского владения железной дорогой в тайге изобиловали медведи, которые нередко наведывались и в станционный поселок. Несколько глубже в тайге, может быть, на расстоянии 15—25 километров от станции можно было встретить и величественного царя тайги и горных увалов — самого огромного в мире маньчжурского тигра, а также и грациозную косулю. На полях и в кустарниках была масса фазанов. В полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги жили преимущественно русские и китайцы, но кое-где были и корейцы.

Нужно сказать, что как в Ханьдаохэцзы, так и вообще на всех станциях Китайской Восточной железной дороги русские обстраивались добротно, крепко. Дома железнодорожников, а также и военные казармы строились с массивными, толстыми каменными или кирпичными стенами — верная защита от маньчжурских суровых зим.

Жили русские в Маньчжурии хорошо, в полном довольстве. Как и на всех деповских станциях, в Ханьдаохэцзы была церковь, в которой служили исключительные по своим духовным качествам пастыри, отцы Шапошников, Николаевский, Виноградов и Неженцев. Церковь на праздники была переполнена народом. Пел хороший церковный хор. Большое впечатление оставляла Пасхальная заутреня, на которой присутствовало все население станции.

В Ханьдаохэцзы была довольно большая колония татар, большей частью работавших в частных предприятиях: на мукомольной мельнице, на пивоваренном заводе, водочном заводе и т. д. В поселке было три водочных завода (винокуренных): ''Климов'', ''Календа'' и ''Никитин''. Владельцами пивоваренных заводов были немцы и чехи.

Такова ''физиономия'' большой русской деповской станции в Маньчжурии. Эту картину можно умножить в несколько раз, чтобы иметь представление о жизни ''на линии'', вне Харбина. Подобными же деповскими станциями, ''Харбином в миниатюре'', были станции Имяньпо, Мулин, Пограничная — на восточной линии; Аньда, Цицикар, Бухэду, Хайлар, Маньчжурия — на западе; Шуанченцу, Таолайчжоу, Яомынь, Куанченцзы — на юге. Все они были культурными сателлитами Харбина и рассадниками русской культуры и влияния на Дальнем Востоке — в Маньчжурии.

Церковь на станции Ханьдаохэцзы

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДРУГИЕ КНИГИ ТОГО ЖЁ АВТОРА:

ПОД АМЕРИКАНСКИМ ФЛАГОМ, рассказы, Шанхай, 1933.
ЛОЛА, роман, Шанхай, 1934.
В МАНЬЧЖУРИИ, рассказы, Шанхай, 1937.
АЛБАЗИНЦЫ В КИТАЕ, историческое исследование, Вашингтон, 1956.
КИТАЙСКИЕ РАССКАЗЫ, Вашингтон, 1962.
САГА ФОРТА РОСС, кн. 1: ПРИНЦЕССА ЕЛЕНА, роман, Вашингтон, 1961, 2-ое издание, 1980.
САГА ФОРТА РОСС, кн. 2: КОНЕЦ МЕЧТАМ, роман, Вашингтон, 1963.
СТОЛЕТНЯЯ ГОДОВЩИНА ПРИХОДА РУССКИХ ЭСКАДР В АМЕРИКУ (с соавтором), Вашингтон, 1968.
РОССИЙСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ В КИТАЕ, исторический очерк, Вашингтон, 1968.
КОЛУМБЫ РОССИЙСКИЕ, повесть, Вашингтон, 1971.
КАМЕРГЕР ДВОРА, роман, Вашингтон, 1973.
ЗАВЕРШЕНИЕ ЦИКЛА, повесть, Лос-Анжелес, 1975.
КРАТКИЙ ОЧЕРК О ПРЕБЫВАНИИ РУССКИХ В КАЛИФОРНИИ В НАЧАЛЕ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ (1812—1841 гг.), Лос-Анжелес, 1974.
РУССКАЯ АМЕРИКА, историческая справка, Лос-Анжелес, 1975, 2-ое издание, 1981.
ФОРТ РОСС И ЕГО КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ, Лос-Анжелес, 1977, 2-ое издание, 1980.
КАТАКЛИЗМ, повесть, Вашингтон, 1982.

На английском языке:

ELECTRIC POWER, Washington, D. C., 1959.
SOVIET INDUSTRY, Washington, D. C., 1960.
ENERGY RESOURCES, Washington, D. C., 1962.
GEOGRAPHY OF THE SOVIET UNION, Washington, D. C., 1964.
TRANSPORTATION, Washington, D. C., 1967.
CHINA: EMERGING WORLD POWER, New York, 1967.
MONGOLIA: A PROFILE, New York, 1970.
CHINA: EMERGING WORLD POWER, 2nd Edition, New York, 1976.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

новая книга

ВИКТОРА ПЕТРОВА

ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОЕ

рассказы